

Б. Дунаев

Пр. Максим
Грек
и Греческая
идея на Руси
в 16 веке

Б. И. Дунаевъ.

ПР. МАКСИМЪ ГРЕКЪ

И

ГРЕЧЕСКАЯ ИДЕЯ НА РУСИ ВЪ XVI ВѢКѢ.

«Attende, ul

Историческое изслѣдованіе

съ приложеніемъ текстовъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціей въ началѣ XVI ст.

по документамъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

МОСКВА
Синодальная типографія.
1916.

Отдѣльный оттискъ изъ 2 выпуска IV тома Трудовъ Славянской Комиссіи Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества.

Максимъ Грекъ и греческая идея на Руси въ XVI-мъ вѣкѣ.

Дѣйств. чл. Об. Б. И. Дунаева.

Максимъ Грекъ прѣхалъ въ Россію уже вполне зрѣлымъ человѣкомъ, вполне сформировавшимся борцомъ, съ опредѣленными идеями, а, можетъ быть, и планами своей дѣятельности.

Надъ изученіемъ историческаго облика Максима, какъ извѣстно, трудилось не мало лицъ. При этомъ изслѣдователи вначалѣ въ одинъ голосъ спѣшатъ отмѣтить сильное влияние Запада, а въ частности Савонаролы, на складъ личности Максима Грека. Нѣкоторые же договариваются и до болѣе опредѣленныхъ положеній. Такъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: „Видно, что личность Савонаролы произвела глубокое впечатлѣніе на Максима и, конечно, имѣла большое влияние на образованіе его характера: и въ Максимѣ мы видимъ ту же ревность по вѣрѣ и ту же смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ оцъ удивлялся въ Савонаролѣ“¹⁾.

Но въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи начинается какое-то сплошное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что высказанныя только-что положенія совершенно игнорируются, и мы не имѣемъ даже попытокъ понять личность Максима внѣ тѣсныхъ рамокъ тогдашней русской дѣйствительности. Послѣ переѣзда его черезъ русский рубежъ, изслѣдователи уже видятъ въ Максимѣ только типичнаго дѣятеля нынѣшняго 16-го вѣка. Отсюда и рядъ ихъ собственныхъ же недоумѣній. Чтобы быть послѣдовательными, мы обратимся, въ мѣру возможности, къ первоисточникамъ. Для этого выслушаемъ показанія самого Максима. Обратимся къ рассказанной имъ: „Повѣсти страшной и достопамятной“.

„Флоренція градъ, рассказываетъ Максимъ, есть прекраснѣйшій и предобрѣйшій сущихъ въ Италіи градовъ, ихъ же самъ видѣхъ; въ томъ градѣ монастырь есть мниховъ, отчина глаголемыхъ по латински предикаторовъ, еже есть Божіихъ проповѣдниковъ; храмъ же священныя сея обители святѣйшаго апостола и евангелиста Марка получивъ приизрателя и предстателя. Въ сей обители игумень бысть нѣкїй священный инокъ, Іеронимъ званіемъ, латинянь и родомъ и ученіемъ, преполонъ всяка премудрости и разума богодохновенныхъ писаній и внѣшняго наказанія, сирѣчь философіи, подвижникъ презѣленъ и божественною ревностію довольно украшаемъ; сей премногий разумомъ богодохновенныхъ писаній и болій божественною ревностію, уразумѣвъ граду сему двѣма богомерскимъ грѣхомъ злѣйше порабощену сущу, сирѣчь богомерскимъ содомитскимъ беззаконіемъ и безбожнаго лихоиманія и безчеловѣческимъ рѣзоиманіемъ, ревностію Божіею разжегся, совѣтъ совѣтовавъ добръ и богоугоденъ, сирѣчь учительнымъ словомъ, еже отъ божественныхъ писаній, пособити граду оному и истребити отъ него въ конецъ нечестія сіа и, сіе совѣтовавъ, начать учить въ церкви люди Божіа всяческими премудрыми учении и изъясненіи книжными во храмѣ святаго

¹⁾ Порфирьевъ: «Ист. Р. Сл.» ч. I, стр. 512.

Марка евангелиста, собираемымъ къ нему часто многимъ слышателемъ благороднымъ и правымъ жителемъ града того, и возлюбленъ бывъ отъ всего града; помолиша его въ той самой соборной церкви, пришедшу учить ихъ Божию слову и закону, и онъ возлюбилъ ихъ совѣтъ и изволеніе, со усердіемъ подъятъ иже по Бозѣ сицевъ подвигъ: по вся недѣли и нарочиты праздники и во вся дни всея святыя четыредесятницы собирався въ соборную церковь, предлагаше имъ учительное слово отъ высокаго сѣдалища, стоя на два часа, есть егда и множае простирая поученіе, и толико возможе слово, яко большая часть града возлюби крѣпкая и спасительная ученія его отступити совершенно коемуждо своя многовременныя злобы и лукавства и возлюбити вмѣсто всякаго блуда и студодѣянія и нечистоты плотскія всяко цѣломудрія и чистоту, неправеднаго же лихоимца и рѣзоимца немилосерда видѣти бѣ абіе праведнѣйша и милостива и челоуѣколюбца бывша, и пѣкимъ отъ сицевыхъ подражающимъ Закхея начальника мытаремъ, иже во евангеліи, злѣ и неправеднѣ собрана бывша ими имѣнія расточающимъ добрѣ сущимъ въ нуждахъ руками учителя своего, и да не, вся по ряду исправленія его глаголя, стужаю прочитающимъ списанія сіа, множае града того преложишася отъ всякіа злобы ихъ во всякій образъ добродѣтели достохвальныя. Единопъ же нѣкое исправленіе похвально, содѣяно бывше единою женою убогою, повѣмъ любителемъ добродѣтели, изъ негоже и имъ же возмогутъ разумѣти силу богодохновенныхъ ученій мужа онаго. Сынъ убогіа оная вдовицы обрѣтъ на улицы повержену мошну камчату, въ ней же бяше златиць пятьсотъ, отнесе къ матери своей, и она видѣвши не возрадовалася о семъ, яко таковымъ обрѣтеніемъ избыти хочеть послѣдняго убожества своего, ниже скрыла у себе, но абіе отнесла ю ко священному учителю граду и рече: „се, преподобнѣйше отче и учителю, виждь мошну сію—найде сынъ мой повержену на улицы, возми ю и, яко же вѣсть преподобіе твое, да обрящетъ потерявшаго ея и отдаждь ему свое, да не скорбь имѣеть неутѣшимую челоуѣкъ о семъ“. И учитель, удивився правдолюбному норову вдовицы и, благословивъ ея, отпустилъ. Во единъ же день уча въ церкви, по скончаніи ученія, возопи: „аще кто погубилъ имѣнія, да станетъ въ среди, и да глаголетъ количество погубленнаго имѣнія и качество мошны и день дондеже погубилъ имѣніе, и возметъ свое“. И представъ погубивый имѣніе и сказавъ учителю и день и число и образъ мошны: „се имаши, рече, твое, о юноше, и убогую сію вдовицу, якоже произволяеши, утѣши, понеже избавила тебе многя, ея же имѣлъ еси, скорби“.

Той, изъемъ 100 златиць, далъ ей со всякою радостію. Колико похвал(ь)нѣйши вдова сіа паче хвалимыя во евангеліи двухъ ради лѣптъ, ихъ же вергла въ даръ Божій, понеже она убо во своихъ си и малыхъ показала свое боголюбное, сіа же въ чужихъ и многихъ показала свое правдолюбное и челоуѣколюбное. Имамъ убо и ина нѣкая сицева достопамятна исправленія богоугоднаго онаго ученія повѣдати вамъ, но да не сытостію писанія сего стужаю ушесѣмъ вашимъ, волею сихъ миную, нынѣ же къ концу пятолѣтнихъ ученій его обрацу стремленіе словесное. Понеже убо полграда добрѣ, якоже Богу угодно, исправися имъ, а другая половина пребываше не точію преслушая и противляея Божественнымъ онаго поученіемъ, но и враждоваше ему и досажаше безчестно и навѣтоваше ему толико, яко замазати брусокъ челоуѣческимъ каломъ, на немъ же обычай опиратися руками стоя и изливая людемъ струя ученіемъ, онъ же Спасову кротость и долготерпѣніе ко всѣмъ подражая, вся терпяше доблественнѣ, многихъ исправлене жадаю, сего ради ни самѣхъ, иже во властехъ церковныхъ суть, а не апостолоподобнѣ живутъ и о паствѣ Спаса Христа не пекутся.

якоже лѣпо, ниже тѣхъ хваляше, но безъ страха обличаше прегрѣшеніа ихъ и глаголаше часто: „аще бы мы жительствовали достойно Евангелію Спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языки обратилися бы ко Господу, зряще наше равноангельно житіе, и было убо бы намъ сіе во спасеніе велико и наслаженіе вѣчныхъ благъ, нынѣ же супрогивно евангельскихъ заповѣдей живуще, и ниже себе исправляемъ, ниже иныхъ ко благочестию руководити печемся; что ипо слышати чаемъ отъ праведнаго Судіи развѣ сего¹⁾: „Горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣри, яко затворяете царство небесное предъ челоуѣки, сами не входите, и хотящая внити возбраняете имъ“

Ся глаголя не обвинуяся и еще жъ жесточайшими сихъ словесы зазирая удивляемому у нихъ папѣ и сущимъ о немъ кардиналемъ и прочему причту ихъ, большія ненависти и вражды вину далъ на себе возненавидѣвшимъ изначала священныхъ его ученій, еретика бо его и хульника и лестьца нарицаху, аки отверзша уста своя на священнаго ихъ папу и всея церкви римскія. Дойде же и до Рима сицевый о немъ слухъ и папу и сущаго о немъ причта зѣло смутилъ, яко и соборную ихъ заповѣдь послати ему, заповѣдующи ему не учити люди Господня, уподобившиися глаголющимъ въ дѣянїи св. апостолъ: „Но да не на множае распространется въ людехъ, прещеніемъ запретимъ имъ не глаголати къ тому о имени семъ ни единому отъ челоуѣкъ“.

Такова убо совѣтоваша они и тако ему заповѣдаша, приложивше въ соборномъ ихъ писанїи, яко аще не престаеъ прочее, и проклятъ будетъ отъ нихъ, яко еретикъ; онъ же не точію не послушалъ беззаконныхъ совѣтъ сицевый, но наипаче разжжеся божественною ревностію и соборное ихъ посланіе неправедно и Богу неугодно обличаше, аки не повелѣвающе ему не учити во церкви вѣрныхъ. И сего ради множае пребываше обличая ихъ беззаконна, уже бо, якоже лѣпо есть мыслити мнѣ, судивъ себѣ и умерети за благочестіе и Божію славу, аще потребно будетъ. Въ нихъ же бо аще возгорится огонь ревности, яже по Бозѣ, не точію имѣній стяжаній, но и самое житіе презрѣти творить. И свидѣтель неложенъ самъ Господь, глаголя:²⁾ „Желаніемъ возжелѣхъ сію Пасху ясти съ вами“, сіе же глагола, елма хотяше вкусити, яко челоуѣкъ, смерти за славу Бога и Отца своего за челоуѣческое спасеніе. И самъ Христовъ теплѣйшій рачитель и ревнитель Павелъ, глаголя:³⁾ „Желаю разрѣшиться и со Христомъ быти“; и паки⁴⁾: „Мнѣ же еже жити Христосъ есть и еже умерети прїобрѣтеніе“.

Елма же иже о папѣ не престаху претяще ему и всякимъ образомъ отрѣзающе учительнаго сѣдалища, такожде и онъ пребываше, не послушая ихъ и неправдованія ихъ обличая, смерти его предати совѣщаша, еже и сотвориша тѣмъ образомъ: избравше нѣкоего генерала, именовемъ Іакимъ⁵⁾, зѣльнаго по ихъ совѣту, послаша и вооруживше его областію папїною низложити его отъ власти игуменскія и, испытавшу его, смертію осудить, яже огнемъ, аки непокорива и досадителя и клеветника апостольскія римскія церкви. Пришедъ же онъ во градъ Флоренскій и показавъ большимъ града начальникомъ грамоты папїны, поставилъ его на судилище и мучительски испыташе его и оному

¹⁾ Матѣ. 23, 13.

²⁾ Лук. 22, 15.

³⁾ Фил. 1, 23.

⁴⁾ Фил. 1, 21.

⁵⁾ Интересная подробность, свидѣтельствующая о томъ, что Максимъ находился во Флоренци до самаго конца, такъ какъ онъ передаетъ такіа подробности суда.

со дерзновешемъ отвѣчающу противу всѣхъ лукавствъ неправеднаго испытателя и суди не могущу обвинити его,—свидѣтели лживи отъ части беззаконныхъ и непокоршіяся ученію его восташа на оного преподобнаго и неповиннаго казателя града ихъ, носяща нанѣ тяжчайша ихъ и неправедныхъ оглаголаній, имъ же повинувшеся неправедніи они суди, сугубою казнію осудиша его и ипы два священныя мужи, споспѣшники его, на древѣ повѣсивше, таже огнь воспѣтивше подъ нимъ, сожгоша ихъ.

Таковъ конецъ житію преподобныхъ онѣхъ трехъ инокъ и таково имъ возмездіе о подвизѣ, яже за благочестіе отъ нецреподобнѣйшаго ихъ папы Александра,—тогда бѣ Александръ, иже отъ Испаніи, иже всякимъ неправдованіемъ и злобою превзыде всякого законопреступника.

Азъ же толико совѣтенъ бывати неправеднымъ онѣмъ судіамъ отстою, яко и прикладовалъ бы убо ихъ съ радостію древнимъ защитителемъ благочестію, аще не быша латыня вѣрою, ту же бо ревность древнимъ теплѣйшу за славу Спаса Христа и за спасеніе и исправленіе вѣрныхъ позналъ есмь въ преподобнѣхъ онѣхъ иноцѣхъ,—*не отъ много слышалъ, но самъ ихъ видѣвъ и отъ поученій ихъ многажды прилучився*,—не точію же ту же древнимъ ревность за благочестіе познахъ въ нихъ, но еще и ту же имъ премудрость и разумъ и искусство богодохновенныхъ писаній и виѣшнихъ познахъ въ нихъ и множайше инѣхъ во Іеронимѣ, иже на два часа, есть когда и больши стоя на сѣдалище учительномъ видяшеся, изливая имъ струя учительна преобильно, не книгу держа и пріемля отгуду свидѣтельства показательна своихъ словесъ, но отъ сокровища великіа его памяти, въ ней же сокровенъ былъ всякъ богомудренъ разумъ искусства святыхъ писаній“.

Читая эти проникновенныя слова, посвященныя Савонаролѣ изъ далекой Россіи, невольно чувствуешь, что они продиктованы неподдѣльной искренностью, любовью и безграничнымъ преклоненіемъ передъ свѣтлой личностью великаго учителя.

Поэтому эти строки должны служить исходнымъ пунктомъ для всякаго изслѣдователя дѣятельности Максима. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ Максимъ подпалъ вліянію знаменитаго флорентійскаго пророка и почему это вліяніе было такимъ сильнымъ.

Чтобы отвѣтить на это, мы должны окинуть бѣглымъ взглядомъ біографію Максима. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ чрезвычайно мало достовѣрныхъ свѣдѣній о его жизни до пріѣзда въ Россію. Мы имѣемъ: 1) три краткихъ извѣстія о Максимѣ Грекѣ. 2) три подробныхъ сказанія о немъ 3) Двѣ надписи у гроба Пр. Максима Грека и житіе его, составленное Моховиковымъ. Вотъ какія свѣдѣнія почерпаемъ мы изъ житія: въ немъ рассказывается, что Максимъ съ малыхъ лѣтъ любилъ ходить въ церковь, становился съ пѣвцами „и малымъ своимъ младенческимъ разумомъ и гласомъ пояше и канонархизаше и вси люди, зряше на него и удивлястася, что се будетъ“. Когда ему исполнилось пять лѣтъ, онъ сталъ просить родителей своихъ отдать его „святому Писанію изучитися“. Родители сперва отговаривали его, совѣтовали помедлить, но потомъ, уступая просьбамъ отрока Макарія (такъ звали въ міру Максима), отдали „нѣкому философу именемъ Фарзису во Фрясской землѣ, во градѣ Паризи“. Здѣсь онъ пробылъ 11 мѣсяцевъ и, изучивъ всю „фарисію“, отправленъ былъ философомъ Фарсисомъ во Флоренцію къ мудрѣйшему брату своему философу Гаврасу. Въ 9 мѣсяцевъ изучилъ Макарій всю науку и у этого философа и отправился домой къ родителямъ, съ которыми прожилъ 15 мѣсяцевъ. Родители его померли, а Макарій, продавъ все

имущество и роздавъ нищимъ, а рабовъ отпустивъ, отправляется „до града Итали, и ту бо изучися многимъ философіямъ и премудрости и во иныхъ градѣхъ многихъ преходя“¹⁾).

Хотя разсказъ этотъ и крайне фантастиченъ и уснащенъ невѣроятными подробностями, тѣмъ не менѣе узоръ вышитъ по исторически вѣрной канвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Максимъ долженъ былъ получить строго религіозное воспитаніе. Задыхаясь подъ тяжестью турецкаго деспотизма, греки, естественно, должны были искать утѣшенія въ религи. Но эта пламенная и наивная вѣра, которой Максимъ былъ обязанъ обстановкѣ своего дѣтства, должна была вскорѣ подвергнуться тяжелому испытанію, къ которому Максимъ оказался совершенно неподготовленнымъ. Это обстоятельство, какъ и многое другое, заставляетъ думать, что Максимъ весьма юнымъ прибылъ въ Италию, въ поискахъ за образованіемъ. Здѣсь его ждала совершенно противоположная дѣйствительность. Въ то время въ Итали казалось, что даже самый воздухъ былъ отравленъ тонкимъ ядомъ свободомыслія и скептицизма. Я приведу характерный отзывъ одного изъ современниковъ о тогдашней Итали—итальянца Беневіени: „Несправедливость и грѣхъ размножились въ Итали, говоритъ онъ, потому что страна эта потеряла христіанскую вѣру. Обыкновенно думаютъ, что все на свѣтѣ, а въ особенности человѣческія дѣйствія, не имѣютъ другой причины, кромѣ слѣпота случая. Иные думаютъ, что все управляется движеніемъ небесныхъ тѣлъ. Отрицаютъ будущую жизнь, издѣваются надъ религіей. Мудрецы міра сего считаютъ вѣру предметомъ очень обыкновеннымъ, годнымъ только развѣ для женщинъ и глупцовъ. Нѣкоторые же видятъ въ ней лишь призракъ человѣческаго воображенія. . . . Вся Италиа, а особенно Флоренціа, преданы безбожію. . . . Даже женщины отвергаютъ вѣру Христову; всѣ и мужчины и женщины вернулись къ обычаямъ языческимъ, занимаются изученіемъ языческихъ писателей, астрологіею и всякимъ невѣріемъ“²⁾).

Все это должно было породить въ душѣ юнаго Максима страшный разладъ. Готовый на муки за вѣру, онъ въ то же время чувствовалъ себя безсильнымъ въ борьбѣ съ проникающимъ въ его существо ядомъ невѣрія и скептицизма. Онъ чувствовалъ, что та почва, на которой онъ стоялъ,—почва вѣры, уходитъ изъ подъ его ногъ. Зная отъ природы мистически настроенную натуру Максима, мы легко поймемъ, какія душевныя страданія испытывалъ Максимъ. Память объ этомъ страшномъ для него времени навсегда осталась у него: „Свидѣтель азъ сихъ всѣхъ достоинствъ, не яко слышатель и самовидѣцъ токмо онѣхъ во Итали и въ Лонгобардіи, но и сообщительнѣ когда бывъ имъ. И аще не бы, иже о всѣхъ спасеніи пекийся, Богъ, помиловавъ мя, скорѣ посѣтилъ благодатию своею и свѣтомъ своимъ озарилъ мысль мою,—издавна убо и азъ погиблъ бы съ сущими тамо нечестія предстатели“. Вотъ почему мы видимъ Максима подлѣ Савонаролы; вотъ откуда это страстное преклоненіе у него передъ личностію Girolamo, у котораго въ то время вѣдь не одинъ Максимъ искалъ и находилъ утѣшеніе. Кто другой тогда въ Итали, какъ не Савонарола, могъ вернуть его къ жизни,—вернуть ему его прежнюю пламенную вѣру? Только послѣ сказаннаго, передъ нами начнетъ вырисовываться истинный обликъ Максима, его страстная, мятущаяся душа и горячее, пламенѣющее сердце. И намъ станетъ болѣе понятенъ тотъ мученическій путь, который избралъ себѣ въ жизни Максимъ.

¹⁾ С. Бѣлокуровъ: Биб. Моск. Государей въ XVI ст., 220 стр.

²⁾ Беневіени—поэтъ 1453—1542.

По приѣздѣ Максима въ Москву, начало его дѣятельности было, какъ извѣстно, вполне благопріятнымъ для него. Но мало-по-малу обстоятельства круто измѣнились. Политическая проповѣдь и дѣятельность Максима не могли не обратить на себя вниманія тогдашняго Московскаго правительства, проводившаго узкую реальную политику, чуждую всякихъ увлеченій въ видѣ помощи угнетеннымъ единовѣрнымъ народамъ. Максимъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, а потомъ на него воздвигли уже и открытое гоненіе. Любопытно отмѣтить, что Московское правительство, чтобы удобнѣе и легче уничтожить опаснаго для него человѣка, пустило въ ходъ тотъ же самый приемъ, какой въ свое время былъ пущенъ въ ходъ папой Александромъ по отношенію къ ненавистному ему Савонаролѣ,—Максима обвинили въ ереси. Это обвиненіе распалось на два періода. Сперва оно стало витать вокругъ имени Максима въ разговорахъ тогдашняго общества, а впослѣдствіи, какъ извѣстно, вылилось въ конкретную форму соборнаго осужденія. Максимъ Грекъ, прекрасно понимая, къ чему вело подобное обвиненіе, разумѣется, не могъ оставить его безъ отвѣта. Но въ первое время, боясь повредить дѣлу излишней прямою, онъ долженъ былъ дѣйствовать косвеннымъ путемъ. Для этого онъ весьма остроумно вступилъ въ борьбу съ различными ересями. Такъ, въ это время онъ писалъ: противъ еллиновъ, астрологовъ, магометанъ, евреевъ и т. д., косвенно доказывая тѣмъ свое православіе. Но когда первая попытка окончилась неудачей, онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, выступилъ съ своимъ знаменитымъ „Исповѣданіемъ вѣры“. Такой образъ защиты Максима отъ возведенныхъ на него обвиненій, вызываетъ невольно на дальнѣйшія сопоставленія его „жизни“ съ извѣстными фактами біографіи Савонаролы, такъ какъ всякій новый фактъ, уводящій насъ отъ обычно-трафаретнаго взгляда на личность и дѣятельность Максима на Руси, даетъ возможность скорѣе достичь истины.

Для этого мы перенесемся во Флоренцію къ 1497 году. Какъ разъ въ это время Girolamo довелъ до крайнихъ предѣловъ свои страстные обвиненія противъ папы: „Что же ты, Господи? страстно зывалъ онъ, что же ты медлишь? Рази, рази. Освободи твою церковь отъ этихъ демоновъ, отъ этихъ тирановъ, отъ этихъ развратныхъ прелатовъ“. Это было уже слишкомъ. 12-го Мая 1497 года, почти за годъ до казни пророка, Александръ VI подписалъ буллу объ отлученіи Савонаролы, который назывался въ ней *excommunicatus et de haeresi suspectus*. Савонарола такъ отвѣтилъ на это. „Dopo la pubblicazione del breve, il Savonarola ritirato nella solitudine della sua cella profittava di quel silenzio per darsi „con attività veramente incredibile“ alla pubblicazione di nuovi trattati, primo fra tutti „il Trionfo“. Такъ было создано это замѣчательное сочиненіе. Несмотря на все сказанное, Савонарола все-таки счелъ нужнымъ написать небольшое оправдательное письмо, въ которомъ указывалъ папѣ на своихъ безчисленныхъ слушателей, на проповѣди, печатно извѣстныя всему міру, наконецъ, на свое послѣднее произведеніе—„Торжество Креста“, содержащее полное выраженіе его религіозныхъ убѣжденій. Это послѣднее произведеніе должно обратить на себя наше вниманіе и мы постараемся познакомиться съ этимъ знаменитымъ трудомъ fra Girolamo. Бросимъ хотя бы только бѣглый взглядъ на его содержаніе¹⁾.

1497 годъ.

„Fratris Hieronymi Ferrariensis ord. praed. De veritate Fidei in Dominicae Crucis Triumphum“.

¹⁾ Авторъ этому вопросу посвящаетъ другую работу.

prooemium.

исповѣданіе вѣры	{	lib. I.	
		lib. II	
		lib. III.	
		lib. IV	prooemium.

- 1) Nullam religionem, praeter Christianam, veram esse.
- 2) Religiones a philosophis traditas, defectuum et errorum plenas fuisse.
- 3) Traditiones astrologorum penitus inutiles ac superstitiosas esse.
- 4) Idolatrarum sectam omnium vanissimam esse.
- 5) Iudaicae perfidiae, superstitionisque confutatio.
- 6) Haereticorum omne dogma falsum ac perversum esse.
- 7) Mahumetanorum sectam omni ratione carere.
- 8) Christianam religionem omnino veram et stabilem esse.

totius operis epilogus.

Въ трудѣ этомъ, такимъ образомъ, Савонарола и прямо— „Исповѣданіемъ вѣры“ и косвенно „обличеніемъ ересей“ доказывалъ чистоту и правильность своей вѣры.

Кромѣ „Исповѣданія вѣры“, Савонарола писалъ здѣсь противъ заблужденій философовъ, астрологовъ, идолопоклонниковъ, евреевъ, вообще противъ еретиковъ и противъ магометанъ, т. е. противъ почти всѣхъ тѣхъ, противъ кого писалъ и кого обличалъ Максимъ Грекъ на Руси, защищая чистоту своей вѣры.

Такое совпаденіе этихъ фактовъ едва ли случайно. Не здѣсь ли объясненіе обличенія той, напимѣръ, „еллинской прелести“, которое звучало такъ неестественно въ устахъ Максима на фонѣ современной русской дѣйствительности? Мы, конечно, далеки при этомъ отъ какихъ-либо особыхъ выводовъ, мы просто не считали возможнымъ пройти мимо замѣченныхъ нами фактовъ. Для насъ они важны, какъ новое лишнее доказательство всегдашней близости флорентійскаго пророка по духу къ нашему Максиму Греку,—важны для того, наконецъ, чтобы твердо уяснить себѣ тотъ фактъ, что въ лицѣ Максима Грека мы имѣемъ дѣятеля сложной душевной организаціи—западника, хотя, можетъ быть, и очень своеобразнаго. Во всякомъ случаѣ та мѣрка, съ которой обычно подходятъ къ личности Максима, должна быть теперь оставлена, такъ какъ иначе мы никогда не постигнемъ ни истиннаго облика Максима, ни его дѣятельности у насъ на Руси въ XVI-мъ вѣкѣ. Находясь въ далекой Россіи, Максимъ все такъ же близокъ духовно, какъ мы видѣли, къ Савонаролѣ, великій духъ котораго жилъ въ Максимѣ, а стало быть и вообще къ Западу, какъ и раньше, чему, какъ было отмѣчено, начинаютъ находиться новыя фактическія доказательства. Онъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ, очевидно, остается самимъ собой. Особенно это сказывается въ его дѣятельности, какъ патріота и носителя греческой идеи, въ чемъ ему помогали и другіе, бывшіе у насъ, греки, какъ это обнаружится изъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

„Сношенія православнаго Востока съ русскими, какъ извѣстно, не прекращались и въ монгольскій періодъ нашей исторіи; то же самое желаніе получить побольше милостыни отъ благочестиваго народа русскаго, которое такъ много собирало грековъ въ Москву въ XVII в., заставляло послѣднихъ предпринимать путешествія въ нее и ранѣе, въ XIV—XVI вв. Болѣе частыя сношенія Москвы происходили съ св. Аѳонской горой, откуда къ намъ прибылъ и преп. Максимъ Грекъ“¹⁾.

¹⁾ С. Бѣлокуровъ: „О библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI ст.“ 194 стр.

Такъ въ августѣ 1496 г. (7004 г.) въ Москвѣ были „игумень да три старца изъ Святыхъ горы, изъ монастыря св. Пантелеймона, милостыни ради. И князь великій ихъ пожаловалъ, милостынею изволилъ, а на шле монастыри Св. горы милостыню съ ними же послалъ и отпустилъ ихъ съ тѣмъ же посломъ вмѣстѣ [Волоцкимъ]; поспеже бо изъ старшины тотъ монастырь св. Пантелеймона въ Св. горѣ строеніе бѣаше первыхъ князей русскихъ“¹⁾. Въ ноябрѣ 1507 г. (7015 г.) изъ того же Пантелеймонова монастыря приходили старцы „милостыни ради, діаконь Пахоміе да монахъ Яковъ; и князь великій Василей Ивановичъ учредивъ ихъ милостынею довольно и отпусти ихъ съ Москвы мѣсяца мала 9-го“²⁾. Въ январѣ 1509 г.—іюнѣ оттуда же старцы были на Москвѣ: Василей, Симеонъ, да Яковъ³⁾. Въ концѣ 1514 г. и началѣ 1515 г. въ Москвѣ были, лавры св. Аѳанасія старецъ Мелентій да изъ Ватопеда старецъ Нифонтъ духовникъ съ грамотами“⁴⁾. Въ томъ же 1515 г. въ мартѣ мѣсяцѣ эти старцы поѣхали съ Москвы вмѣстѣ съ турецкимъ посломъ, бывшимъ у насъ, и нашимъ посломъ къ Султану В. А. Коробовымъ; „а въ св. гору Аѳонскую князь великій послалъ съ милостынею Василя Копыла Спячего да Ивана Варавина“⁵⁾. Съ Копыломъ и Варавинымъ, кромѣ грамоты, въ которой писалось о посылкѣ милостыни на Аѳонъ и испрашивались молитвы⁶⁾, была послана особая грамота къ аѳонскому протату, въ которой князь великій просилъ прислать изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву—„переводчика книжново на время“⁷⁾. Коробовъ былъ отправленъ въ Царь-градъ къ Султану въ цѣляхъ чисто политическихъ: для переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ о торговыхъ сношеніяхъ, дѣлахъ крымскихъ и общемъ союзѣ на крымцевъ. Онъ возвратился въ Москву въ мартѣ 1516 г. (7024 г.). Но Копыла и Варавина съ нимъ не было. Они вернулись въ Россію только черезъ три года послѣ своего отъѣзда изъ нея и черезъ два года по пріѣздѣ въ нее Коробова: „Василія Копыль изъ Царя-Города пошелъ въ святую гору Аѳонскую отъ великаго князя Василя Ивановича всеа Руси съ милостынею, а Варавинъ остался въ Царѣградѣ великаго князя для потребъ“⁸⁾. Такимъ образомъ пребываніе Копыла и Варавина за рубежомъ сильно затянулось. Притомъ и дѣло по вызову „переводчика книжново“ плохо налаживалось. Игумень Ватопедской обители Анеимъ, извѣщая въ грамотѣ⁹⁾ къ митрополиту Варлааму о приходѣ къ нимъ Василя Копыла и о полученіи милостыни, писалъ, что Копыль „также възвѣсти намъ о святѣмъ и духовномъ отцѣ господинѣ Савѣ, аще восхоцетъ потрудитися до Руси, нѣкихъ ради вещей нужныхъ тоя земли; старецъ же бывъ многолѣтенъ, ногами немощенъ, не возможе исполнити повелѣнія благовѣрнѣйшаго великаго князя и твоего великаго святительства, о немъ же и прощенія просимъ“. Въ грамотѣ къ великому князю тотъ

¹⁾ П. Собр. Р. Л., т. VIII. 233 стр.

²⁾ П. Собр. Р. Л., т. VIII. 247 стр.

³⁾ Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 5 и 12.

⁴⁾ Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

⁵⁾ П. Собр. Р. Л. т. VIII, стр. 259, т. VI стр. 257. Никоновская Л. ч. VI стр. 203. Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

⁶⁾ Отъ 15 марта 7023 г. См. Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 18 об.

⁷⁾ Списокъ съ грамоты Арх. М. И. Д. Греческій стат. списокъ № 1 л. 19 об. напечат. въ Временникѣ О. И. и Др. Р. кн V, отд. 3, стр. 30—31, переп. у Лихачева „Библиот. и Арх. Московскихъ Государей въ XVI ст.“

⁸⁾ П. Собр. Р. Л. т. VIII стр. 259, т. VII стр. 257, Никоновская Л. т. VI стр. 205.

⁹⁾ Акты собр. Арх. Ком. т. I № 122 стр. 175—176.

же Анофимъ писалъ¹⁾: „въспроси и честнѣйшаго духовника и священнопока Савву по наказанію царстватвоего и по приказу всесвященнѣйшаго митрополита господина Варлаама; не могущу жъ убо духовнику священнопоку господине Саве старостию и болѣзнию пожнми приити къ царствію твоему“.— „Преподобнѣйшій же отецъ пашъ протъ, яко да не останея прошение Великаго Князя бездѣло и безконечно, избралъ вмѣсто старца Саввы, честнѣйшаго брата нашего Максима, еже изъ нашел священныя обители Ватопеди, аки искусна божественному писанію и пригожа на сказаніе всякихъ книгъ: и церковныхъ и глаголемыхъ единьскихъ, понеже отъ младыя юности въ сихъ възрасте и самъ показася добродѣтельнѣ, и не яко пѣвчій,—многими почитаеми токмо. Посылаемъ же того нашимъ произволеніемъ и хотѣнемъ [но убо языка не вѣсть русскаго, развѣ греческаго и латынскаго; надѣемъ же ся, яко и русскому языку борзо навьикнегъ],—его же да примете; съ нимъ и честнѣйшаго священнопока господина Неопита духовника, и третьяго брата Лаврентія имянемъ. Мы же убо, имъ же вспомохомъ и иже имѣхомъ, честнѣйше челомъ бѣемъ благовѣрнѣйшему Великому Князю и величеству святителства твоего. Дай же Господь Богъ, яко да и мы узримъ воздаяше, которое желаемъ видѣти отголѣва, еже есть яко, да отошлете пакы къ намъ здравыхъ братію нашу, ими же надѣмся уллучити благодареніе отъ Великаго Князя твоимъ съдѣтелствомъ и поспѣшеніемъ, еже имуть и усты принести братіа наша великому ти святителству, ему же пакы множае челомъ бѣемъ“²⁾.

Нужно сознагься, однако, что о вызовѣ Максима въ Россію мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Такъ, на основаніи самаго тщательнаго изученія тогдашней дипломатической переписки мнѣ удалось прибавить ко всему уже сказанному только нѣсколько отрывочныхъ извѣстій: „лѣта 7025 (1517) маіа 30-го. Пріѣхалъ къ Великому Князю изъ Крыма козаць его Темешъ Кадышевъ съ Товарици, а съ Темешомъ вмѣстѣ пріѣхалъ отъ Ахмата отъ царевича человѣкъ его Качимъ. А привезъ Темешъ къ Великому Князю отъ Василья отъ Шадрина да отъ Ильи отъ Челищева грамоту, а сказалъ Темешъ Великому Князю, что отъ Мегмедъ-Гирѣя Царя ѣдетъ къ нему Кудояръ мурза Ивачевъ“. Въ привезенной грамотѣ есть извѣстіе о Копылѣ и Варавинѣ: „и здѣся, Государь, Божьимъ милосердіемъ да твоимъ Государскимъ здоровьемъ Копылъ и Варавинъ вышелъ въ Каоу поздорову и съ товарици. И Копылъ прислалъ къ намъ, Государь, Булгакомъ зовуть Окинеовъ володимерець, а съ ними былъ, Государь, дьякъ въ твоёмъ приказѣ. И поѣхалъ, Государь, тогъ Булгакъ къ тебѣ, къ Государю, съ Кудояромъ княземъ и съ твоимъ казакомъ съ Темишемъ съ Кадышевымъ, а сказываютъ, Государь, вѣсти заморскія, что послалъ Салимъ-бекъ Сипанъ-пашу, и Кизылъ-балевы воеводы Сипанъ-пашу побили на своемъ рубежѣ. И какъ услышалъ, Государь, Салимъ-бекъ, что восводъ его побили, и Салимъ-бекъ, Государь, самъ пошелъ противъ Кизылбаша. И сказываютъ, Государь, что Салимъ-бекъ стоитъ со всею своею силою на своемъ рубежѣ, а съ мисюрскимъ, Государь, Салимъ-бекъ воюетъя жъ. И стояла, Государь, застава мисюрскаго въ холяпи, и пришла, Государь, застава Салимъ-бекова, и дѣло межъ ихъ, Государь, съ собою было. И мисюрскаго, Государь, застава Салимъ-бековыхъ людей побили, а съ угорскимъ, Государь, Салимъ-бекъ перемирье взялъ на два года“³⁾. Въ другой грамотѣ, присланной тѣми же лицами, сказано: «Да здѣсе, Государь, Божьимъ милосердіемъ да твоимъ

¹⁾ Арх. М. И. Д. Греческій статейный списокъ № 1 л. 3.

²⁾ Арх. М. И. Д. Греческій статейный списокъ № 1 л. 3.

³⁾ Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 5 л. 548.

Государскимъ здоровьемъ Копыль и Варавинъ въ Каѳу вышли поздорову совсѣмъ, а съ нимъ, Государь, вышли митрополитъ, да и иные съ нимъ черныци, а доцопла. Государь, не вѣдаемъ, скол(ь)ко съ нимъ чернцовъ¹⁾. Изъ двухъ другихъ мѣсть можно опредѣлить время пребыванія Копыла на Аѳонѣ. Здѣсь, оказывается, онъ пребылъ около полугода. Такъ, въ грамотѣ Ивана Мамонова, присланной изъ Крыма уже послѣ его смерти, говорится: „Да здѣсь, Государь, прислалъ ко мнѣ изъ Царя-Города Варавинъ грамоту, а въ ней тол(ь)ко и писано: здѣсе намъ жити пужно. А тамгу на насъ взяли, а другую хотятъ взять, а болѣе того, Государь, въ ней не писано ничего. А про турецкаго, Государь, про посла къ тебѣ, ко Государю, слуху нѣтъ, а турецкому, Государь, на се лѣто валка будетъ съ Кзылбашемъ, а самъ въ Ядренѣ-Полѣ турецкой, а Копыль зимо-валъ у него въ Ядренѣ, а во Святую гору пошелъ передъ великимъ днемъ, а турецкой ему далъ дву чегуповъ. Да оттолѣ Копыль еще не бывалъ“²⁾. Это было въ 1517 году. Въ февралѣ же 1518 года Максимъ Грекъ съ Копыломъ и Варавинымъ уже ѣхалъ изъ Крыма въ Москву. Объ этомъ мы читаемъ въ грамотѣ московскаго посла, возвра-щавшагося изъ Крыма, Василия Шадрина: „Да ѣдетъ, Государь, со мною Копыль и Варавинъ, а съ ними, Государь, ѣдутъ митрополитъ самъ-другъ отъ патріарха изъ Царя-Города, да изъ твоего, Государь, монастыря отъ Пантелѣймона Святого ѣдетъ Сава проигумень, а изъ Вартопѣта, Государь, ѣдетъ къ тебѣ, Государю, Максимъ старецъ самъ-третей, а торговыхъ, Государь, людей ѣдетъ со мною съ Чарыгомъ Затрегубъ каѳинець. Да милосердіемъ Божиимъ да твоимъ Государскимъ здоровьемъ доѣхали есмь до Сулы, далъ Богъ, поздорову. И отпустилъ есмь, Государь, къ тебѣ, ко Государю, твоего казака Бай-Кулу Олѣрова и Аппакова челоуѣка Милкъ-Омона“³⁾. 4-го марта того же 1518 года Максимъ былъ уже въ Москвѣ: „приде къ Великому Князю Ва-силью Ивановичю всеа Руси изъ Царя-Града, отъ вселенскаго патріарха Феопипта митрополитъ Григорей грекъ отъ града Жихна Цареградскія области; да съ нимъ вмѣстѣ пріидоша старцы отъ Святыхъ горы Аѳонскія къ Великому Князю Государю и къ перво-святителю Варлааму митрополиту всеа Руси бити челомъ Великому Государю о нищетѣ положенія, милостыни ради: отъ Благовѣщенъа пречистыа Богородица изъ Ватопеди монастыря три старцы: Максимъ грекъ, да Неофитъ священноинокъ грекъ, да Лаврентей болгаринъ; а отъ Святого великомученика Пантелѣймона изъ русскаго монастыря Сава преименитый игумень“. „А напередъ тѣхъ старцовъ за годъ пришелъ отъ четьредя-сиги мученикъ отъ Ксиропотамова монастыря Исаія священноинокъ сербинъ; да съ митрополитомъ пришелъ патріархъ діаконъ Діонисей грекъ. Князь же Великій Василей Ивановичъ всеа Руси пріять митрополита Григорія и старцовъ Св. горы Аѳоня съ великою честью и велѣлъ имъ пребыти въ монастыри св. Архистратига Михаила честнаго и славнаго его чудеси, питаа ихъ и доволи всякими доволями потребами отъ своеа царскія трапезы; такожде и первосвятитель Варлаамъ всеа Руси ко Григорію митрополиту града Жихна и къ старцамъ Св. горы великую любовь и честь показуаше и къ себѣ призываа и съ ними часто бесѣдовааше о божественныхъ словесѣхъ духов-ныхъ [И. С. Р. Л. т. VIII стр. 263, т. VI стр. 261. Никоновская лѣтопись ч. VI, стр. 212].

Радужное и благожелательное отношеніе къ Максиму Греку со стороны, какъ свѣтской, такъ и духовной власти продолжалось сравнительно недолгое время. Оно

¹⁾ ibidem.

²⁾ Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 4, лл. 312—358.

³⁾ Арх. М. И. Д. Крымскія дѣла № 5, лл. 526 об.—548.

слѣнилось сперва подозрѣніемъ, какъ мы выше уже говорили, а потомъ и открытымъ гоненіемъ. Эта перемѣна въ отношеніи была вызвана политической дѣятельностью Максима, которую русскіе люди не хотѣли, да и не могли понять, а чѣмъ меньше сочувствовать ей.

Къ Максиму Греку, какъ извѣстно, было предъявлено опредѣленное обвиненіе въ недоброжелательныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Русскому государству. Эта сторона дѣятельности Максима въ Россіи оставалась до сихъ поръ плохо освѣщенной. Интересуясь политической дѣятельностью Максима, я въ своей работѣ имѣлъ въ виду слѣдующій вопросъ. Максимъ Грекъ, отстаивая въ Россіи интересы горячо любимой имъ Греціи, дѣйствовалъ ли въ однопочку, за свой страхъ и рискъ, увлекаемый своей страстной пагурой, или же здѣсь былъ какой-то общій планъ дѣйствій грековъ, и Максимъ былъ только его исполнителемъ въ числѣ другихъ? Что касается самого Максима, то онъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и опредѣленно. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ изслѣдователей: „Мы видимъ, что когда Максимъ прибылъ въ Россію, то сталъ побуждать вел. князя свергнуть турецкое иго, тяготѣвшее надъ Греціей. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ вел. князю: „Буди намъ нѣкогда царствовать отъ нечестивыхъ работы свободеннымъ тобой: вся бо возможна и удобъ совершаема всѣхъ Владыцъ, и якоже древле, отъ нижнихъ галловъ воздвигнувъ великаго въ царѣхъ Константина, древняго Рима, злѣ стужима, избави отъ нечестиваго Максентія. сице и нынѣ Новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ Агарянь, благочестивѣйшею державою царствія твоего да изволишь свободити и отъ отеческихъ твоихъ престолъ наследника покажегъ и свободы свѣтъ да дасть намъ бѣднымъ тобою милостію и щедротами Его“¹⁾. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Максимъ Грекъ систематически проводилъ въ Россіи идею освобожденія Греціи. Такъ, его слова прогивъ магометанской религіи давали ему удобный поводъ представлять тѣ бѣдствія, каковымъ подвергались греки подъ властью турокъ, и пригѣсненія церкви, чѣмъ онъ думалъ дѣйствовать на религіозное чувство русскихъ. Вел. князя онъ хотѣлъ побудить на освобожденіе Греціи обѣщаніемъ, что „Богъ грекамъ отъ отеческихъ его престолъ наследника покажегъ“. Онъ говорилъ, что къ дѣламъ во славу Божию относится и „противоополченіе къ тищимся выну истреблени божественную вѣру“. А когда ему не удалось его старанія, онъ обличалъ русскихъ въ томъ, что они только „своихъ си ищутъ, а не яже вышняго“, и ставилъ имъ въ укоръ, что о церкви, „терзаемой измаилътянами, ни едино попеченіе есть“²⁾. Именно, подъ вліяніемъ посбывшихся надеждъ, написалъ онъ „Слово благовѣримъ“, въ которомъ уже высказываетъ полнѣйшую безуспѣшность своего дѣла: „Добро есть и спасительно намъ, говорить въ немъ Максимъ, и Самому Вышнему благоугодно, отвергшимъ намъ отъ мыслей нашихъ всякія слабости, душегубительно отчаяніе, и наипаче прельщающія насъ надежды суетныя, яко паки чаемъ, якоже и прежде,—устроится держава царская въ Константинь Градъ,—востати намъ отъ многолѣтняго сна премногаго нашего безначалія и небреженія, повиновующимся проповѣднику благолющему: „Братіе, во всякой премудрости ходите ко вышнимъ, время покупующе, понеже дніе лукави суть“ (Ефес. 5, 15). Максимъ подсмѣивался надъ грусостью вел. князя и въ самыхъ бѣдствіяхъ Греціи видѣлъ предвѣщанія послѣдняго времени³⁾. Изъ того, что Максимъ постоянно обращался къ вел. князю, видно, какимъ

¹⁾ Максимъ Грекъ соч., Прав. Соб. 1861 Авг. 318.

²⁾ Соч. Максима Грека. 1889 г., слово VII

³⁾ Соч. Максима. 1889. Июнь, 143.

путемъ вель онъ свое дѣло, старанія о которомъ онъ, конечно, проявлялъ не въ однихъ только сочиненіяхъ“¹⁾).

Максиму говорили на соборѣ, обвиняя его: „Да ты же, Максимъ, говорилъ многимъ здѣсь на Москвѣ: великому князю и митрополиту кличуть многолѣтіе и еретиковъ проклинаятъ, занеже творять ни по писаніямъ, ни по правиламъ, (а патріарха не поминаятъ), а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Царь-Градѣ отъ патріарха“. На соборѣ 1531-го года самъ Максимъ говорилъ: „Дознавался я, почему не ставятся митрополиты русскіе по прежнему и по старому обычаю въ Константинополь, и мнѣ сказали, что патріархъ Константинопольскій далъ благословенную грамоту русскимъ митрополитамъ ставиться своими епископы, и я много добивался видѣть эту грамоту, но до сихъ поръ не видалъ ея“. Такимъ образомъ, Максимъ является явнымъ посетелемъ и выразителемъ у насъ на Руси греческой идеи.

Зная хорошо Максима, мы, конечно, нисколько этому не удивимся. Мы остановимся поэтому на другомъ: на реальной сторонѣ дѣла. Вѣдь, одинъ въ полѣ не воинъ. Такъ, именно, представляетъ себѣ положеніе вещей, при изученіи дѣятельности Максима въ Россіи, историкъ церкви, профессоръ Голубинскій. Приведа обвиненіе, выставленное противъ Максима на соборѣ, въ коемъ говорилось, что „Максимъ и его сообщникъ Савва (архимандритъ Новоспасскій, который былъ родомъ также грекъ) вмѣсто добра умыслили и совѣщали зло великому князю: посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому турецкому султану, поднимая султана на Государя; да они же говорили: „Великій князь ведетъ войну противъ Казани, но не придется ему владѣть ею, потому что для турецкаго султана срамъ будетъ терпѣть это“²⁾),—онъ замѣчаетъ: „Обвиненіе противъ Максима съ Саввой, будто они посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому султану, поднимал султана на великаго князя, не только представляетъ „pendant“ къ обвиненію Максима въ ереси, но нѣчто и еще гораздо болѣе удивительное и въ своемъ родѣ совершенное. Два греческіе монаха, живущіе въ Москвѣ, заиѣваютъ такое дѣло, какъ посредствомъ своихъ писемъ къ пашамъ и султану возбудить послѣдняго къ войнѣ противъ великаго князя“ похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вѣроятное? И для чего монахи пожелали бы возбудить султана къ войнѣ?“

На это мы, во-первыхъ, замѣтимъ, что прямой интересъ грековъ могъ ихъ побудить сдѣлать это—отыскивать Султану враговъ, чтобы тѣмъ самымъ скорѣе добиться осуществленія завѣтной мечты: освобожденія Греціи отъ турецкаго ига.

Во-вторыхъ, мы постараемся разслѣдовать, дѣйствительно ли Максимъ дѣйствовалъ, по пріѣздѣ въ Россію, самъ-другъ только. Тотъ же Голубинскій приходитъ къ заключенію, что греки, жившіе въ Россіи до Максима, дѣйствовали въ томъ же направленіи. „Не особенно задолго до пріѣзда въ Россію Максима, говоритъ онъ, нѣкоторые греки, оставшіеся при великомъ князѣ послѣ его матери Софій Фоминишны, сдѣлали открытіе, что славянскія богослужебныя книги исполнены еретическихъ погрѣшностей, о каковомъ открытіи и довели до свѣдѣнія Государя. Василий Ивановичъ вовсе не могъ допустить мысли, чтобы наши книги были исполнены погрѣшностей еретическихъ, ибо, во-первыхъ, по его представленію, какъ и всѣхъ тогдашнихъ русскихъ, нужно было бы въ семь случаевъ допустить, что наши чудотворцы, которые употребляли эти книги, не суть чудотворцы; во-вторыхъ, тогда у насъ обратилось въ твердый цер-

¹⁾ Иконниковъ.

²⁾ Голубинскій, 715.

ковно-политическій догматъ то мнѣніе, что, при поврежденіи древняго православія у позднѣйшихъ грековъ, оно сохраняется во всей своей чистотѣ у насъ—русскихъ; между тѣмъ какъ, съ допущеніемъ мысли, что въ нашихъ книгахъ есть еретическія погрѣшности, необходимо было бы отказаться отъ этого догмата. Слѣдствіемъ сего было то, что помянутые греки, сдѣлавшіе свое открытіе и сообщившіе о немъ великому князю, привлекли на себя крайній гнѣвъ послѣдняго¹⁾. Эти свѣдѣнія Голубинскій почерпнулъ у Герберштейна.

Обратимся къ этому послѣднему. „Мы слышали, говоритъ онъ, въ Московіи, что по просьбѣ самого Московскаго князя Константинопольскій патриархъ прислалъ одного монаха, по имени Максимилана-(Максима), чтобы онъ, по здоровомъ обсужденіи, привелъ въ порядокъ всѣ книги, правила и отдѣльныя постановленія, касающіяся вѣры. Сдѣлавъ это и замѣтивъ многія весьма важныя заблужденія, Максимиланъ (Максимъ) объявилъ князю, что онъ совершенный схизматикъ, потому что не слѣдуетъ ни греческому, ни римскому обрядамъ. Говорятъ, что онъ пропалъ немного спустя послѣ того, какъ высказалъ это, и, по мнѣнію многихъ, былъ утопленъ, хотя князь и оказывалъ ему величайшее благоволеніе. Рассказываютъ, что за три года до нашего пребыванія въ Московіи, Маркъ, одинъ греческій купецъ изъ Каеы, говорилъ то же самое, и, хотя за него усиленно ходатайствовали тогда турецкой посоль, но онъ также былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти. Грекъ Георгій, по прозванію Малый, канцлеръ и высшій совѣтникъ князя, немедленно былъ удаленъ отъ всѣхъ должностей и подвергся опалѣ, потому что благопріятствовалъ этому дѣлу и отстаивалъ его. Но такъ какъ князь никакъ не могъ обойтись безъ Георгія, то онъ снова былъ принятъ въ милость,—только ему дали другую должность. Это былъ мужъ необыкновенно ученый и искусный во многихъ дѣлахъ; онъ прибылъ въ Московію вмѣстѣ съ матерью вел. князя. Князь такъ уважалъ его, что, позвавъ его однажды къ себѣ во время его болѣзни, приказалъ нѣсколькимъ изъ самыхъ знатныхъ своихъ совѣтниковъ посадить его въ повозку и принести во дворецъ. Но когда его привезли ко двору, онъ не позволилъ нести себя по такой высокой лѣстницѣ; его высадили изъ повозки, и онъ сталъ поменьшечку взбираться къ князю. Князь, нечаянно увидѣвъ его, началъ сильно гнѣваться и приказалъ принести его къ себѣ на носилкахъ. Наконецъ, посоветовавшись съ нимъ и окончивъ дѣло, онъ приказалъ снести его по лѣстницѣ на носилкахъ же и всегда потомъ носить вверхъ и внизъ“²⁾.

Что касается Марка Грека, то его судьба по официальнымъ документамъ совершенно тождественна съ судьбой Максима: его также не выпустили изъ Россіи.

Мы приведемъ только посольскую память, данную о немъ Ивану Семенову³⁾. „Да память(ь) Ивану. Нѣчто его спроситъ Салтан, или кто от Салтана его спросит: „Писалъ к Великому Князю о Марке, о лѣкаре, чтобъ его ко мнѣ отпустил. И Князь Великій его ко мнѣ чего дѣля не отпустил?“ И Ивану говорити: „Марко, Господине, пріѣхалъ ко Государю нашему давно, а пріѣхалъ еще при отцѣ при твоёмъ, да билъ челомъ Государю нашему в службу. Да и о томъ билъ челомъ, чтобъ Государь нашъ приказалъ к отцу твоему о его женѣ, чтобъ отецъ твой жену Маркову к нему отпустил. И Государь нашъ и о женѣ его к отцу к твоему приказывалъ с своимъ сыномъ боярскимъ с Бо-

¹⁾ Голубинскій, 683.

²⁾ Герберштейнъ, 67, рус. пер.

³⁾ Арх. М. И. Д. Турецкій стат. списокъ № 1, лл. 248 об.—249. См. Приложение.

рисом з Голохвастовым, чтоб жену его к нему отпустил. И отецъ твой Салим-шал Салтан и хотѣл жену Маркову отпустить. А пыгѣ в Великом Новѣ-Городѣ болел боярин Государя нашего княз(ь) Александръ Володимирович. И Государь наш послал его то(о) боярину лечити“. А не взмолвят о том Ивану, и Ивану о том не говорити ничего“. На другомъ имени: „Георгія малаго“ или „Юрья малаго“ нашихъ актовъ мы должны остановиться, такъ какъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ вел. князя Василія. Въ такъ называемой бархатной книгѣ мы находимъ слѣдующее о его происхожденіи (1 П. глава 43 № 288).

Родъ Траханиотовыхъ: „Въ лѣто 6981 (1473) къ великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси со царевною Софіею, Ѳоминою дочерью деспота Аморейскаго, пріѣхали Дмитрей да Юрьи, Мануйловы дѣти, греки, а были въ Заморей у деспота бояря. И князь великій ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ себѣ служить. А съ Дмитриемъ пріѣхалъ сынъ Юрья, а *Дмитрей*¹⁾? былъ бездѣтень, а у Юрья дѣти: „Василей“, и т. д. Въ 7019 году (1511 г.) Юрій Дмитріевичъ Малой былъ назначенъ между прочимъ казначеемъ, каковую должность занималъ до 7021 года (1513 г.). Послѣ чего онъ исполнилъ и другія должности. Мы видѣли изъ разсказа Герберштейна, что онъ также являлся стойкимъ посетелемъ греческой идеи. Пользуясь большимъ вліяніемъ при дворѣ, близко стоя къ посольскимъ дѣламъ, „Юрьи“ естественно долженъ былъ сдѣлаться главнымъ защитникомъ греческихъ интересовъ въ Россіи. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, и такъ на него смотрѣли зарубежные греки. Мы имѣемъ любопытный въ этомъ отношеніи документъ изъ Арх. М. И. Д. Въ 1514 году отъ турецкаго Султана былъ присланъ къ Василію посоль въмѣстѣ съ посломъ великаго князя Михайломъ Алексѣевымъ—Камалъ, князь Мангупскій, родомъ грекъ. Но разнымъ причинамъ оны припуждены были остановиться въ дорогѣ. Поэтому впередъ были отправлены гонцы. Отъ Камала былъ посланъ его племянникъ Мануйло грекъ, котораго Камалъ прямо поручалъ покровительству Юрія, прося его содѣйствія.

Въ статейномъ спискѣ мы читаемъ: „а Мануйло грекъ привезъ къ Великому Князю отъ Камала князя грамоту, а другую грамоту привезъ отъ Камала къ Юрью къ Малому, а обѣ греческимъ писмомъ. И Юрьи тѣ грамоты самъ переводилъ“. Вотъ переводъ грамоты къ Юрію: „А се грамота отъ Камала къ Юрію: „Честнѣйшему и разумнѣйшему, благородному и вся чти и хвалѣ достойному. Достойный ми господине и брате, господине Георгіе Траханиотъ, отъ мене, Камала, иѣкогда зовомый Ѳеодоритъ, срадуюся твоему государствію. Пишу же государствію твоему. Да вѣси, что иду отъ своего Государя на оговѣты его къ Великому и Наивысшему Государю Московскому всеа Руси и пныхъ, и послалъ еси съ смиреннымъ моимъ писаніемъ къ твоему господству племянника своего Мануйла: и какъ ся тебѣ угодилъ, такъ его да приведишь на поклоненіе Навысшаго Государя и яко жъ и да научишь его, какъ пригоже и какъ бы вамъ срама не было; также онъ еще младъ и не вѣсть ничто же отъ государскаго чину, токмо на твою надежу; и яко жъ велишь, тако учини, а его бы еси пожаловалъ, держалъ у себя, доколева, да съ Богъ, обращался съ тобою. Тако же да потрудишися накрѣпко всячески къ Государю, да избавитъ насъ отъ пустоты и отъ рукъ вражбихъ душъ нашихъ, зане токмо дыханіе, а сила вся наша вышла и в малѣ и в велики. одва еси перо принялъ писати, и иѣчто будетъ въ писани невѣжливы, да не имѣемъ осужденіе, понежъ на твою надежу послахомъ не ино, токмо Господь да сподобитъ ны обрѣсти вмѣстѣ. Апрѣля 15, суббота“. Мы не знаемъ, насколько

1) Вѣроятно, Юрій.

вѣренъ переводъ грамогы. Но относительно этого Мануила Михайло Алексѣевъ предупреждалъ вел. князя: „а дверей ему не отворяй, Государь, по Давидову, двуеду-пенъ мужъ: ухо и око Камалово“. Говоря о Юри Дмитревичѣ, историкъ церкви Голубинскій былъ введенъ въ заблужденіе относительно года его смерти. Основываясь на показаніи Вивліюэики Новикова (XX т.), онъ относитъ годъ его смерти на 1513 г. (7021).

Дѣйствительно, подъ этимъ годомъ тамъ сказано: „умерли околичей и дворецкой князь Петръ Васильевичъ Великой, казначей Юри Дмитревичъ Малой Траханіотъ“. Но мнѣ удалось разобратъся во всемъ въ этомъ. Сперва нужно было исправить старый русскій переводъ соответствующаго мѣста изъ Герберштейна, который ошибочно говорилъ объ опалѣ Юрія, рѣшительно ни на чемъ не основываясь. „на третій годъ послѣ нашего пребыванія въ Московѣ“ и т. д. На самомъ же дѣлѣ нужно переводить: „за три года до нашего пребыванія“¹⁾. Герберштейнъ первый разъ былъ въ Россіи въ 1517 г. Если мы вычтемъ три года, то получимъ какъ разъ: 1514—1513 гг. Если при этомъ вспомнимъ изъ разсказа Герберштейна, что опала для Юрія сопровождалась перемѣной должности, то намъ все станетъ яснымъ. Очевидно, составитель рукописи, не встрѣчая больше имени Юрія въ казначействѣ, счелъ его умершимъ. Придя къ такому заключенію, я постарался его провѣрить на основаніи посольскихъ статейныхъ списковъ Архива М. И. Д. Такимъ путемъ мнѣ удалось найти, что Юрій Малой былъ живъ еще въ 1522 году. Такъ, въ сношеніяхъ съ нѣмецкимъ орденомъ мы читаемъ подъ 1520 годомъ: „Юля 5-го велѣлъ Князь Великій магистрову челоуѣку Юрю быти на казенномъ дворѣ у бояръ, да велѣлъ ему прогнать магистровы грамоты отвѣтъ учинити: Юрю Малому, да Меньшому, да Трувану.

А се отвѣтъ, что Юрю, магистрову челоуѣку, Юри Малой да дьяки говорили“. Въ статейныхъ же спискахъ сношеній съ Турціей мы читаемъ подъ 1522-мъ годомъ при встрѣчѣ посла Скиндера: „А иные рѣчи и о корму запись писали Федору казначѣй Юри Малой с товарищи“. На этомъ пока мои свѣдѣнія о Юри кончаются. Но все же получается порядочная разниця съ 1513 г., когда его похорошила рукопись Вивліюэики. Такимъ образомъ, за все это время и Максимъ Грекъ и пріѣзжавшій къ намъ нѣсколько разъ въ качествѣ турецкаго посла грекъ Скиндеръ имѣли въ лицѣ Юрія сильнаго покровителя и единомышленника.

Мы видѣли уже, что дѣятельность греческихъ патриотовъ не только у насъ не находила отклика, но встрѣчала и самое яростное осужденіе. Впрочемъ, это было вполне естественно. Въ то время, какъ греки призывали нашихъ предковъ освободить ихъ отъ ненавистнаго имъ турецкаго ига, что, разумѣется, было возможно только послѣ войны съ Турціей,—въ то же самое время реальныя политическія условія, въ которыхъ находились русскіе, заставляли ихъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы заключить прочный союзъ съ Султаномъ, съ помощью котораго они могли бы обезопасить себя со стороны окружавшихъ ихъ магометанскихъ народовъ, а особенно со стороны „недруга своего сердечнаго“, крымскаго хана; впрочемъ, было бы выгодно имѣть такого внушительнаго союзника и для угрозъ по адресу западныхъ сосѣдей. Что касается до заключенія союза, то вначалѣ это дѣло обѣщало быть успешнымъ.

Такъ Селимъ I, къ которому Василей обращался съ предложеніемъ союза, въ первое время соглашался на него. Въ отвѣтъ упомянутому уже послу его Камалу говорится:

¹⁾ Собственно: „шелъ третій годъ, когда мы были въ Москвѣ, какъ сталъ распространяться слухъ, что Маркъ сказалъ то же самое“...

„А писалъ къ намъ Салимъ-шахъ-Салтанъ въ своей грамотѣ, что съ нами хочетъ быть въ дружбѣ и въ братствѣ и въ любви и на нашихъ недруговъ хочетъ съ нами быть заодногъ.... Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорить: „и мы съ Салимъ-шахъ-Салтаномъ въ дружбѣ и въ братствѣ и въ любви хотимъ быть и другу его другомъ, а недругу недругомъ хотимъ быть, и на всякихъ его недруговъ хотимъ быть съ нимъ заодногъ“. . . Имѣя въ виду практическую пользу союза, московскіе дипломаты жалуются на набѣги крымцевъ, заявляютъ послу Султана: „А Салимъ-шахъ бы Салтанъ намъ нынѣ первую свою дружбу явилъ, чтобъ какъ нашимъ недругомъ какову помѣшку чинилъ“. . . Дѣйствительно, первое время Султанъ предпринималъ въ этомъ направленіи извѣстные шаги. Но затѣмъ его образъ дѣйствій превратился во враждебный по отношенію къ Россіи.

Дѣло союза такимъ образомъ рухнуло. Невольно напрашивается вопросъ, какъ могло это случиться.

Если мы обратимся къ тогдашнимъ московскимъ людямъ, то слышимъ: „греки подымали Султана на русскую державу“.

Попробуемъ провѣрить это обвиненіе, задавши себѣ вопросъ, возможно ли это было со стороны грековъ. Мы видѣли уже, что изъ находившихся въ Россіи грековъ Юрій Малой Дмитріевичъ стоялъ близко къ посольскимъ дѣламъ, принимая живое участіе въ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами, а въ частности съ Турціей. Еще при жизни, вѣроятно, Юрія къ этому дѣлу получили доступъ пріятель Максима Савва и самъ Максимъ. Въ извѣстной описи царскаго архива мы читаемъ: „Ларчикъ дубовъ 61. А въ немъ грамоты греческія посольныя, взяты у Савы архимарита у Спасскаго бывшаго“.

Здѣсь же имѣется извѣстіе и о Максимѣ: „ящикъ 26.... да списокъ съ грамоты, что дали въ Святую гору прежніе Государи земли, списанъ у Максима у Грека“.

Переходя къ Константинополю, мы и здѣсь встречаемся съ греками, близко стоящими къ посольскимъ дѣламъ: изъ такихъ лицъ намъ извѣстны: дьякъ и казначей Султана и его зять по имени Абессаломъ, который, какъ кажется, былъ грекомъ; его ближайшій помощникъ, а впоследствии и замѣститель уже прямо именуется Андреемъ грекомъ. Далѣе мы должны считаться съ вліяніемъ и всей греческой колоніи въ Царь-Градѣ.

Что касается турецкихъ пословъ въ царствованіе Василія, то оказывается по ихъ формуляру, что оба посла происходятъ изъ рода князей Мангупскихъ: слѣдовательно, оба были родомъ греки и можно предполагать даже, что они состояли между собой въ какомъ-либо родствѣ.

О Мангупскомъ княжествѣ извѣстно, что оно существовало самостоятельно до 1475 года, т. е. до вступленія сюда турокъ. Изъ замѣтокъ Броневскаго, посѣтившаго Мангупъ въ 1578 г. видно, что послѣдніе князья Мангупскіе были родомъ греки. Изъ князей Мангупскихъ извѣстны въ нашей исторіи два лица: Исайко и Константинъ. Первый предлагалъ свою дочь въ невѣсты сыну вел. кн. Ивана въ 1474 г. Второй сопровождалъ въ Россію Софью Ѳомишишну въ 1473 г. и, принявъ иноческій санъ, чтимъ нашей церковью подъ именемъ свят. благовѣр. кн. Константина Мангупа.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что наши дипломатическія сношенія съ Турціей находились въ рукахъ грековъ. Немудрено поэтому, что они старались разстроить союзъ нашъ съ Турціей, какъ при Селимѣ, такъ и при сынѣ его Сулейманѣ, прозванномъ „Великолѣпнымъ“. Въ сильной мѣрѣ этому способствовали пріѣзжавшіе къ намъ греки въ качествѣ пословъ.

Особенно извѣстенъ въ этомъ отношеніи второй посоль Скиндеря: мы видѣли, что наши дипломаты прекрасно это понимали. Они пробовали съ этимъ бороться; требовали перемѣны Скиндеря. Но греческая партія, очевидно, была очень сильна: огвѣтомъ на это требованіе являлись повторныя присылки того же Скиндеря, который сыгралъ исключительную роль въ дѣлѣ провала идеи союза, что окончательно подтвердилось послѣ его смерти въ Москвѣ въ 1529-мъ году.

Это было тѣмъ неспріятѣе нашимъ дипломатамъ того времени, что они приближались къ рѣшенію насущнѣйшихъ задачъ, стоявшихъ тогда передъ Московскимъ царствомъ. Свои успія они прежде всего направили на изученіе своихъ враговъ и союзниковъ. Широко дѣйствуя системой подкупа, они сумѣли сорвать завѣсу съ грознаго своими неожиданными нападеніями магометанскаго юга. Татарскіе вельможи и турецкіе чиновники Азова и Кабы „за поминки“ усердно служили „Великому Государю Василію“ и сообщали все, что было нужно Москвѣ и что интересовало ее дипломатовъ, — а интересы ихъ все росли и расширялись. Они желали работать со всесторонней освѣдомленностью положенія дѣлъ на политическомъ тогдашнемъ горизонтѣ. Они постоянно допытываются, взялъ ли Султанъ Родось. Ихъ интересуютъ отношенія Турціи къ „Мисюри“, „Кизылбашу“ и „Угорскому“ королю; они требуютъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ подъ „Бѣлымъ-Городомъ“ и подъ „Ядренымъ—Подемъ“, желаютъ знать все, что дѣлается въ Крыму, Астрахани и Нагаяхъ. Вотъ двѣ грамоты къ турецкимъ правителямъ Азова:

„Брата нашего Сюлемен Салтанову слугѣ Бургану агѣ азовскому. Каковы будутъ вѣсти в Азове, — и ты б намъ служил: о вестехъ бы еси насъ безъ вѣсти не держал. А нѣчто услышиши про нашего недруга про крымског(о): нѣчто похочетъ крымской итти на нашу украину, — и ты б намъ служил: насъ бы еси о томъ безъ вѣсти не держал. А мы тоби за твою службу жаловати хотимъ. А нынѣ послали еси къ тобѣ свое жалован(ь)е с своимъ посломъ с Иваномъ Семеновичемъ. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7044 апрѣля“.

„А се такова грамота послана къ Магмед бекъкулу азовскому с Васил(і)емъ с Верхтѣдеревскимъ. А государства писаны в крузе ж. „Великій Государь Василей, Божією милостию единъ правый Государь всея Русіи и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великій Князь(ь), володимирскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, теерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иныхъ. Брата нашего Сюлемен Салтанову слугѣ Магмед беккулу азовскому. Что намъ служил и насъ о вестехъ безъ вѣсти не держил. — ино то дѣлаешъ гораздо. И мы, ожъ дастъ Богъ, за твою службу тебя жаловати хотимъ. А ты б и впередъ намъ служил. И каковы у тебя будутъ вѣсти, и ты б к намъ о вестехъ отписывал. И насъ бы еси о вестехъ безъ вѣсти не держал. А нынѣ послали еси къ тобѣ свое жалован(ь)е с своимъ посломъ с Иваномъ Семеновичемъ с Морозовымъ“. (лл. 254—254 об.)¹⁾.

Конечно, все это дѣлалось подъ покровомъ строжайшей тайны. Такъ, тому же Морозову былъ данъ строгій наказъ скрывать эти сношенія отъ турецкаго посла Скиндеря, съ которымъ онъ ѣхалъ къ Султану.

Памят(ь) Ивану Семенову. „Хъ кому с нимъ послалъ Князь(ь) Великій свои поминки в Азов и грамоту к Бургану азовскому и к Магметю беккулу, — и Ивану та грамота и

¹⁾ Текстъ этихъ грамотъ, равно какъ и всѣ дальнѣйшіе тексты, приводимые въ изслѣдованіи, взяты изъ Турецкаго Статейнаго Списка № 1 (Архива М. И. Д. въ Москвѣ), — изъ той его части, которая нынѣ впервые напечатана, въ цѣломъ своемъ объемѣ, въ видѣ особаго приложенія къ данной статьѣ съ точнымъ соблюденіемъ нумераціи листовъ статейнаго списка. См. приложение.

поминок || дати Бургану и Магметю тайно, чтоб тог(о) Скиндер(ь) не вѣдал. Да и словом Ивану молвити Бургану и Магметю, чтоб Великому Князю служили прямо. Да каковы будут вѣсти, и они б Великог(о) Князя о всем без вѣсти не держали. А Княз(ь) Великій их и вперед жаловати хочет. А беречи Ивану тог(о) пакрѣпко, чтоб тог(о) Скиндер(ь) не вѣдал, [что Княз(ь) Великій к Бургану грамоты и поминки посылает“. (л. 251 об. — 252).

Вотъ образчики донесеній исполнительныхъ турецкихъ администраторовъ.

„А крым || скому, Государь, Царю стати нѣким и почати нѣчим, а падѣтеся, Государ(ь), крымской Цар(ь) на Царя отманског(о), ино. Государь, и отманскому ему не пособити: самому от любово боронит(ь)ся, а земля, Государь, дал(ь)нел“ . . (л. 263 об. — 264).

„А нынѣ, Государь, брат твой, Сюлемен Цар(ь) посадилъ на царство Саидет Гирѣя Салтана. А молвил Государь нашъ „Яз тебя с своим братом, с Великим Княземъ Василиемъ Ивановичем, смирю“. А не велѣл ему никакова казака под твою украину отпущати. Кто не станет слушати новог(о) Царя Саидет Гирѣя, — велѣл брат || твой, Сюлемен Царь, на кол биги и пластати. А прислал Государь пашѣ из Царя-Града дватцат(ь) тысяч(ь) кошкой силы да пят(ь)сот пищал(ь)ников поберечи новог(о) Царя, доколе укрѣпится“.... (л. 260 об. — 261).

При нѣкоторыхъ изъ этихъ турецкихъ „доброжелателей“ существовали чуть ли не особыя московскія канцеляріи по дипломатической части, что, напримѣръ, раскрывается изъ одной грамоты къ Великому Князю такого Азовскаго слуги.

„А се другая грамота Магмет беккула азовског(о) съ Ѳедком же с Камешевым: „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Русіи, бѣлому Царю, холопъ твой Магамет беккул азовской из Азова низко челом бѣет. Чтоб еси, Государь, смилувався меня своег(о) холопа пожаловал. Здѣс(ь) есми, Государь, с кѣм твое дѣло Государьское дѣлал, — межи, Государь, нас третей не бывал. И тот, Государь, человекъ меня, холопа своег(о), оставил. Пошел, Государь, к Москвѣ с твоим воеводою с Васил(і)ем с Верхдеревским. Зовут его, Государь, в Азовѣ Гришка Бѣлой діак. И ты б, Государь, умилосердился своег(о) холопа пожаловал: тог(о) бы еси, Государь, діака, ко мнѣ к Азову прислал. Зане ж, Государь, залажуся ег(о) тог(о) дѣла, что не от велика по-турскы знает. Иног(о), Государь, діака призоват(ь) на твое дѣло на Государьское, — ино, Государь, толмач надобет. С тѣм есми, Государь, дѣла твои дѣлывал один на одинъ во дни и в ноци. Или как ся получит, — скажу ему твои дѣла || Государьскіе, и он мнѣ, написавъ, да принесет, и я, холопъ твой, мишен(ь) свою приложу да к тобѣ, ко Государю, посылаю. || Лѣта .ж.лв. марта 25 дня“. (л. 264 об. — 265). Для того, чтобы нужныя вѣсти быстро и вѣрно доходили по назначенію, во всѣхъ важныхъ пунктахъ постоянно держались „станци“ украинскихъ — рязанскихъ и иныхъ казаковъ, которые, разсыпавшись по степи, ухитрялись обыкновенно прокрасться мимо вражескихъ „заставъ“ къ московскимъ украинамъ. Для пополненія этихъ „станци“ пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ. Такъ съ посломъ въ Турцію Иваномъ Семеновымъ Морозовымъ было послано десять такихъ „станци“. „Да посланы с Иваномъ казаки резанцы десять станицъ, да и список Ивану даи им по пмяпомъ и гдѣ которых оставити. И Ивану тѣхъ казаковъ оставити в Азовѣ по списку || четыре станицы. А в Каѳу ему тѣхъ казаков с собою взяти четыре ж станицы да оставити их в Каѳѣ. А с собою ему взяти казаков ко Царю-Городу двѣ станицы“ . . (л. 244 — 244 об.).

Взвѣсивъ всѣ данныя политическаго положенія, наши дипломаты выработали и старались осуществить слѣдующій планъ: Московское государство заключаетъ союзъ

съ Турціей, который сулитъ при своемъ осуществленіи блестящія переспетпы. Турецкій Султанъ, какъ союзникъ, удерживаетъ своего вассала крымскаго хана отъ набѣговъ на украинны „своего брата“ московскаго, Великаго Князя. А такъ какъ ханъ крымскій не могъ существовать съ своей ордой безъ набѣговъ на чужія земли, то московскіе дипломаты, предвидя это, предусмотрительно указывали ему на Литву, которую и отдавали ему „на потокъ и разграбленіе“, при чемъ не прочь были въ этомъ дѣлѣ помочь туркамъ и крымцамъ. Вотъ какія выгоды давалъ союзъ съ турками Москвѣ. Понятно теперь, почему въ глазахъ московскихъ людей всякій, кто осмѣливался становиться на пути осуществленія этихъ чаяній и надеждъ, становился злѣйшимъ ихъ врагомъ, какъ то и случилось со всѣми греческими патриотами на Руси. Въ посольской „памяти“, данной Ивану Морозову, они такъ говорили о союзѣ съ турецкимъ Султаномъ.

„И нынѣ похочетъ Салтан со Государемъ нашимъ быти в дружбѣ и в братствѣ, и Салтан бы нынѣ послалъ къ Государю нашему со мною вмѣстѣ своег(о) доброго || человекъ такова, которому бы то дѣло л(ь)зѣ было дѣлати, и о томъ бы с нимъ Салтанъ наказалъ, какъ быти Салтану со Государемъ нашимъ в дружбѣ и в братствѣ и на недруговъ заодно быти, и такимъ грамотамъ пригожъ межъ ихъ быти о дружбѣ и о братствѣ. И Государь нашъ, по тому приговоривъ, велитъ грамоты написати, какимъ грамотамъ пригожъ межъ ихъ быти о дружбѣ и о братствѣ, да къ Салтану съ его посломъ пошлетъ своего посла“. Да говорити о томъ по Великот(о) Князя наказу. А иѣчто взмолвятъ: „Послалъ Салтанъ къ Великому Князю свою грамоту с своимъ посломъ с Скиндеремъ и съ ег(о) человекомъ с Трет(ь)якомъ послалъ же грамоту,—ино инымъ какимъ грамотамъ быти межъ Государя нашего и вашег(о) Государя?“ И Ивану говорити: „Прислалъ Салтанъ с Скиндеремъ грамоту ко Государю нашему, да и со Государя нашег(о) человекомъ с Трет(ь)якомъ прислалъ грамоту. А писалъ Салтанъ в тѣхъ грамотахъ, что со Государемъ нашимъ хочетъ быти в дружбѣ и в братствѣ. А крѣпо || сней некоторыхъ в тѣхъ грамотахъ нѣтъ, какъ Государямъ быти в дружбѣ и в братствѣ и на недруговъ быти заодно. А в грамотахъ в шертныхъ пишутъ, какъ Государямъ межъ себя быти в дружбѣ и в братствѣ и какъ имъ на недруговъ быти заодно. Да у тѣхъ грамотъ печати Государьскіе живутъ. И правда межъ Государей бываетъ. То грамоты о дружбѣ и о братствѣ—утверженны“. Да говорити о томъ по Великот(о) Князя наказу. А иѣчто взмолвятъ Ивану: „Говорилъ еси в рѣчи отъ своег(о) Государя Государю нашему, что на недруговъ быти заодно. Ино кто недрузи Государю вашему?“ И Ивану говорити: „Дастъ Богъ, будетъ посолъ Салтановъ у Государя нашег(о), ино ему будетъ вѣдомо, кто другъ Государю нашему и кто недругъ“. И иѣчто учнутъ о томъ Ивану пристайно спрашивати, кто пак(и) недрузи Государю вашему,— || и Ивану говорити: „Вѣдомо и вамъ: Менли Гирѣй Цар(ь) крымской Государю нашему былъ другъ, а и сынъ его Магмедъ Гирѣй Цар(ь) Государю нашему также другъ былъ. И нынѣ Магмедъ Гирѣй Цар(ь) Государю нашему учинился недругомъ. А и иные Государю нашему недрузи есть и друзи его. А Магмедъ Гирѣй Цар(ь) нынѣ прислалъ ко Государю нашему своихъ великихъ пословъ. И нынѣ послы его у Государя нашего. А меня Государь мой къ Сюлеменъ Салтану отпустилъ, а еще межъ Государя нашего и Магмедъ Гирѣй Царя миръ не бывалъ“. И иѣчто взмолвятъ: „Государь нашъ с Великимъ Княземъ на крымскот(о) будетъ заодно и помоч(ь) ему на крымскот(о) учинитъ. А Государю нашему недругъ литовской,—и Княз(ь) Великій со Государемъ нашимъ на литовскот(о) будетъ ли заодно?“ И Ивану говорити: „О томъ отъ Салтана ко Государю нашему съ его посломъ приказу не было. И Государь нашъ къ Салтану о томъ со мною не наказалъ ничего. А коли учинится Салтанъ || со Государемъ нашимъ в дружбѣ и в братствѣ, и Государь нашъ

на всѣхъ недруговъ съ Салтаномъ будетъ заодною. А Салтанъ бы также со Государемъ нашимъ на всѣхъ недруговъ былъ заодною. А пынь о томъ Салтанъ, что прикажетъ ко Государю съ нами, и мы то до своего Государя допесем. Да и съ своимъ бы посломъ о томъ ко Государю нашему наказалъ. Да говорити о томъ по Великог(о) Князя наказу.... (л. 239 об.—241 об.).

Съ воцареніемъ на Константинопольскомъ тронѣ Султана Сулеймана надежды на заключеніе союза у русскихъ людей окрѣпли, и они привялпсь за его осуществленіе съ удвоенною энергіей. Бывшій у Султана въ 1522-мъ году нашъ посоль Третьякъ Губинъ своими грамотами вполне подтвердилъ эти надежды. „А се грамота к Великому Князю Трет(ь)яку Губина съ Елгозею: „Государю Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Руси холопъ твой, Трет(ь)якъ Губинъ, челомъ бьетъ. Далъ Богъ, Государь, милосердіемъ Божиимъ да твоимъ Государевымъ здоровьемъ пришли есмь, Государь, во Цар(ь)-Городъ поздорову за педѣлю до Покрова. А Сюлюменъ Салтана во Цар(ь)-Городѣ не было: ходилъ на угорскаго короля. А стоялъ подъ Бѣлымъ Городомъ. А мнѣ, Государь, велѣли Царя ждати во Цар(ь)-Городѣ, а ждалъ есмь, Государь, его мѣсяць. И какъ, Государь, пришелъ Сюлюменъ Салтанъ во Цар(ь)-Городъ, и язъ, Государь, у Царя былъ, и грамоту есмь, Государь, твою и рѣчи донесъ, и дѣло есмь твое дѣлалъ по твоему Государеву наказу. Грамота твоя и рѣчи, Государь, ему любви,—и меня, Государь, холопа твоего, жаловалъ. И послалъ, Государь, къ тебѣ посла своего Скиндеря Саку“. (л. 206—206 об.). По приѣздѣ въ Москву Губинъ въ рѣчахъ говорилъ великому князю то же самое.

„А сказалъ Трет(ь)якъ Великому Князю, что Цар(ь) съ Великимъ Княземъ хочетъ быт(ь) в дружбѣ и в братствѣ || и послалъ к Великому Князю своего посла Скиндеря“. И какъ Скиндер(ь) приѣхалъ на Москву, и Княз(ь) Великій велѣлъ его на венол(ь)е встрѣтити и приставомъ на Москвѣ у него быти Семену Сергѣеву сыну Левашова да Ѳеодорцу Грцидипу. А велѣлъ Семену поклонъ правити по тому жъ, какъ вверху писано, и на подвор(ь)е его поставити“ (л. 210 об.—211). Приѣхавшій съ Третьякомъ посоль турецкій Скиндеръ подтвердилъ все, сказанное Третьякомъ Великому Князю. „А говорилъ Искни || дер(ь): „Дай Богъ, здоровъ былъ здѣс(ь) Государь, Великій Государь, а тамъ бы здоровъ былъ мой Государь Сюлеменъ Салтанъ, и межю бы ихъ Государей, далъ Богъ, доброе дѣло дѣлалося. А которые недрузи Великаго Государя, и онъ бы с тѣми с своими недруги свое дѣло дѣлалъ такъ, какъ его милосердый Богъ похочетъ. И далъ бы Богъ, его недрузи под ногами его были и головою в землю ударили. А другомъ бы своимъ Великій Государь то возвѣстилъ, кто будетъ его недрузи. И они с нимъ на тѣхъ его недруговъ заодною. А Государь нашъ Сюлеменъ Салтанъ хочетъ быти с Великимъ Государемъ в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ свыше тог(о), какъ былъ отецъ его Салимъ шахъ Салтанъ с Великимъ Государемъ в дружбѣ и в братствѣ. И другу его хочетъ другомъ быти, а недругу недругомъ, и на всѣхъ его недруговъ хочетъ быти с нимъ заодною. А что Великій Государь пошелъ на свое дѣло, а мнѣ велѣлъ Государь побыти здѣс(ь) на Москвѣ,—ино, дай Богъ, здоровъ былъ Государь и дѣлалъ свое дѣло, а мнѣ хоти будетъ тысяча || ден(ь) ягни, и язъ радъ, тол(ь)ко бы далъ Богъ Государю свое дѣло с своимъ недругомъ подѣлати. А Государьское ко мнѣ жаловац(ь)е велико, какъ ко мнѣ прислалъ Государь своег(о) сына боярскаго добра, и для Государя моего велѣлъ мнѣ такову честьъ чинити: дорогою мнѣ Государьскимъ здоров(ь)емъ кормомъ доволентъ“... (л. 211 об.—212 об.). Въ другой разъ тотъ же Скиндеръ снова категорически заявляетъ о готовности Султана заключить союзъ съ Московскимъ царствомъ.

„Да Искндер(ь) же говорилъ: „Посыламъ Государь вашъ к нашему Государю своего сына боярскаго(о) Васил(і)я Михайлова отвѣдати про Государя нашег(о) на его государствѣ,

и хотя с ним быти в дружбѣ и в братствѣ. И Государь нашъ с Великим Государем хочет быти в крѣпкой дружбѣ и братствѣ и свѣше тот(о), как с ним был Салим шах Салтан в дружбѣ и братстве. И похочет Великій Государь с нашим Государем быти въ крѣпкой дружбѣ и братствѣ, и Великій бы Государь послал || к нашему Государю своего доброго человѣка, кто б мог меж их дружбу и братство крѣпко дѣлати и крѣпость учинити“ И даки то, приѣхав, сказали Великому Князю. И Князь(ь) Великій послал к нему дяков же, а велѣя ему молвити: „Мы з братом своим Сюлемен Салтаном хотим быти в крѣпкой дружбѣ и братстве. А, ох дастъ Бог, тоби к брату своему отпустим, а с тобою вмѣсте пошлем къ брату своему своего доброго(о) человѣка“ (дл. 216 об.—217). Наши дипломаты, съ своей стороны, идя навстрѣчу этимъ завѣреніямъ, ссылались на отношенія, которыя установились было между Москвой и Турціей при Султанѣ Селимѣ, отцѣ Сулеймана: „И мы наперед сего к брату своему, к отцу къ его, к Салим шах Салтану, послали своего посла о том, чтоб с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы недругов был с нами заодно, да и грамоты бы меж нас о дружбѣ и о братстве были. А мы з братом с своимъ также хотим в крѣпкой дружбѣ и в братстве и в любви быти. И брат нашъ, Салим шах Салтан, нашего посла к намъ отпустил, а приказал к нам, что с нами в дружбѣ и в братстве в крѣпкой хочет быти и грамотам было шертным о дружбѣ и о братствѣ меж насъ с ним быти и посылает к нам своего посла, доброго(о) своего(о) человѣка. Да посла своего к нам не успѣл послати. И то дѣло меж нас не сталося тот(о) дѣля, что Бож(ь)я воля естася,—брата нашего, Салим шах Салтана, в живогѣ не стало“ (л. 228). Но какъ только дѣло дошло до реальнаго обсужденія создававшагося положенія, то у Скиндера не оказалось будто бы ни опредѣленныхъ директивъ ни соответствующихъ полномочій въ то время, какъ объ этомъ спрашивали по порученію Великаго Князя. „Федор говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многимъ землямъ вѣсточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великій Князь(ь), велѣя тобѣ говорити: „Прислал к нам с тобою брат нашъ, Сюлемен Салтан, свою грамоту. А писал к нам в своей грамоте да и с нашимъ посланникомъ, с Трет(ь)якомъ з Губинымъ, писал к нам свою грамоту, что с нами хочет быти в крѣпкой дружбѣ || и в братствѣ, а намъ бы с нимъ также быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И мы с Сюлемен Салтаномъ в дружбѣ и в братствѣ хотимъ быти“. Шигона говорил: „Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси и инымъ многимъ землямъ вѣсточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великій Князь(ь), велѣя тобѣ говорити. И что с тобою к намъ наказ от брата нашего Сюлемен Салтана? Какъ Сюлемен Салтан хочет быти с нами в дружбѣ и в братствѣ?“

И Скиндер(ь) говорил: „Со мною Государь мой, Сюлемен Салтан, послал к Великому Государю свою грамоту. И что писал в своей грамоте, и он по тому и хочет с Великим Государем быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И хочет тот(о), чтобъ люди меж их ходили на обѣ стороны да и гости б ходили“. И Федор ему говорил: „Скиндер(ь)! у Государя нашего(о) в обычеѣ, с которыми Государи Государь нашъ в дружбѣ и в братстве, ино меж их грамоты утвержденныя живут“. И Скиндер(ь) говорил: „Со мною, оприч(ь) грамоты к Великому Государю, от Салтана приказу иѣтъ. Государь ваш к Салтану с своимъ человѣкомъ с Васил(і)емъ о томъ не приказал. А приказал бы Государь ваш о томъ с своимъ человѣкомъ, и Государь бы нашъ и со мною о томъ приказал“ (дл. 222—223^а). На Москвѣ сразу заподозрили Скиндера во враждебномъ отношеніи и не хотѣли ему вѣрить. Всю надежду они возложили на непосредственное обращеніе къ Султану черезъ

посольство Морозова, а потому въ данной ему „памяти“ приказывали такъ говорить Султану.

„Великій Государь Василей, Бож(і)єю милостию единый правый Государь всея Руси и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великій Князь(ь), велѣлъ тебѣ говорить: „Присылалъ еси къ намъ своего посла Скиндеря князя. И подалъ намъ отъ тебѣ твою грамоту. А в грамоте в своей к намъ писалъ еси, что с нами в дружбѣ и в братствѣ и в любви хочешъ быти, а намъ бы также с тобою быти в дружбѣ и в братствѣ и в любви. И послы б наши межъ насъ на обѣ стороны ходили и люди наши ѣздили нашего здоров(ь)я видети, да и гости б на обѣ стороны ходили безъ всякіе силы и зацѣпки“. Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорить: „И мы напередъ сего к брату к своему, к отцу твоему, к Салим шагу Салтану, посылали своего посла о томъ, чтобъ с нами былъ в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣхъ бы недруговъ былъ с нами заодно, да и грамоты бы межъ насъ о дружбѣ и о братствѣ были, а мы з братомъ своимъ также хотимъ в крѣпкой дружбѣ и братствѣ и в любви быти. И брат нашъ, Салим шагъ Салтанъ, нашего посла к намъ отпустилъ, а приказалъ к намъ что с нами в дружбѣ и в братствѣ в крѣпкой хочетъ быти и грамотамъ было шертнымъ о дружбѣ || и о братствѣ межъ насъ с нимъ быти и посылаетъ к намъ своего посла, доброго челоуѣка. Да посла своего к намъ не успѣлъ послати. И то дѣло межъ насъ не стало(ь) тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля сталас(ь),—брата нашего, отца твоего, Салим шага Салтана, в животѣ не стало“. Государь нашъ велѣлъ тебѣ говорить: „И мы нынѣ с тобою, з братомъ своимъ, Сулеменъ Салтаномъ, в дружбѣ и в братствѣ и в любви хотимъ быти, и на всѣхъ недруговъ хотимъ с тобою быти заодно. А ты б также с нами былъ в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣхъ бы еси недруговъ былъ с нами заодно. А с которыми есмь с Великими Государями с своею брат(і)ею в дружбѣ и в братствѣ,—ино межъ насъ грамоты шертныя о дружбѣ и о братствѣ и правда межъ насъ есть. И межъ бы насъ с тобою также грамоты шертныя были о дружбѣ и о братствѣ. И правда бы межъ насъ была, и люди бы наши межъ насъ на обѣ стороны ѣздили, и послы ходили нашего здоров(ь)я видети“ (лл. 230 об.—232)

Относительно же Скиндеря, отъ котораго, несмотря на его льстивыя увѣренія въ преданности, ждали враждебныхъ по отношенію къ намъ дѣйствій, „наказывали“—требовать его замѣны другимъ посломъ. „А иѣчто Скиндер(ь) учнетъ приѣхавъ тамъ говорить, что будто его Князь(ь) Великій не жаловалъ и бережен(ь)я ему отъ Великог(о) Князя не было и кормы собѣ учнетъ сказывати малы и печесть которую учнетъ собѣ сказывати, и иѣчто тамъ о томъ Ивану учнетъ кто говорить или хоти Ивану и не учнутъ о томъ говорить, а послышигъ то Иванъ, что Скиндер(ь) то говоритъ,—и кто Ивану учнетъ о томъ говорить,—и Ивану тому говорить. И не учнутъ говорить, ино наши которому молвити в разговорѣ, каково было жалован(ь)е Скиндерю отъ Великог(о) Князя. || А говорить Ивану по тѣмъ спискомъ, каковы ему списки дали о тѣхъ дѣлахъ казначѣи, что Скиндерю корму давало и что ему Князь(ь) Великій давалъ жалован(ь)я. И Ивану говорить по тѣмъ спискомъ. А говорить: „То Скиндер(ь) говоритъ негораздо; Государское жалован(ь)е было к нему велико, честь ему была великая и кормы великіе даваны. А отъ Государя ему жалован(ь)е давано много и честь ему велика была, а ни в чемъ ему безчестія никоторог(о) не было. Да говорить Ивану по тѣ(м) спискомъ, каковы ему даны: „А то Скиндер(ь) говоритъ негораздо, что к собѣ жалован(ь)я Государя нашего не сказываетъ, а такое ему было жалован(ь)е“. Да и то Ивану молвити в разговорѣ: „Государемъ Великимъ пригожъ промежъ себя посылати такихъ людей, которые бы жили близко при Государехъ и дѣло бы знали и жалован(ь)е бы Государское знали, а не корысти бъ смотрели“

(л. 245 об.—246). Успѣхъ посольства не увѣнчался, однако, успѣхомъ: греки, конечно, не могли выпустить изъ своихъ рукъ пути сношеній съ Москвой, и къ намъ вторичнымъ посломъ при Сулейманѣ былъ отправленъ тотъ же Скиндеръ,—и притомъ согласно дописанію одного изъ участниковъ посольства только съ торговыми цѣлями, при чемъ на этотъ разъ съ нимъ ѣхалъ еще и родной братъ Юрія Малаго Траханюта.

„И Миша Тѣеритиновъ с товарищы князю Миките сказали про Ивана приходъ къ Салтану и скол(ь)ко тамъ побылъ Иванъ во Царѣ-Городѣ, и какъ Ивана Салтанъ отпустилъ по тому жъ, какъ Иванъ с ними къ Великому Князю написалъ в списокъ. А посла своего Салтанъ послалъ къ Великому Князю с Иваномъ вмѣстѣ того жъ Скиндер(ь) Саку, которой былъ у Великог(о) Князя, а с нимъ Салтановыхъ два человѣка Асаномъ зовутъ, да Скиндеремъ зовутъ молодые люди, а его людей шло с нимъ изъ Бѣла-Города тол(ь)ко три человѣки, и то наймиты. Да гостей, сказываютъ, с собою взялъ за своихъ людей человѣкъ пят(ь) ли, шесть ли. А гостей с нимъ шло изъ Царя-Города до Крыма человѣкъ з десят(ь), а всѣхъ людей с нимъ шло изъ Царя-Города, которые ег(о) и провожали до Перекопи, человѣкъ с тритцат(ь). А имат(ь) ему, сказываютъ, с собою людей изъ Кабы япычанъ и гостей. А товару, сказываютъ, с Скиндеремъ мног(о). || А Скиндер(ь) бол(ь)шее, сказываютъ, идетъ на Салтана ружьями купити: денегъ с нимъ Салтановыхъ много. А дѣла за нимъ великог(о) не чаютъ. А тамъ, сказываютъ, у Салтана Скиндер(ь) молодой человѣкъ—водовозъ бывалъ—потому словесъ „Сака“. И урядства на немъ нѣтъ нико(то)рог(а) и близко Салтана не живетъ, а дѣла ег(о) тамъ торгуютъ. Да (с) Скиндеремъ же, деи, идетъ с торгомъ гречинъ Ѳедоромъ зовутъ, а сказывается Юр(ь)ю Малому родной братъ, Дмитреевъ жо сынъ“.... (л. 266 об.—267).

Самъ посолъ Иванъ Семеновъ подтвердилъ въ своей грамотѣ сказанное выше: „А сказываетъ, Государь, Изскиндер(ь), что Салтанъ послалъ его нынѣ не посол(ь)ствомъ,— послалъ его ружьями купити; и рѣчи, Государь, отъ Салтана къ тебѣ, Государю, сказываетъ, за нимъ есть ж(е). А посла, Государь, своег(о) бол(ь)шег(о) Салтанъ къ тебѣ, Государю, ялся жъ прислати“. (л. 273 об.) Нужно отмѣтить, что на Москвѣ плохо знали нравы и обычаи Султанскаго двора; поэтому посламы часто давались такія предписанія, которыя трудно было выполнить, и вся ихъ энергія уходила на мелочи этикета и на выполненіе сочиненнаго на Москвѣ посольскаго церемониала; при чемъ послы согласно своимъ „наказамъ“ должны были оставаться непримиримыми и ничего не уступать въ этомъ отношеніи туркамъ. Позабывали на Москвѣ, какъ это ни странно, и о продажности восточныхъ дипломатовъ, и совершенно не хотѣли считаться съ алчными турецкими пашами, и, мѣряя все на свой аршинъ, требовали личнаго участія Султана въ переговорахъ, между тѣмъ какъ наши и другіе турецкіе чиновники всѣхъ ранговъ требовали „подарковъ“, откровенно указывая русскимъ на то, что Султанъ поступаетъ такъ, какъ они „удумаютъ“.

„Да говорили Ивану толмачи, чтобъ Иванъ ѣхалъ къ Аяз пашѣ на подвор(ь)е с нашимъ видѣтис(ь) и о Государскомъ дѣлѣ с нимъ переговорити: „Зап(е)жс, господине, здѣ обычаи таковы, от которог(о) ни буди Государя посолъ придетъ къ нашему Государю,— и тому, господине, послу первое быти у пашы, да Государское дѣло с пашами переговорити. И пашы, господине, скажутъ Салтану то жъ, господине: (и) Государь нашъ велитъ у себя послу быти, а то, господине, у Государя наших(о) бол(ь)шіе люди Ибреимъ паша да Аяз паша и дѣла бол(ь)шіе всѣ на нихъ лежатъ; какъ Салтану они придумаютъ, и Салтанъ такъ и учинитъ, а мы, господине, за добродѣтел(ь) тобѣ дружимъ и здѣшней обычаи сказываемъ, а которые, господине, Государя вашего посла палереди сего у Госу-

даря нашег(о) бывали—Василей Коробов и иные, и мы, господине, по тому ж имъ дружили, а они, господине, нас за то жаловали“. Да говорили толмачи Ивану „пристойно, чтоб Иван наперед к пашам ѣхал: „А тол(ь)ко, господине, ты наперед у паш не будеш, и тобѣ у Салтана и долго не быти и дѣла Государского не здѣлать“. И Иван им отвѣчал: „Послал меня Государь мой к Государю вашему и рѣчи мнѣ велѣл говорити брату своему Сюлемен Салтану, —и мнѣ к пашам чего для ѣхати на подвор(ь)е? Велит мнѣ Салтан у себя быти, и из ему от своег(о) Государя и рѣчи говорю, а пашам мнѣ Государя своег(о) рѣчи как говорити? А был посол Государя нашег(о) у Государя нашег(о) Скиндер(ъ), и он грамоты подал и рѣчи говорил самому Государю, а бояром своим Государь нашъ не велѣл у него рѣчей слушати. Сам Государь рѣчей его слушал“. А приставовѣ чеуши—Мурат и Гайрадин того ж дни да и на завтрее в четвергъ по тому ж Ивану говорили накрѣпко, чтоб Иван о Государьском дѣле ѣхал к Аяз пашѣ на подвор(ь)е: „А не поѣдеш, господине, к пашам на подвор(ь)е, и тобѣ у Салтана не бывати ни в шесть мѣсяц. И Иван чеушем отвѣчал тѣмъ ж рѣчи, что и толмачем, а к пашам не поѣхал“ (л. 277 об.—278). Потомивъ ожиданіемъ въ надеждѣ, что посолье уступитъ, пристава неожиданно являются черезъ три дни и заявляютъ: „Сегодня, господине, ѣхати тобѣ к Салтану в стан и ты, господине, буди готов, и которая рухляд(ь) у тебя на короблѣ, а к завтрею будет надобна, и ты еѣ вели имати, а мы в ту пору шед под тебя суды изготовим да часа тог(о) по тебя будем. А завтра рано быти тобѣ у Салтана, а хочет Салтан завтра ж ѣхати на свое дѣло, тебя отпустя, да быти там Салтану мѣсяца с полтора, а тобѣ его дожидат(ь) здѣс(ь) в городѣ“. Да того ж часу приставовѣ по Ивану приѣхали“ (л. 278 об.). Приѣхавъ съ Иваномъ къ Султану, пристава велѣли ему сѣсть подождать у дороги къ Султанову шатру. Тутъ они принялись съ чисто восточной хитростью добиваться униженія Московскаго посла, убѣждая его вставать и кланяться при приближеніи переднихъ всадниковъ свиты ѣдущаго къ Султану Ибреима паша. „И приставовѣ почали Ивану говорити накрѣпко: „Встан(ь): Ибреим паша ѣдет“, и Иван не встал, а молыл: „Молоды люди ѣздят, а мнѣ против ково вставати?“—И приставовѣ Ивана за плече имают и говорят: „Встан(ь): Ибреим паша ѣдет, а то у Государя нашег(о) бол(ь)шей человекъ, пригож тобѣ против его встати и челом ударить“. И Иванъ пропустил многіе люди, и какъ будет против Ивана Ибреим паша, и он наперед Ивана в седлѣ приподылся и поклонился, и приставовѣ чеуши Ивану молвили: „Ибреим паша тобѣ челом ударил“, и Иван по тому ж против паша приподылся || и поклонился по турецкіи ж“ (л. 279—279 об.). Когда же первая хитрость не удалась, то пристава пустились на другую.

„И велѣли приставовѣ Ивану в шатер пойти, а сказали в шатрѣ Салтана; и вшел Иван, а Салтана в шатрѣ нѣтъ, а сидит в шатрѣ Ибреим паша да казначѣй Аббисалом. И против Ивана Ибреим паша встал да пытал Ивана о Государском здоров(ь)е (и) о его здоров(ь)е“ (л. 279 об.). Послѣ того, какъ Иванъ отказался окончательно говорить свои рѣчи пашамъ, о немъ было доложено Султану, и онъ былъ принятъ Султаномъ, но за нимъ отъ Султана, вопреки московскому обычаю при приѣмѣ иностранныхъ пословъ, вышелъ только одинъ толмачъ.

„Да пришед толмач Ивану говорил: „Государь нашъ Сюлемен Салтан велѣм тобѣ к собѣ ити“. А оприч(ь) толмача, Ивана не встрѣтил ни проводил никто, а приставовѣ чеуши остались у Салтанова шатра“ (л. 280). При приѣмѣ надежда на султанову „правду“ не оправдалась: Султанъ оказался вполне въ рукахъ своихъ приближенныхъ турокъ и грековъ.

„И велѣлъ наша Ивану пойти к Салтану к руке, а опосле год(о) Иван от Государя Салтану поклон правил и поминки являл по записи и посол(ь)ство правилъ и грамоты подалъ, а взявъ посол(ь)ство и грамоты Ибреим паша. А посол(ь)ства правилъ Иван три стат(ь)и, а одной стат(ь)и еще не правил. И Ибреим паша у Ивана рѣч(ь) перенял, а говорилъ наша Ивану. „Иные Государскіе рѣчи с нами переговорили, и мы их Государю скажемъ“. А самъ Салтан не проговорилъ к Ивану ни одного слова ни х которой рѣчи“ (л. 280 об.). Когда Ивану пришлось быть у Султана во второй разъ уже на отпускѣ, то къ нему обратился съ требованиемъ „подарковъ“ „казначей и дьякъ“ Аббисаломъ, угрожая разсрочить посольство въ случаѣ отказа со стороны посла Москвы.

„Сентября 12 приѣхавъ приставовѣ к Ивану на подвор(ь)е да говорили Ивану: „Сегодня, господине, тобѣ быти у Салтана в стану,—да то тобѣ, господине, и отпускъ“....

„И того ж дни в стану приходилъ к Ивану Андрѣян грекъ от казначѣя и от діака Салтанова от Аббисаломъ, и говорилъ Андрѣян Ивану: „Велѣлъ, господине, тобѣ Аббисаломъ говорити. „Наша ден, господине, пошлинка естъ, и ты б, господине, нас не забыл. А наперед того послы бывали у нашего Государя от Государя вапег(о),—и они, господине, нам пошлину давали: и ты б, господине, нас не покинул же“. Да пригож, господине Иван, тобѣ его почествовати, зап(е)же, господине, он у Салтана ближней человекъ и дѣла Государскіе бол(ь)шіе на нем лежат. А не почтши, господине, его,—ино, господине, и дѣлу не здѣлатца“ (л. 282 об.—283). Нашъ посоль отказался удовлетворить эти вымогательства, заявивъ, что онъ прислать къ Султану и ему ни до кого нѣтъ дѣла, помимо самого Султана.

„И Андрѣян Ивану отвѣчал: „Аббисалом, господине, говорит: и тол(ь)ко, ден, меня посол не почтит, ино, ден, и дѣлу не здѣлатца; и велѣлъ мнѣ на послѣ взять карабленые налоги: каѣпнской и царегородской и все пошлины с рухледи азовскіе и каѣпнскіе и царегородскіе“ (л. 283). Когда же угрозы Андрѣяна не подѣйствовали, то былъ подосланъ приставъ Муратъ чеушъ, но уже отъ имени якобы Султана.

„А после Андрѣяна пришелъ к Ивану пристав Мурат чеуш, а говорилъ Ивану: „Велѣлъ, господине, тобѣ Салтан мольт(ь): „Аббисалом у меня человекъ ближней—діак и казначѣй и зят(ь), и ты меня дѣла его почти,—нѣчто ему пошли“ (л. 283 об.). Послѣ этого заявленія пришлось уступить, и Аббисалому была послана „шуба“. Отпуская московское посольство, султанъ по прежнему хранилъ загадочное молчаніе, и нашему послу все-таки пришлось имѣть дѣло съ пашами, хотя и на дворѣ у Султана.

„И тут Иван Салтану и челом ударил, а не проговорилъ Салтан к Ивану никакова слова“ (л. 24 об.). Какъ было сказано выше, съ Иваномъ Семеновымъ былъ прислать тотъ же Скиндеръ и притомъ „не посольствомъ“, а, какъ заявилъ Ибреимъ паша, „соболей купити на Салтана“. Но въ дорогѣ у Скиндеря вдругъ оказалась Султанская грамота и онъ объявлялъ, что теперь онъ идетъ „с великими дѣлы“.

„А в Белъ-Городѣ, Государь, и на дорогѣ, от Бела-Города идучи к Перекопи, Изкиндер(ь) говорилъ в речи и не одиново: „Нынѣ, ден, яз иду не посол(ь)ством, поелам, ден, меня Салтан з ден(ь)гами рухледи купити да и тебя проводить, а рѣчи, ден, от Салтана к вашему Государю за мною не великіе“. А приѣхавъ из Каѣы в Перекоп(ь), перед поѣздом, Изкиндер(ь) говорилъ: „Прислал ко мнѣ Государь мой гонца со многими грамотами, а иду нынѣ от Государя к Государю с великими дѣлы“ (л. 285 об.). Нужно прибавить къ этому, что обетательства въ томъ году (1524-й) складывались благоприятно для Москвы на ближнемъ востокѣ. Такъ, Скиндеръ говорилъ Ивану Семенову еще на дорогѣ.

„А самому, деи, Салтану на сеи веснѣ итти на уторског(о) короля, а на литовског(о), деи, короля Салтан отрядил своих санчаков многоихъ, а с ними сорок тысяч да и к крымскому, деи, Сади-Гирѣю Салтан писал, а велѣя ему итти на литовског(о) ж короля“ (л. 288). Но князь Василій и его дипломаты прекрасно понимали, что это дѣлается со стороны Султана подъ давлениемъ необходимости. Поэтому Скиндеря приняли на Москвѣ съ недоверіемъ и не хотѣли считать его посломъ. Къ тому же Скиндеръ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на Великаго Князя отказомъ принять угощеніе (что отказъ этотъ былъ неискренень, это видно изъ послѣдующаго).

„И Скиндер(ъ) не ѣл у Великог(о) Князя; отговорился тог(о) дѣля, что тогды было их говѣино“ (л. 291). На приемъ наши дипломаты заявили Скиндерю: „Государь наш велѣя тобѣ говорити: „Наперед сего присылалъ к нам Салтан тебя ж Искиндеря, а приказалъ к нам, что с нами в дружбѣ и в братствѣ хочет быти; и мы, хотя с ним быти в дружбѣ и в братствѣ, посылали к нему своег(о) бол(ъ)шег(о) посла, доброго своег(о) человекъ Ивана Семеновича. И послу нашему Ивану от Салтана говорилъ папа его Ибреимъ, что Салтан с нами в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и посылаетъ к нам своег(о) бол(ъ)шег(о) посла, великог(о) человекъ, а Скиндеря посылаетъ проводить Ивана, чтобъ ему безъ страху итти и на себя, что потребная, купити; и от Салтана с тобою к нам каковъ приказъ ест(ъ) ли?“ И Скиндер(ъ) говорилъ: „Государь нашъ и ныне с Великимъ Княземъ в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и послалъ меня вмѣстѣ с Иваномъ, а со мною послалъ к Великому Князю грамоту, а в грамотѣ в своей то ж писалъ, что в дружбѣ и в братствѣ с Великимъ Княземъ хочет быти, и послы бы и гости на обе стороны ходили безъ зацѣпки и зауморковъ бы не было, а того яз не слыхалъ, чтобъ Ибреимъ папа Ивану говорилъ, что Государь нашъ хочет послати к Великому Князю своег(о) бол(ъ)шег(о) посла“ (лл. 291—291 об.). Такія рѣчи уже не производили на Москвѣ никакого впечатлѣнія и отъ Скиндеря потребовали реальныхъ условій союза. Но, по обыкновению, съ нимъ приказа такого „никогораго“ не было.

„И Государь нашъ послалъ своег(о) бол(ъ)шег(о) посла, и чамъ Государя нашего послу о томъ слова никакова не было, какъ имъ быти в дружбѣ и в братствѣ, и с тобою какъ(и) ныне о томъ каковъ приказъ ест(ъ) ли? Какъ Салтану быти со Государемъ нашимъ в дружбѣ и в братствѣ, и какимъ межю ихъ крѣпостемъ быти?“ И Скиндер(ъ) говорилъ: „Со мною приказу от Государя от моего никогорог(о) вѣи, оприч(ъ) гого, что послалъ со мною Государь мой грамоту к Великому Князю“ (л. 292). Въ грамотѣ, присланной Султаномъ съ Иваномъ Семеновымъ говорилось о „дружбѣ и братствѣ“ только въ общихъ выраженіяхъ. „Тако же да естъ вѣдомо благородствю твоему, что царство мое на предреченемъ приятел(ъ)ствѣ и на стат(ъ)ѣ, какъ семя поставилъ клятву и вѣру, и нынѣ на томъ стоимъ. И еще бол(ъ)ши тог(о) стоимъ и клятву поновляемъ и вѣру крѣпче учинили“ (л. 293 об.). Такъ же и то же говорилось и въ грамотѣ, присланной отъ Султана съ Искиндеремъ.

„И что благородствіе твое в грамотѣ писалъ, и рѣч(ъ)ми царствю моему с нашимъ знаменитымъ посломъ Искиндеремъ приказывалъ на знат(ъ)е и на вѣдан(ъ)е, какъ то было между нами обѣма приятел(ъ)ство и любовь, тог(о) ради мы, принявъ прошен(і)е благородствя твоег(о), какъ было между обѣма нами приятел(ъ)ство и любовь(ъ) напередъ сего до сѣхъ мѣсть, и в грамотахъ писано и утверженой миръ поставленъ, такъ же и нынѣ и впередъ межю нами обѣма да будетъ в первыхъ и в нынешнихъ грамотахъ. И какъ еси приказывалъ к намъ с посломъ благородства ти, чтобъ и в нынешнихъ временахъ между нами обѣма, какъ былъ напередъ того животъ и приятел(ъ)ство, — да и нынѣ поновится, ясно

заклучится“ (л. 295 об.—296). Ни рѣчи, ни грамоты не удовлетворили Великаго Князя, и онъ рѣшилъ не посылать уже къ Султану „большого посла“.

„Да выслушалъ Князь(ъ) Великій грамоты Салтановы, что Салтан прислалъ с Иваномъ с Семеновымъ и Скиндеремъ, да говорилъ з бояры, что ему Скиндеря к Салтану отпустили, а с нимъ своег(о) доброго челоувѣка послати не пригожъ тог(о) дѣля, что Салтан бол(ъ)шого посла не прислалъ и с Искиндеремъ приказу от него нѣтъ, какимъ межн ихъ крѣпостемъ быти. А послати с нимъ ружьяди дѣля молодог(о) челоувѣка, что Иван оставилъ ружьяд(ъ) во Царѣ-Городѣ Великог(о) Князя“ (л. 298) Кроме сказаннаго, большое неудовольствие вызвало самое обращеніе Султана къ Великому Князю въ грамотѣ, присланной съ Искиндеремъ.

„А ныне которые грамоты привезъ к намъ ты от Сюлемен Салтана и в тѣхъ грамотахъ Сюлемен Салтан писалъ к намъ не по тому, какъ есть пригожъ нашему Государству“ (л. 299). По этому у столь желаннаго союза съ Султаномъ стала обозначаться и обратная сторона: сперва это выразилось въ неожиданномъ возникшемъ Казанскомъ вопросѣ, когда на Москвѣ замѣтили, что, обуздывая при помощи турокъ однихъ татаръ, они могутъ потерять власть надъ другими—ближайшими.

„Великій Государь велѣя тобѣ говорити: „Да говорилъ еси намъ от Салтана, чтобъ намъ с Саип-Гирѣемъ царевичомъ, которог(о) наши измѣнники казанцы, намъ измѣнивъ, в Казан(ъ) взяли, помиритис(ъ). Ино и Салтану то гораздо вѣдомо, что изначала на тотъ юртъ Царей сажаемъ мы из своихъ рукъ. И мы з Божією волею и ныне хотимъ держатися того жъ обычая“ (л. 299 об.—300). Разумѣется, пришлось указать турецкому послу, что Москва не потерпитъ вмѣшательства въ Казанскія дѣла.

Да Искиндер(ъ) же говорилъ: „Говорили есте мнѣ о Казани, что Казан(ъ) юртъ изначала Государя вашег(о) Ино Саип-Гирѣй Цар(ъ) присылалъ ко Государю нашему себѣ весны бити челомъ, а заложился за Государя нашего: и то юртъ Государя нашего, и Князь(ъ) бы Великій к Казани рати не посылалъ“. И Шыгона ему говорилъ: „Посылалъ Саип-Гирѣй Цар(ъ) к Салтану, ино то онъ вѣдаетъ, а то изначала юртъ Государя нашего“ (л. 301 об.). Съ другой стороны такъ же неожиданно обнаружилась и какіе-то завостательно-наступательныя планы турокъ. Убѣжая, Скиндеръ просился, оказываеся, отпустить его Дономъ, чтобы тамъ осмотрѣть мѣста.

„А Дономъ просился, и Князь(ъ) Великій ст(о) Дономъ не пустил, и въ которое прозвѣло слово от Скиндеревыхъ людей и от сторон(шихъ), что Скиндер(ъ) посланъ смотрити мѣсть на Дону ставити городъ, и того дѣля Дономъ не пущенъ“ (л. 302 об.) Надежда заключить съ Султаномъ союзъ, однако, все еще не попала Великому Князю, и онъ писалъ Султану съ Искиндеремъ о готовности заключить союзъ и прислать своего „большого посла“, если Султанъ сдѣлаетъ то же самое.

„А какъ будетъ у насъ свой бол(ъ)шой посолъ, и мы тогда о всѣхъ о тѣхъ дѣлахъ с твоимъ бол(ъ)шимъ посломъ велити своимъ бояромъ; и о дружбе и о братствѣ тогда покрѣпимъ, и вмѣстѣ с твоимъ бол(ъ)шимъ посломъ пошлемъ к тобѣ тогда своег(о) бол(ъ)шег(о) посла“ (л. 304). При этомъ однако на отпускѣ указали Скиндерю, что Султанъ долженъ обращаться къ Великому Князю, называя его не иначе, какъ „братомъ“.

„И напередъ сего отецъ его Салимъ шахъ Салтанъ писалъ ко Государю нашему в своихъ грамотахъ Государю нашему „братомъ“, а пынѣ в тѣхъ грамотахъ, которые грамоты ты привезъ от Салтана ко Государю нашему, Сюлеменъ Салтанъ „брата“ Государю нашему не писалъ,—то не пригож(е)сво Государю нашему“ (л. 306 об.). Но событія вѣкорѣ приняли совершенно неожиданный для московскихъ дипломатовъ оборотъ. Видя, что русскіе все еще готовы заключить союзъ съ турками, греки должны были рѣшиться на

что-либо, чтобы поссорить Великаго Князя съ Султаномъ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени Искндеръ рѣшается на „ислыханное дѣло“.

„И лѣта 1525 прислали к Ивану к Семенову грамоту его люди Шемег с товарищы из Кааы, которых людей своих послал Иван Семенов с Скиндерем во Царь-Город отдавати рухляд(ь) Великот(о) Князя. А в грамоте писали, что Скиндер(ь) Великот(о) Князя людем, Алексею Можаятинову с товарищы, великую сорому учинил: и плат(ь)е и ден(ь)ги на них имал, да и с Ивановых людей шубы и зубы рыб(ь)и имал, а которых извошников с ним отпустил казначѣи с Москвы, а ему было их отпустить без зацѣпки совѣм к Москве, — и он тѣх людей в Кааѣ продал. И Князь(ь) Великій говорил з бояры: „Колн Искндер(ь) над Великот(о) Князя люд(ь)ми такоу сорому учинил и он нѣчто учнет которые непригоже рѣчи Салтану или панам говорити, — и Великому Князю пригож к Салтану послати своет(о) человекъ з грамотою тог(о) дѣля, чтоб тѣх людей, которых продал Скиндер(ь), Салтан доискался да велѣл отдати. А нѣчто Скиндер(ь) Салтану учнет которую безцѣпцу говорити, и Салтан бы ему по тому не вѣрил“ И послал Князь Великій к Салтану з грамотою своих татар служилых: в головах Кудояра Карачева сына Мурадинова, самово цыгого с товарищы“ (л. 307—307 об.). Въ грамотѣ, посланной съ Кудояромъ, указывалась еще виша Скиндера по отношенію къ Великому Князю во время пребыванія Ивана Семенова во Царь-Городѣ: Скиндеръ долженъ былъ помочь продать рухлядъ великаго князя, приведа для этого купцовъ.

„И здѣс(ь) нам сказывал посол наш Иван, что еси к той нашей рухляди продали и купити нам, что потребная, велѣл дати Саку Скиндера. И тогда Сака Скиндеръ к нашей рухляди купцов не привел, кому та рухляд(ь) купити, и что было надобе на наши потребности, и он тог(о) не купил“ (л. 308). Въ той же грамотѣ Великій Князь Василій убѣждалъ Султана ни въ чемъ не вѣрять Скиндерю, боясь, чтобы Скиндеръ, прѣхавъ къ Султану, „какой вражды не учинилъ“.

„А ныне послали еси к тебѣ своих казаков Кудояра Карачова, сына Мурадинова, с сею своею грамотою тог(о) дѣля: колн еще Искндер(ь) здѣс(ь) у нас был, и он приставу здѣсѣ говорил непригоже рѣчи, а ныне над нашими люд(ь)ми так учинил. И Искндер(ь) нѣчто учнет говорити нѣкоторые неправые рѣчи, чтобы межи нас с тобою како вражды не учинил“ (л. 309). Изъ данной Кудояру памяти видно, что Скиндеръ на Москвѣ велъ себя вызывающе и, наконецъ, даже прямо сталъ угрожать, что онъ, прѣхавъ къ Султану, поссоритъ его съ Великимъ Княземъ Василіемъ: „Яз межи Великот(о) Князя с Салтаном вражду учиню“.

„Памят(ь) Кудояру. Нѣчто возмолвят ему: „Писал Князь(ь) Великій, что непригоже рѣчи Искндер(ь) Сака на Москвѣ говорил приставу, — по что непригож(е)ство Скиндерево?“ И Кудояру говорити: „Государь наш для Салтана Скиндера жаловал и ч(е)сть ему держал, как есть пригож. Пристава ему дали и подворье велѣл указати, и кормы великіе велѣл давати, и он то жалован(ь)е ни во что поставил, и приставу говорил, что к нему Государьского жалован(ь)я мало и корму мало и нечестъ собѣ от Государя там жо сказывал; а корму ему давали на день по(с)тол(ь)ку, а пытайте янычан, которые с ним были. И он кормы продавал, а приставу говорит, что корму мало, а Государю нечестъ приносил. А отпущая, его Государь жаловал своим великим жаловац(ь)ем и давал ему много своет(о) жалован(ь)я. И он также говорил, что ему жалован(ь)я Государьског(о) мало, да тогда ж говорил: „Доѣду до Салтана, и яз межи Великот(о) Князя с Салтаном вражду учиню“, — да и шые многие рѣчи непригоже говорил. И здѣсѣ что будет говорил про Государя, что ет(о) Государь не жало-

вал, и он то все лгал“. А нѣчто взмолвят: „А вѣсти его Княз(ь) Великій к себѣ чего для не звал?“ И Кудояру говорити: „Государь наш его жаловал, вѣсть его к себѣ звал, и Искиндер(ь) говорил, что ему вѣсти цел(ь)вѣзъ того дѣля, что у них говѣн(ь)е; и Государь наш велѣл ему и приставу о том молвити, чтоб он ѣл у Государя. И Пзкиндер(ь) ся отмовил тѣм, что у них говѣн(ь)е. А на отпускѣ, как его Государь учал отпущати, и он его не звал вѣсть тог(о) дѣя, что зашло Государя нашего говѣн(ь)е. и ему было тогда за столом быти у Государя нашего непригож; и Государь наш вѣсти ег(о) не звал, а на подворіе к нему посылал кормы великіе и честь ему чинил, как есть пригож, а жалован(ь)я своег(о) Государь наш давал ему много“ (л. 310 об.—311 об.). Но Искиндер(ь) не унимался. и около того же времени Москва получила новое извѣстіе объ успѣхахъ грековъ въ лицѣ Скиндера разстроить столь желанный для русскихъ и столь ненавистный для грековъ союзъ русскихъ съ турками

„Лѣта 1525-го маія 20-го писали из Азова к Великому Князю с казаки с резаницы про крымскіе вѣсти, что посылал крымской Царь к турецкому Царю силы просит(ь), а хотел итти на Великог(о) Князя украины. И турецкой к нему послал воеводу своег(о) урюмского Магмет бек Михал улун, а с ним пятнатцат(ь) тысяч. Да из Азова ж писал к Великому Князю Иванко Королевской, что, как пришел Искиндер(ь) Сака из Крыма, и говорил Сат-Кирѣю Царю, что его Княз(ь) Великій не жаловал и ч(е)сти ему от Великог(о) Князя не было, да и с очей его сослал, и Царю, деи, отманскому даял. И Сат-Кирѣй Царь крымской с тѣми вѣстьми посылал посла ко отманскому, и отманский, деи, Царь дал, ему на пособ(ь) своих людей тритнат(ь) тысяч поити на Великог(о) Князя украины“ (л. 312—312 об.). Только случай разстроилъ эти планы, и этотъ походъ не состоялся. Вѣдъ эти событія и факты—первостепенной важности и значенія, и невольно приковываютъ къ себѣ наше вниманіе. Драматизмъ борьбы здѣсь достигаетъ своего особаго напряженія. Но греки ошибались въ своихъ ожиданіяхъ: московское правительство, несмотря на неслыханныя издѣвательства и обиды, не только не объявило войны туркамъ, но даже и не прервало дипломатическихъ сношеній съ Турціей,—живымъ символомъ вынужденнаго снесенія обидъ былъ третій пріѣздъ на Москву того же Искиндера, что, конечно, лишній разъ подтверждавало могущество греческой партии въ Царѣ-Городѣ. Тѣмъ не менѣе на Москвѣ не могли, разумѣется, остаться безучастными къ происходящему, и они, съ одной стороны, съ лихорадочной поспѣшностью увѣряютъ Султана въ своей готовности быть „въ дружбѣ и братствѣ“ съ нимъ и просятъ не вѣрить Скиндерию, а, съ другой, они обрушиваются въ безсильномъ гнѣвѣ на московскихъ грековъ. Но Юрія Малаго Траханиота къ этому времени въ живыхъ уже не было,—изъ остальныхъ же самымъ опаснымъ былъ идейно настроенный и не скрывавший этого, какъ мы знаемъ, Ир. Максимъ Грекъ. Вотъ почему, именно, въ этомъ—1525-омъ году онъ и подвергается опалѣ, заключенію и ради него въ апрѣлѣ и маѣ этого года устраиваются „многіе соборы“ Въ третій разъ Искиндеръ пріѣхалъ къ намъ въ декабрѣ 1526-го года. Теперь уже къ нему отнеслись съ полнымъ предовѣріемъ, и Великій Князь его позвалъ „къ рудѣ“ только тогда, когда убѣдился, что Искиндеръ названъ въ привезенной имъ отъ Султана грамотѣ—„посломъ“.

„И Княз(ь) Великій Саку Скиндера к рудѣ позвал, да и вѣсти его к себѣ позвал, а опосле стола послал за ним с медом Бабаку ж Митрофанова. И бил челом Скиндер(ь) Великому Князю, чтоб Княз(ь) Великій дал ему людей и ослободил ему купити, что потребная. И Княз(ь) Великій ему людей велѣл дати и ослободил ему товар купити. И явл Искиндер(ь) на Москвѣ до сентября лѣта 1527-го“ (уѣхалъ опѣ въ дѣйстви-

тельности только 10-го ноября) (л. 315 об.). На этот раз Искндеръ прѣзжалъ уже исключительно съ торговыми дѣлами. Съ этого его прѣзда начинается переломъ въ отношеніяхъ нашихъ къ туркамъ, — и окончательный: поддерживая торговля сношенія, турки отклоняютъ все попытки заставить ихъ заключить союзъ съ нами. Поэтому въ нашей грамотѣ, посланной съ Искндеремъ, нѣтъ уже и съ нашей стороны рѣчей о союзѣ. Ничего новаго не внесъ въ создавшіяся отношенія и прѣздъ съ торговыми дѣлами Андреяна грека, извѣстнаго намъ по Царю-Граду, — онъ прѣзжалъ въ 1529-мъ году. Въ томъ же году въ октябрѣ прѣхалъ снова на Москву Искндеръ (это былъ его четвертый прѣздъ). Хотя изъ присланныхъ грамотъ обнаружилось, что и на этотъ разъ Искндеръ послалъ только съ торговыми дѣлами, но теперь отношеніе къ нему опять переизмѣнилось; за нимъ явно ухаживали: ему давали большую свиту, при посѣщеніи двора ему устраивали встрѣчу, на отпускѣ великій князь самъ говорилъ съ нимъ. Преданные идеѣ союза и не будучи въ силахъ добровольно отъ нея отказаться, русскіе дипломаты дѣлали все возможное, чтобы хотя только какъ-нибудь окончательно не испортить отношенія съ турками. Но надвигавшіяся событія уже готовы были опрокинуть, и притомъ безповоротно, ихъ чаянія и надежды. „Ощущенный“ обратно къ Султану, Скиндеръ внезапно захворалъ у насъ и скончался въ 1529-мъ году (мѣсяць точно неизвѣстенъ, но во всякомъ случаѣ раньше декабря)

„И какъ Князь (ъ) Великій прѣхалъ на Москву, и Искндер (ъ) прислалъ хъ казначью, къ Петру къ Головину, что онъ боленъ добръ: „И Петръ бы прислалъ человѣка, а велѣи бы рухляд (ъ) Салтанову и мою переписать, нѣчто Вожия воля стаетца: меня в животѣ не стаетъ, — ино бы Салтанова рухляд (ъ) и моя не пропала“.

„И Князь (ъ) Великій велѣи Петру послати рухлядъ Салтанову переписать и пересмотрити Семена Дмитриева, сына Чяшикова да дѣяка Миккѣора Семенова. И они рухляд (ъ) смотрѣли и переписали. И после того Скиндера въ животѣ не стало“ (л. 326—326 об.). Представлялся исключительно благоприятный для московскихъ людей случай при перепискѣ рухляди искать Скиндеревыхъ грамотъ къ Султану, или такъ называемыхъ „списковъ“, содержаніе которыхъ должно было пролить свѣтъ на греческій заговоръ противъ союза русскихъ съ турками. Изъ похвалы Скиндера поссорить князя Василія съ Султаномъ и, наконецъ, изъ всего поведенія его во время отправленія имъ посольскихъ обязанностей русскіе давно могли заключить, что онъ шлетъ „живые“ списки, въ которыхъ должны были „живо“ освѣщаться дѣйствительные намѣренія и планы Великаго Князя по отношенію къ Турціи, что, какъ предполагали на Москвѣ, и служило препятствіемъ къ заключенію дѣйствительнаго союза со стороны Султана. И мы знаемъ, что москвичи не ошибались въ своихъ предположеніяхъ: то же самое, какъ мы знаемъ, обнаружилось на соборѣ 1531-го года и по отношенію къ Пр. Максиму Греку, которому поставили въ вину, какъ извѣстно, что онъ въ своихъ грамотахъ къ Султану „подымалъ“ его на русскую державу, т. е. тоже, очевидно, доказывалъ враждебность въ дѣйствительности Россіи по отношенію къ туркамъ, чѣмъ и запугивалъ, вѣроятно, Султана. Для переписыванія рухляди были посланы опытные люди; ловкие переписывальщики блестяще справились съ своей задачей, отыскавъ спрятанные въ рухляди „списки“, столь важные для московскаго правительства: „И въ той же рухляди нашли посла Скиндера списки“. Списки эти, какъ и предполагали, оказались „живыми“, что видно изъ грамоты, посланной къ Султану съ Темешемъ (помѣчена—1529-й годъ, декабрь), о смерти Скиндера и объ обыскѣ Скиндеревой рухляди и султановыхъ янычаръ; „списки“ эти, надо полагать, попали полностью въ руки нашихъ дьяковъ. Объ

этомъ въ нашихъ документахъ послѣ приведенія одного факта говорится: „И нынѣ рѣчи ищаша“.

„И коли смотрили у Искндера рухляди наши люди,—и в той рухляди списки Скиндеревы. И в тѣхъ спискахъ написал Скиндер(ъ) лживые слова. Ино твоихъ людей того дѣля обыскивали, чтобы нныхъ лживыхъ словъ не было“ (л. 328 об.). Этыхъ султановыхъ людей—янычанъ съ Москвы было уже рѣшили отпустить, но послѣ нахождения „списковъ“ рѣшили и ихъ обыскать, чтобы они съ собой не увезли чего-либо. „А князь(ъ) великій былъ янычанъ отпустил, которые были съ Скиндеромъ, а рухляд(ъ) имъ Салтанову давали,—и они не взяли. И Князь(ъ) Великій говорилъ з бояры: „Такіе рѣчи Скиндер(ъ) говорилъ да и писалъ, и онъ ибъчто будетъ какову грамоту послалъ къ Салтану съ тѣми янычанъ? Ино ихъ пригоже обыскати да и къ Салтану то в грамотѣ написать, чего дѣля ихъ велѣти обыскати“. И послалъ Князь(ъ) Великій янычанъ обыскивали дѣля своего Мен(ъ)шого Путятина, а велѣлъ ихъ обыскати. И велѣлъ ихъ поставити в Дорогобужѣ, а у нихъ велѣлъ быти в Дорогобужѣ для бережен(ъ)я Остане Андрѣеву, да Чюръ Руделеву. И приговорилъ Князь(ъ) Великій, что ему янычанъ отпустить, а Салтанова рухляд(ъ) отослати съ тѣми янычанъ и съ торговыми люд(ъ)ми, а къ Салтану послати своего человека з грамотою“ (л. 326 об.—327). Итакъ, обнаружилось документально, что Скиндеръ тоже „подымалъ“ Султана на Русь. Стало для всѣхъ понятно, что дѣло союза рухнуло благодаря проискамъ грековъ, съ одной стороны, и вѣдствіе страннаго, какъ казалось тогдашнимъ русскимъ людямъ, упорства турокъ, съ другой. Поэтому прежняя „любовь“ вытѣсняется въ сердцахъ русскихъ ненавистью. „И в той же рухляди наши после Скиндера списки и в тѣхъ спискахъ писано, что будто пришелъ колонникъ изъ Азова, а сказывалъ, что будто турецког(о) людей побилъ угорской корол(ъ). И Князь(ъ) Великій тому обрадовался и звонити велѣлъ“ (л. 326 об.). Послѣ этихъ событій бывшіе „союзники“ становятся, какъ мы видимъ, врагами. Наступалъ часъ расплаты съ виновниками крушенія плановъ первостепенной государственной важности для Московскаго государства—съ греками. Но обстоятельства дали имъ отсрочку. Необходимость вынуждала Московское правительство дѣйствовать съ особой осторожностью (что служить лишній разъ доказательствомъ, какое исключительное значеніе оно придавало дѣлу союза съ турками). Представлялась возможность испытать въ послѣдній разъ силу греческаго вліянія съ одной стороны и искренность Султана съ другой. Освѣдомленный о „лживости“ и неблаговидныхъ дѣйствіяхъ своего посла, Султанъ могъ бы еще, казалось, если бы искренно того желалъ, перейти отъ словъ къ дѣлу съ заключеніемъ союза. Нужно было поэтому выждать результата побѣдки служилого человека Великаго Князя, упоминаемаго Шемета, съ грамотой къ Султану о всемъ случившемся на Москвѣ. Обратио Шеметь вернулся къ Великому Князю въ октябрѣ 1530-го года съ султанской грамотой. Но надежды на „самого“ Султана не оправдались и на этотъ разъ несмотря на нарочитую пышность языка, грамота оказалась совершенно безсодержательной. Послѣднія иллюзіи должны были разсѣяться. Теперь окончательно настала часъ возмездія греческимъ патріотамъ за разбитыя чаянія и надежды. Скиндеръ къ этому времени уже умеръ, царгородскіе греки были недосыгаемы; поэтому подвергнуться расправѣ попрежнему могли только греки, жившіе на Москвѣ и всецѣло находившіеся во власти Московскаго правительства,—и среди нихъ, какъ было и въ 1525-мъ году, въ первую голову самый опасный въ дѣйствіи отношеніи—все тотъ же Пр. Максимъ Грекъ. Прологомъ этой историко-политической драмы служить соборъ на Максима Грека въ 1531-мъ году. Какъ-то содержаніе переписки Ма-

всѣма съ турецкими пашами и Султаномъ стало извѣстнымъ Московскому правительству. Можно думать, что онъ отправлялъ съ Скиндеремъ свои „живые списки“ и что они также попали въ руки нашихъ переписывальщиковъ? Какъ бы то ни было, — „списки“ и грамоты Максима очутились въ рукахъ его враговъ, — и они получили возможность уличить его на соборѣ, бросивъ ему въ лицо обвиненіе въ томъ, что онъ (вмѣстѣ съ Саввой) „несмотря на жалованье и щедрость великаго князя, посылалъ грамоты не только къ пашамъ, но и къ самому турецкому Султану, подымая его на Россію и что онъ вѣдалъ Искандеря Турекова посла „совѣты и похвалы, что хотѣлъ под(ъ)пматн (Искндеръ) турецкова царя на государя, великаго князя, и на всю его державу: „дагы, Максимъ, то вѣдалъ, а государю, великому князю, и бояромъ его не сказал“; при чемъ онъ говорилъ еще, что великій князь, „ратуя Казаль“, не можетъ сопротивляться туркамъ“¹⁾. Въ развигіе вины Максима на соборѣ „приводили его собственные слова, что Султанъ придетъ въ Россію, потому что онъ не любитъ родственниковъ греческихъ царей, и упрекали его въ томъ, что онъ обвинялъ великаго князя въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ относительно турокъ и крымцевъ“²⁾.

Максима осудили на соборѣ, но иначе и не могло быть, такъ какъ въ его лицѣ судили и расправлялись со всѣми греками, осуществлявшими большое политическое предпріятіе, — всю „греческую партію“, осмѣлившуюся стать съ своими національными интересами на дорогѣ къ осуществленію Московскимъ царствомъ идеи союза съ Турціей, за которую русскіе люди держались, какъ это мы видѣли, такъ судорожно — крѣпко, считая ее для себя жизненно необходимой, и которую они готовы были осуществить даже цѣною національнаго униженія.

Передъ нами прошелъ рядъ греческихъ патриотовъ, участниковъ описанной нами героической борьбы; изъ нихъ только Пр. Максиму самъ-другъ съ грекомъ же Саввой выпала въ этой борьбѣ особая доля запечатлѣть свое служеніе общему национальному дѣлу „подвигомъ страданія и мученичества“, что окружаетъ образъ его въ нашихъ глазахъ особымъ ореоломъ и онъ становится еще выше и свѣтлѣе, — особенно въ наше время, когда близится осуществленіе его завѣтовъ — пророчествъ Русскому царству, когда начинаютъ сбываться его политическія чаянія и надежды, когда насталотъ, наконецъ, долгожданные дни общаго греко-славянскаго воскресенія

Б. Дунаевъ.

1) „Судный списокъ“. Рукопись П. П. В. № 1597. лл. 38—39.

2) Ibidem.

Приложіе.

Документы Архива Министерства Иностранных Дѣлъ въ Москвѣ.

Изъ книги: «Турецкія дѣла № 1».

Лѣта 7231 (1522) мая 6 Пріѣхал к Великому Князю ис Крыма его татарин Елгози л. 206.
Токсубуевъ, а привез грамоту от Трет(ь)яка от Губина. А сказал Елгози Великому Князю,
что Трет(ь)яка Губина турецкой Цар(ь) отпустил на Крым. а с ним вмѣсте послал к
Великому Князю своего посла Скиндер(ь)-Саку; а от(ь)ѣхав их на поле близко украинны
Великого Князя. А се грамота к Великому Князю Трет(ь)яка Губина съ Елгозю: „Госу-
дарю Великому Князю Васил(1)ю Ивановичу всея Руси холощъ твой, Трет(ь)якъ Губин,
челом бѣг. Далъ Богъ, Государь, милосердіем Божиим да твоим Государевым здоровьем
пришли есмя, Государь, во Цар(ь)-Город поздорову за педѣлю до Покрова. А Сюлюмен
Салтана во Царь-Городѣ не было: ходил на уторского короля. А стоял под Бѣлымъ л. 206 об.
Городом». А мнѣ, Государь, велѣли Царя ждати во Царь-Городѣ, а ждал есми. Госу-
дарь, его мѣсяць. И как, Государь, пришел Сюлюмен Салтан во Цар(ь)-Город. и из.
Государь, у Царя был, и грамоту есми, Государь, твою и рѣчи донес, и дѣло есми
твое дѣлал по твоему Государеву наказу. Грамота твоя и рѣчи. Государь, ему любви,—
и меня, Государь, холопа твоего, жаловал. И послал, Государь, к тебѣ посла своего
Скиндеря-Саку. А меня, Государь, отпустил с ним вмѣсте. А из, Государь, отговарился,
чтобы насъ на Крым не отпущал. И Сюлюмен Салтан, Государ(ь), говорил мнѣ: „Поѣд(ь)
ты без великіе вазнобы, а то вѣдаю из“ А послу своему Скиндерю велѣл быти у Царя.
А говорити ему, чтоб(ы) проводников до Путивля дал: а не дасть проводников. и
Сюлюмен Салтан послу своему Скиндерю и мнѣ велѣл итти в Каѳу, а къ собѣ велѣл
голца прислати. А без своего вѣдома не велѣл итти. А пришли есмя, Государь, в
Перекоп(ь) после Рождества Христова || на пятый педѣле. А Царя, Государь, въ Перекопи л. 207.
нѣтъ: Цар(ь) въ Киркорѣ. И мы, Государь, пошли в Каѳу, и пришли есмя, Государь,
в Каѳу на всевдиной педѣле. И Скиндер(ь), Государь, ко Царю ѣздил в Киркор, а из,
Государь, его дождался в Каѳѣ. А из Каѳы есмя, Государь, пошли в другую педѣлю
по зборе. До Перекопи есмя, Государь, шли. И в Перекопи были мѣсяць. А Цар(ь).
Государь, был в Киркорѣ и как, Государь, пріѣхал Цар(ь) в Перекоп(ь), и нас отпустил
на вербной педѣле в среду из Перекопи. А послал, Государь, нас провожати князи
Кашума пагайског(о). А с послом Скиндерем царевых людей яничан и азаплян
пятна(д)цат(ь) человекъ, а его сем(ь) человекъ, а торговых людей царегородцких и
каѳинцовъ шестынатцатъ человекъ, а с ними и их люди, и всех три(д)цат(ь) человекъ.

л. 207 об. А Скиндер(ь). Государь, родом манкупецкихъ князей княз(ь), а смолода панцивал воду пашам.— потому зовут Сакою. А Тебѣ. Государю, холопъ твой челом бью⁶. || А се другая грамота Трет(ь)якова съ Елгозею ж

л. 208. „Государю Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Руси холоп твой. Трет(ь)якъ Губни, челом бѣет. Дал Богъ милосердіем Бож(і)имъ да твоимъ Государевымъ здоров(ь)емъ пришел. Государь, турецкой Цар(ь)? в Путивль да и мы вѣв поздорову после Велика дни на другой недѣле в четвергъ. Из Череконц. Государь, Цар(ь) нас отпустил. И наѣхали нас, Государь, татаровѣ человекъ съ пят(ь)сот на Оргачикъ, и яз. Государь, Кошума князя спросил, что то за люди, и князь Кошум сказал. „Идут на свое дѣло⁶. И яз. Государь, тобѣ. Государю, велѣл тому татарину Елгозѣ сказать А ко князю к Васил(і)ю Ивановичу семи о томъ послал грамоту, чтоб велѣл ся по украинамъ беречи, дан з с твоими Государевы воеводами обослася. А Цар(ь). Государь, послал к тобѣ гонца своего Девят Келдѣя,—а от царицъ и от салтанов и от князей и от мързѣ. И яз. Государь, послал списокъ имянь переписавши к діаку твоему к Мен(ь)шему || к Путигину с тѣм же татаринемъ съ Елгозею. А Девят Келдѣй мѣл. Государь, сказал, с чѣм х тобѣ ѣдет от Царя. Ино, Государь, тѣ ж рѣчи Василей Паумов тобѣ писал. А яз. Государь, велѣл тобѣ сказать тому ж Елгозѣ татарину. Да казаки, Государь, путивльскіе Ѡедко да Увар были вверху Ворьскла под Благимъ курганом, а не переѣзживали сакмы никакой, а поѣхали от Благово кургана после Велика (дня) на другой недѣле в понедѣл(ь)ник, а приѣхали в четвергъ въ Путивль. Да сказываетъ путивльскоій ж казак Ѡедко: был на Донцѣ. А сказывает,—видѣлся с казаком с азовскимъ с Куземкою, а видел татаръ человекъ з дватцат(ь), а поѣхали по Дону. А тобѣ. Государю, холопъ твой челом бью⁶.

л. 208 об. И Княз(ь) Великій послал встрѣчно к турецкому послу къ Скиндерю Ѡедора Григор(ь)ева сына ОѠонас(ь)ева, а велѣл ему с нимъ ѣхать || до Москвы и кормъ, ѣдучи по дорозе, давати. Да с Ѡедоромъ же послал Княз(ь) Великій къ Скиндерю кон(ь) да иноходецъ. Да встрѣтивъ его, Ѡедору велѣл Княз(ь) Великій от себя поклон правити и кон(ь) и иноходцы ивиги А велѣно ему молвити: „Великій Государь Василій, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ поклонитися. Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобя спросити, здорово ли еси дорогою ѣхал⁶ А иные рѣчи и о корму запис(ь) писали Ѡедору казначѣй Юрья Малой с

л. 209. товарыци. А къ Трет(ь)яку к Губину приказаа Княз(ь) Великій, || чтоб к нему поѣхал наперед посла. А сам Княз(ь) Великій пошел на свое дѣло на Коломцу. И маія 18 Трет(ь)якъ Губни на Коломцу к Великому Князю приѣхал, а привез отъ Царя к Великому Князю грамоту. А се грамота Салтанова с Трет(ь)якомъ

л. 209 об. „Силы находца Салим шах Салтанов сын, Сюамен шах Салтан Милостію Божіею яз. Великій Цар(ь) и великій намир. Салтан Сулейман Цар(ь), веѣмъ землямъ приморскимъ, и румскимъ, и караманскимъ, и нагазѣйскимъ, и романійскимъ, и перскимъ, и мисюрскимъ, и всеѣ аранской земли, и инымъ многимъ землямъ господиць Пишетъ высота царства ми веѣмъ почтенному Великому Князю Васил(і)ю, Государю московскому и болгарскому, и югорскому, и владимирскому, и русскій, и смоленскій, и пермь || скій, вяцкій, и инымъ многимъ землямъ Государю, моему пріятелию и сусѣду,—многое здравіе и весел(і)я благородствію ти. Также вѣдомо чинимъ, что послал к намъ благородстве твое любви и пріятелиства и тог(о) ради, что отца нашего столъ в руки намъ пришел и послати

б нам к тобѣ своего посла.— почтенную грамоту и человекѣа своего върнаг(о) и ближ-
 пет(о) именем Васил(ія). И добръ дойде до врат наших и грамоту донес и предасть
 в руки царству ми. И что было писано в грамоте, и наказанные рѣчи велѣл еси ему
 намъ говорити. И то учинил приятел(ь)ски благородствіе твое. И мы то похвалили и
 волю благородствія твоего приняли и приятел(ь)ство непоколебимо и дружбебно. И в се
 время да будет меж нас обѣма доброй живог и дружба; как было наперед сего при
 отцѣ нашем и при дѣде, так будет меж нас мцрѣ и любов(ь). И един другому на
 всякую потребу да будет. И торговым людем и всяким людем, торгом и всяким || л. 210.
 дѣлом посланным, ходити добровол(ь)но сухим путем и по морю без всяких зацѣпок и
 силы, и притги и отогти без всяких зацѣпок. А з Вож(ь)им хотѣшем и заповѣд(ь)ю
 пѣвому человекѣку торговцу нашему и вашему смертъ лучища, а товар у нег(о) оста-
 неща.—и тог(о) говару не двинути, какой товар ни буди, а переицав его и запеча-
 тав, положить дотоме, доколе тот товар выищется, а взяти меж обѣих нас на обѣ сто-
 роны нашим людем. А инако тог(о) не учинити. И на том бы крѣпко стоять и дер-
 жати тот реченный мир върно. И добръ так беречи и держати, чтоб один другою
 другу друг был, а недругу недруг¹⁾ был. И яз хочю по тому вел(ь)ми мир держати и на
 нем крѣпко стоять. И так хотим, чтоб и ты по тому ж стоял, и крѣпок был, и мир
 с нами держал и приятел(ь)ство. И по сему писан(і)ю быти нам обѣма по тому на
 обѣ стороны и крѣпко держати дружба”

Да еще писано в грамоте „Как до нас дойдег твой посол || с твоею грамотою, л. 210 об.
 и нам бы его к тобѣ отпустит(ь) по старому обычаю. И как твой посол к нам пришел
 и посол(ь)ство нам правды и наказанные рѣчи говорил, и мы у него посол(ь)ство выслу-
 шали и без всяког(о) законѣнія з Вож(ь)им хотѣшем и повелѣніем твоег(о) посла з
 благородствію твою отпустили. Также жедѣл еси, чтоб нам послати к тобѣ своего посла
 дружбы дѣля, и мы для твоег(о) жедѣл(ія) послали к тобѣ върног(о) своего слугу, раба
 царства моего, именем Скиндери о всѣх о тѣх дѣлах, которые в сѣх грамотах пи-
 саны.—с послом благородствія твоего заодно посол(ь)ским путем. И как придет до
 благородствія твоего, и ты б его выслушал и отправил без замоччан(ія) и отпустил
 его з добровол(ь)ством посол(ь)ским обычаем, чтоб здорово до нас дошел”.

А сказал Трет(ь)якъ Великому Князю, что Цар(ь) с Великим Князем хочет был(ь)
 в дружбѣ и в братствѣ || и послал к Великому Князю своего посла Скиндери. И как л. 211
 Скиндер(ь) приѣхал на Москву, и Княз(ь) Великій велѣл его на вешол(ь)е встрѣтити
 и приставом на Москвѣ у него быти Семену Сергѣеву сыну Левашова да Федору
 Гридину. А велѣл Семену поклон правити по тому ж, как вверху писано, и на по-
 двор(ь)е его поставити

Да приговорил Княз(ь) Великій з бояры, что у нег(о) турецкому послу Скиндерию
 быти на Колодег непригоже, а пригоже к нему послати, то ему сказать, что Княз(ь)
 Великій на своем дѣле,—ино ему у нег(о) быти несл(ь)зѣ. И он бы был на Москвѣ. И
 послал Княз(ь) Великій на Москву Федора Иванова сына Карпова да дѣака своего Мен(ь)-
 шего Путятина. А велѣл къ Скиндерию ѣхати на подвор(ь)е дѣаку своему Мен(ь)шому
 Путятину да с ним дворцовому дѣаку Гриде Захарову. И Мен(ь)шой Скиндерию говорила
 от Великог(о) Князя: || л. 211 об.

„Великій Государь Василей, Божією милостію един правый Государь всея Руси,
 и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл
 тобѣ говорити“: „Посылали емя к брату своему, к Сюлемен Салтану, своего сына

¹⁾ Въ рукописи: недругу

боярскаго(о) Василя(і)я Третяка Мпханлова сына отидати Сюлемен Салтана на о государствѣ отца его. И Сюлемен Салтан нашего сына боярскаго(о), Василя(і)я Михайлова, к нам отпустил, а с ним вмѣстѣ прислал к нам тебя, своего доброг(о) человекѣа. И мы нынѣ пошли на свое дѣло против своего недруга крымскаго(о), зан(е)же нам нынѣ крымской Цар(ь) учинился недругом. И тебѣ к нам нынѣ ѣхать несл(ь)зѣ. И ты ѡ нынѣ был на Москвѣ А как, оя дастъ Богъ, придем с своего дѣла на Москву, и мы тогда велим тебѣ у себя быти и очи свои видети^а. И как Мен(ь)шей рѣч(ь) от Великог(о) Князя туретцкому послу Искиндерию изговорил, и Искиндерь встав челом ударил.

л. 212. А говорил Искин || дер(ь): „Дай Богъ, здоров был здѣс(ь) Государь, Великій Государь, а там бы здоров был мой Государь. Сюлемен Салтан, и межн бы их Государей, дал Богъ, доброе дѣло дѣлалосѣ. А которые недрузи Великого Государя, и он бы с тѣми с своими недруги свое дѣло дѣлал так, как его милосердый Богъ похочет. И дал бы Богъ, его недрузи под ногами его были и головою в землю ударили. А другом бы своим Великій Государь го возвѣстия, кто будет его недрузи. И они с ним на тѣх его недругов заодинѣ. А Государь наш Сюлемен Салтан хочет быти с Великим Государем в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ свыше тог(о), как был отецъ его, Салим шах Салтан, с Великим Государем в дружбѣ и в братствѣ. И другу его хочет другом быти, а недругу недругом, и на всех его недругов хочет быти с ним заодинѣ А что Великій Государь пошел на свое дѣло, а мнѣ велѣл Государь побыти здѣс(ь) на Москвѣ,—ипо,

л. 212 об. дай Богъ, здоров был Государь и дѣлал свое дѣло, а мнѣ хоти будет тысяча || деп жити, и яз рад, том(ь)ко бы дал Богъ Государю свое дѣло с своим недругом подѣлати. А Государьское ко мнѣ жалован(ь)е велико, как ко мнѣ прислал Государь своего сына боярскаго(о) добра и для Государя моего велѣл мнѣ таково честь чинити: дорогою мнѣ Государьским здоров(ь)ем кормом доволенъ был. И здѣс есмь, как на Москву приѣхал, и Государьские урядники мнѣ также честь велику учинили и корму и шит(ь)я, дал Богъ, Государьскимъ здоров(ь)ем довол(ь)но^а.

И августа (?) Княз(ь) Великій с Коломны на Москву приѣхал. И велѣл турецкому послу Скиндерию быти на дворѣ А посылал Княз(ь) Великій по него приставов Семена Сергѣева, да Федора Григор(ь)ева сына Оюнас(ь)ева. А сам Княз(ь) Великій сидѣл в набережной полате, в комнате, а в передней полате сидѣли дѣти боярские. И как приѣхал

л. 213. (скиндер(ь) на дворѣ ||, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити у Благовѣщен(ь)я в паперги Шыгонѣ Поджогину да діаку Сумороку Путятину, да съ Шыгоною ж послать съ¹⁾ помпником Володимера Тораканова А как взошел отъ Благовѣщен(ь)я на крыльцо, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтит(ь) окол(ь)ничему своему Василю Яковлю сыну Захар(ь)ина да діаком Оюнас(ь)ю Куршцыну да Некрасу Харламову, а у дверей у сѣньных у набережные полаты велѣл его Княз(ь) Великій встрѣтити Михайлу Юр(ь)еву да діаком своим Ивану Телеснову да Мен(ь)шному Путятину И шол с нимъ к Великому Князю. И какъ Скиндер(ь) вшел в избу к Великому Князю, и явил его Великому Князю челомъ ударили Михайло Юр(ь)евъ. А сидѣл Княз(ь) Великій в набережной комнате. И Скиндер(ь) правил Великому Князю от Салтана поздравленіе И Князь Великій, с своего

л. 213 об. мѣста встав, вопро || сълъ Скиндеря. „Сюлемен Салтан по здорову ли?“ да звал Скиндеря к руцѣ И Скиндер(ь) пришел целовал Великог(о) Князя в руку, да отпед подал грамоту Салтанову. И Княз(ь) Великій велѣл ему сѣсти близко себя на скам(ь)ѣ, ближе тог(о), как иных государей послы садятся, да звал его к собѣ ѣсти И послѣдѣ велѣл ему ѣхать на княж(ь) Юр(ь)евъ двор Ивановича ждати стола А ѣл тогда Княз(ь) Великій

¹⁾ Въ рукописи „к“.

в средней полате. И как Скиндер(ь) пошел к столу, и Князь(ь) Великий велѣл его встрѣтити Васи(ь)ю Яковлю да дяку Ивану Телешову. И за столом велѣл противъ его себѣ Ивану Иванову сыну Волынского(о) да дяку Ивану Телешову. А опосле стола посылал Князь(ь) Великий Скиндеря на двор(ь)е потчивать Ивана Волынского(о) да с ним двѣтей боярскихъ пят(ь) человекъ. || А се грамота Салтанова (сѣ) Скиндерем л. 214.

„Силы находца Салим шах Салтанов сынъ, Сюлемен шах Салтан. Милостию Бож(и)ею яз, Великий Цар(ь) и сил(ь)ный Государь и великий амир, Салтан Сюлемен Цар(ь), всемъ землямъ приморскимъ, и румскимъ, и караманскимъ, и натагѣйскимъ, и ромашийскимъ, и перскимъ, и мисюрскій, и всей земли арапской, и инымъ многимъ землямъ господиць. Пишетъ высота царства ми всеми почтенному и всякой чести и славе достойному, нашему доброму приятелю и вѣрному сусѣду, Великому Князю Васи(и)ю, Государю всей земли московской, и югорской, и всей земли болгарской, и владимерской, и прусской, и всемъ восточнымъ землямъ господиць. — много ти здравіе и веселіе и любов(ь) благородствію твоему. Вѣдомо буди благородствію твоему, что в се время благородствіе твое любви и приятел(ь)ства ради || послал еси честный листъ и посла вѣрнаго(о) до л. 214 об. честныхъ вратъ царства моего. И тако еси жадал, наказал и писалъ свѣтлость благородства твоего, чтобъ намъ послали къ тобѣ своего посла вмѣсте с твоимъ посломъ. — также благородствіе твое съ нашимъ посломъ до насъ вѣрнаго своего посла онят(ь) пошлени путемъ приятел(ь)скимъ. Того ради яз, видевъ твое писан(и)е и хотѣше, приказъ и приятел(ь)ства ради послалъ еси к тобѣ вѣрнаго(о) мужа, раба царства моего, именемъ Скиндеря посол(ь)скимъ обычаемъ къ свѣтлости благородства твоего заедино с твоимъ посломъ. И з Божьимъ хотѣшемъ, какъ дойдетъ животомъ и здравнемъ до благородствіа твоего нашъ посолъ, реченный рабъ Скиндер(ь), да будетъ услышанъ и отсѣланъ, безъ закоспенія ко мнѣ отправленъ и посланъ. Тако жъ и другая грамота вѣрная и укрепленная послана съ посломъ высоты благородствіа твоего(о); животомъ и здравнемъ да видиши еѣ; такъ да будетъ знатна и увѣдана свѣтлости || благородствію твоему и милости. Писанъ 20 ноября мѣсяца л. 215. в славне и стол(ь)не Царѣ-Граде, в Станбуле, в Костянтинополѣ“. И опосле тог(о) Искиндер(ь) приказалъ приставу къ бояромъ: „Есть у меня грамота от Государя моего(о) к Великому Князю, да и рѣчи(и) за мною еси(ь)“.

И Князь(ь) Великий послалъ к нему на двор(ь)е дяковъ Мен(ь)шого Путятина да Труфанна Ил(ь)ина, а велѣлъ ему молвити: „Великий Государь Василей, Бож(и)ею милостию единъ правый Государь всея Руси, и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великий Князь(ь), велѣлъ тобѣ говорити“. „Приказывалъ еси с нашими приставами с Семеномъ с Сергѣевымъ и съ Ѳедоромъ з Григор(ь)евымъ к нашимъ бояромъ, что ещо имѣешь к намъ от Салтана грамоту и рѣчи нѣкоторые. И которые рѣчи имѣешь || к намъ от Салтана. л. 215 об. и ты тѣ рѣчи говори дякомъ нашимъ. И они тѣ рѣчи намъ скажутъ. Также которая у тебя к намъ от Салтана грамота, и ты ту грамоту дай дякомъ нашимъ“. И Искиндер(ь) грамоту далъ. А се грамота о Салтанове товаре:

„Силы находца Салим шах Салтанов сынъ, Сюлемен шах Салтан. Милостию Бож(и)ею яз, Великий Цар(ь) и сил(ь)ный Государь, и великий амир, Салтан Сюлемен Цар(ь), всемъ землямъ приморскимъ, и румскимъ, и натагѣйскимъ, и ромашийскимъ, и перскимъ, и арапскій, и мисюрскій, и инымъ многимъ землямъ господиць. Пишетъ высота царства моего всем(и) почтенному, и всякой чести и славе достойному, и Великому Князю Васи(и)ю, Государю земли московской, и югорской, и болгарской, и владимерскій, и смоленскій, и пермьскій, и перскій и инымъ многимъ землямъ Государю, || моему приятелю, л. 216. и доброму сусѣду. — много здравіе и весел(и)е благородствію твоему. Такъ вѣдомо чинимъ

благородствію твоему, что въ сіе время на надобной товар, которой нам пригож, послалъ рѣ(с)кол(ь)ко денегъ с своимъ посломъ Скиндеремъ, и тот(о) ради просимъ у благородствія твоего, чтобъ еси учинилъ добрѣ и пріятел(ь)ски и наказалъ бы еси своимъ людемъ, которой товар намъ пригож, и они б тот товар продавали нашему послу Скиндерию на наши потребы по цѣнѣ И человекъ бы еси своего на помоч(ь) тому товару далъ, на вѣрную цѣну нашему человекъу на тот товар, что еси ему наказали купити, чтобъ тот товар по нашему наказу искупленъ былъ и къ намъ посланъ.—а намъ то будетъ за честь. Такъ да знаетъ благородствіе твое. Писалъ⁶.

л. 216 об. А (п)осле грамоты рѣч(ь)ю говорилъ „Государь мой послалъ грамоту к брату своему и въ которыхъ для своихъ потребъ“, а словомъ говорилъ: || „Государь мой приказалъ собѣ и въ которой товаръ купити на свои потребы. И Государь б. Князь(ь) Великій, тот товаръ ослободилъ купити, да и человекъ бы далъ, кому тотъ товаръ указывать. Да пришелъ во Государя вашего землю Государя нашего купецъ. Да тот(о) купца здѣс(ь) в животоѣ не стало, а тамъ у него дѣтки мален(ь)ки осталис(ь), а товаръ его здѣс(ь) в казну взяли. И Государь бы пожаловалъ тѣхъ его дѣтокъ, велѣлъ бы тотъ товаръ намъ отдать⁶. Да Искиндер(ь) же говорилъ: „Посылалъ Государь вашъ к нашему Государю своего сына боярског(о) Васил(і)я Михайлова отвѣдати про Государя нашего на его государствѣ и хотя с нимъ быти в дружбѣ и в братствѣ. И Государь нашъ с Великимъ Государемъ хочетъ быти в крѣпкой дружбѣ и братствѣ и выше тот(о), какъ с нимъ былъ Салимъ шахъ (Салтанъ в дружбѣ и братствѣ. И похочетъ Великій Государь с нашимъ Государемъ быти въ крѣпкой

л. 217. дружбѣ и братствѣ, и Великій бы Государь послалъ || к нашему Государю своего доброго человекъ, кто б могъ межъ ихъ дружбу и братство крѣпко дѣлать и крѣпость учинити⁶. И дажи то, приѣхавъ, сказали Великому Князю. И Князь(ь) Великій послалъ к нему дьяковъ же, а велѣлъ ему молвити: „Мы з братомъ своимъ, Сюлеменъ Салтаномъ, хотимъ быти в крѣпкой дружбѣ и братствѣ. А, охъ дастъ Богъ, тобя к брату своему отпустимъ, а с тобою вмѣстѣ поидемъ къ брату своему своего доброг(о) человекъ⁶. Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: „Вѣдаешъ самъ, что Магмедъ Гирѣй Цар(ь) крымской учинился намъ недругомъ. И какъ мы тобя отпустимъ къ брату своему, к Сюлеменъ Салтану, да и своего человекъ к нему поидемъ.—и тобѣ куда мыслено итти: полемъ ли или Дономъ, или полемъ же на Азовъ?“

л. 217 об. И Искиндер(ь) говорилъ: „Государь мой послалъ меня || к Великому Государю, а велѣлъ мнѣ ѣхать на Крымъ, а приказалъ х крымскому Царю, чтобъ мнѣ учинилъ проводъ до Великог(о) Государя украинны. А нынѣ то вѣдаешъ Великій Государь, куда мѣня отпустит(ь). А моя мысль то, чтобъ Великій Государь отпустилъ мѣня Дономъ. Ино намъ да и его послу итти безстрашно Дономъ.“ И Князь(ь) Великій велѣлъ ему молвити дьякомъ же, „Какъ, охъ дастъ Богъ, учнемъ тобя к брату своему да и своего доброго человекъ к нему отпустить, и мы тогда тебѣ отпустимъ Дономъ. А какъ будетъ время, и мы с тобою о томъ велимъ говорити своимъ бояромъ“.

л. 218. И Искиндер(ь) говорилъ „То вел(ь)ми добро; какъ Великій Государь велитъ.—ино то его воля“ И опосле тот(о) Князь(ь) Великій поѣхалъ в об(ь)ѣздъ, в слободу. И какъ Князь(ь) Великій приѣхалъ из слободы, и Искиндер(ь) говорилъ || приставамъ: „Приѣхали ко мнѣ люди ис Каабы, а привезли от Салтана грамоту. И Государь бы вашъ велѣлъ мнѣ у себя быти или б Государь прислалъ, а велѣлъ грамоту взять⁶. И Князь(ь) Великій послалъ к нему на подвор(ь)сѣ дьяка своего Мен(ь)штег(о) Путятиня, а велѣлъ ему молвити: „Сказывалъ еси приставамъ, что Салтанъ прислалъ к тобѣ грамоту, а писана к намъ.—и ты дай Салтанову грамоту. А какъ будетъ время, и мы велимъ тобѣ у себя быти.“ И Искиндер(ь) грамоту далъ. А се грамота.

„Силы находца Салым шах Салтанов сыгъ. Сюземен шах Салтанъ. Милостно
Вож(1)ею яз. Великий Цар(ь) и сил(ь)ный Государь и великий амир, Салтан Сюлеймен
Цар(ь), всемъ землям приморским, и румским, и караманским, || и паталийским, и рома- л. 218 об.
нйским, и переким, и мисюрским, и всей арабской земли, и инымъ мноземъ госпо-
динь. Пшнеть высота царства моего всеми почтенному, и всякой чести и славы
достойному, нашему доброму приятелю, Великому Князю Васил(ю), Государю всей
земли московской, и югорской, и болгарской, и володимерской, и инымъ мноземъ землям
Государю,— много ли здравие и весел(1)е благородствю твоему. Паки въдомо даемъ
благородствю твоему, что въ се время таков до нас¹⁾ пришедъ къ царствю нашему
нашъ человекъ именемъ Аерхози. Тако намъ ся жаловал, что напередъ сего времени
пошелъ былъ одинъ рабъ именемъ²⁾ по миру, какъ есть межъ насъ торговымъ обычаемъ, по въре
и по обѣщанью. И понесъ с собою живота на сто тысячъ денегъ. И какъ пришелъ в
землю благородствя твоего, и онъ нашелъ единого(о) своего племянника съкладчика.

Тамо да тѣ ден(ь)ги у него оставил. || надѣяся по первому, какъ есть за время покойнаго л. 219.
отца моего, по пошлншъ и книгамъ. Тот(о) ради треба есть благородствю твоему, по
миру и по обѣщан(ь)ю помысливъ и увѣдавъ тот(о) реченног(о) раба, все ден(ь)ги и все(ь)
товаръ сюда (бы) ко мнѣ послалъ. А тот(о) дѣла и заказало послу благородствя твоего,
чтобъ то было учинено по старому закону,—нашему послу Скиндерию поручено. Тот(о)
ради молимъ и просимъ у тебя: какъ придетъ в тобѣ с нашимъ посломъ нашъ человекъ Сасаху
имянемъ, и ты б учинилъ добре и приятел(ь)ски по тому, какъ есть межъ насъ укрепленная
грамота. И помысливъ бы еси гѣмъ жо обычаемъ, и тому нашему человеку, которой
послалъ въ его мѣсто с нашимъ посломъ Скиндеремъ, велѣлъ дати тотъ товаръ и ден(ь)ги назадъ
подгѣвъ законнаго обычая по заповѣдемъ благородствя твоего, по тому ж, подобно, какъ
есть у честныхъ врагъ нашихъ, чтобъ гѣмъ не поменался пул(ь) приятел(ь)ски(й) посломъ межъ
насъ. Такъ въдай благородствю твоему Писалъ мѣсяца? Дала в мѣсто во Царѣ-Градѣ⁶. || л. 219 об.

Да говорилъ Искндер(ь) Мен(ь)шему, чтобъ Государь пожаловал, велѣлъ сказати,
кого ему своего посла послати къ Салтану II о(п)осле тот(о) декабря (?) Искндер(ь)
говорилъ приставомъ, чтобъ Государь велѣлъ ему очи свои видети.

И Княз(ь) Великий Искндерию велѣлъ быти на дворѣ декабря 14. И какъ Искндер(ь)
на дворъ прѣѣхалъ, и Княз(ь) Великий послалъ его встрѣтити Шыгону Поджогина да с
нимъ диаковъ своихъ Труѣана Шл(ь)ина да Володимера Тороканова. А велѣлъ его встрѣтити
на передней лѣвнице, на среднемъ дворѣ. И какъ Искндер(ь) взошелъ на верхнеѣ крыл(ь)цо,
и у дверей среднихъ сѣней встрѣтилъ его окол(ь)пичей Василей Яковличъ Захар(ь)ина
да діакъ Овопасей Курицынъ да Некрасъ Харламовъ. И какъ пришелъ изъ среднихъ сѣней || л. 220.
къ брусянымъ сѣнямъ, и Княз(ь) Великий велѣлъ его встрѣтити дворецкому своему Тѣер-
скому Михаилу Юр(ь)еву. Захар(ь)ина да диакомъ своимъ Елизару Цыплятеву да Мен(ь)-
шому Путятину и челомъ ударит(ь). И Скиндерию Великому Князю явилъ Михайло ж Юрьевъ.
И Княз(ь) Великий Искндерию велѣлъ съезди. И Искндер(ь) посидѣвъ подалъ Великому
Князю отъ Салтана грамоту о Маркѣ о Ѳрязине. И Княз(ь) Великий Искндерию велѣлъ
итти в набережную полату и послалъ к нему Ѳедора Карпова да Шыгону Поджогина
да диаковъ своихъ Мен(ь)шего Путятина да Труѣана Шл(ь)ина. А велѣлъ ему говорити:
„Привезъ еси к намъ грамоту отъ Салтана. А писалъ к намъ Салтанъ в своей грамоте, что
изъ его земли бѣжалъ человекъ с товаромъ в нашу землю. И по какой то человекъ? И
въдаси ли его в нашемъ государствѣ? И скол(ь) давно бѣжалъ в наши государства?“ || л. 220 об.

¹⁾ Въ рукописи. „донесъ“.

²⁾ Имя пропущено.

Искиндер(ь) говорил: „Был детина родом мордвинъ Да поймал товар многой у Государя нашего людей и пошел во Государя вангет(о) земли торговати, да назад не бывал. А сказывают его нынѣ въ мордвѣ. А как тот детина во Государя вангет(о) землю пошел, и тому уж лѣтъ с шестидцат(ь)“.

И бояре ему говорили: „Государьство великое. Ино Государю его как вѣдати? А пошлет Государь, велит тот(о) дѣтины пытати. И доищется ег(о), и тобѣ вѣдомо будет. А что еси говоришь, что здѣсь(ь) на Москвѣ Салтанова человекъ в животѣ не стало и нам бы тот его животъ велѣти отдати, и мы нынѣ тот его живот велѣли тобѣ отдати“.

Дал Скиндер(ь) жо говорилъ, чтоб Государь пожаловал, дал человекъ, кому товар купиши Салтану. И бояре ему говорили: „Кого собѣ помыслиши и знаеши у нас торговых людей, и мы тобѣ тот(о) велим дати“ || И бояре шед то сказали Великому Князю. И Князь(ь) Великій послал к нему бояр жо. А велѣл ему молвити: „А о иных о бол(ь)ших дѣлах, аж дася Богъ, о всѣх велим с тобою говорити и посла своего тобѣ скажем, кому с тобою ѣхати к Салтану“ А се грамота Салтанова, что подал Великому Князю Искиндер(ь) о Марке о Фрязинѣ.

„Милостию Божіею яз. Великій Цар(ь) и сил(ь)ный Государь и великій амир, Салтан Сюлемен Цар(ь), всем землям приморским, и румским, и карамапским, и нагалѣйским, и ромашійским, и перским, и мисюрской, и всей аралскоѣ земли, и иным многим землям господинъ. Пишет высота царства ми всеми почтенному Великому Князю Васил(у)ю, Государю славному всей земли московской, и болгарской, и югорскій, владимерскій, л. 221 об. и пермскій, и иным || многим землям вѣсточным Государь,—много здравіе и весел(і)е благородствю ти. Вѣдомо даем благородствю ти, что в се время пришел к нам нашъ человекъ именем Андроник. И жаловался нам, что преж сего времени зят(ь) его по няни Марко, врач, царства ми данщик, торгованя ради пришел в землю благородствя твоего,—и нынѣ есть там. И сказывает шурии его, что во Царѣ-Городѣ жена его и дѣти. И тог(о) ради шурия его Андроник послан с нашим послом с Скиндерем. И как придет к тебѣ посол наш Скиндер(ь) и грамоты тобѣ подасть, и ты б по завѣщан(ь)ю и по грамоте тог(о) нашего человекъ Марка к нам послал без всяког(о) задержан(і)я. Писал мѣсяца ноябрю в стол(ь)нѣ Царѣ-Градѣ“.

И генваря 18 велѣл Князь(ь) Великій Скиндерю быти на дворѣ. И как Скиндер(ь) на двор прѣехал, и встрѣча Скиндерю л. 222. была, как наперед тог(о) его встрѣчали. И какъ || Скиндер(ь) пришел к Великому Князю, и челом ударити Скиндеря явил Михайло Юр(ь)евъ. И на жалован(ь)е Скиндер(ь) был челом. Шо его явил Великому Князю Михайло ж Юр(ь)ев. И Князь Великій Скиндерю велѣл съест. И велѣл ему итти в набережную полату и послал к нему Федора Карпова да Шыгону Поджогица, да діакон Мен(ь)шег(о) Путятина, да Тришана Ил(ь)ина. А велѣл ему говорити. Федор говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостию единъ правый Государь всея Руси и иным многимъ землям вѣсточным и сѣверным Государь и Великій Князь(ь), велѣл тобѣ говорити“: „Прислал к нам с тобою брат нашъ, Сюлемен Салтан, свою грамоту. А писал к нам в своей грамоте да и с нашим посланником, с Трет(ь)яком з Губиным, писал к нам свою грамоту, что с нами хочет л. 222 об. быти в крѣпкой дружбѣ || и в братствѣ, а нам бы с ним также быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И мы с Сюлемен Салтаном в дружбе и в братствѣ хотим быти“.

Шыгона говорил: „Великій Государь Василей, Божіею милостию единъ правый Государь всея Руси и иным многимъ землям вѣсточным и сѣверным Государь и Великій Князь(ь), велѣл тобѣ говорити“: „И что с тобою к нам наказ от брата нашего Сюлемен Салтана? Как Сюлемен Салтан хочет быти с нами в дружбѣ и в братствѣ?“

И Искиндер(ь) говорил: „Со мною Государь мой, Сюлемен Салтан, послал к Великому Государю свою грамоту. И что писал в своей грамоте, и он по тому и хочет с Великим Государем быти в крѣпкой дружбѣ и в братствѣ. И хочет тог(о), чтоб люди межи их || ходили на обѣ стороны да и гости б ходили“. И Ѳедор ему говорил: „Скиндер(ь) у Государя пашег(о) в обычѣ, с которыми Государи Государь нашъ в дружбѣ и в братстве, ино меж их грамоты утверженны живут“. И Искиндер(ь) говорил: „Со мною, оприч(ь) грамоты к Великому Государю, от Салтана приказу иѣт. Государь ваш к Салтану с своим человѣком с Васил(1)ем о том не приказал. А приказал бы Государь ваш о том с своим человѣком, и Государь бы наш и со мною о том наказал“. И Ѳедор с товарищи говорил: „Государю нашему учинилас(ь) вѣсть, что брата его Салим шах Салтана в животѣ не стало, а на тѣх государьствѣх учинился Государем Сюлемен Салтан. И Государь наш послал своего человѣка о том доведатис(ь). А о том было Государю нашему еще как к Сюлемен Салтану || приказывати?“ И Искиндер(ь) гово- л. 223^а.
рил: „Да со мною о томъ приказу иѣт некоторого“ И бояре шед сказали то Великому Князю. И Князь(ь) Великій послал к нему опят(ь) Ѳедора с товарищи. И Ѳедоръ ему говорил: „Государь наш велѣл тобѣ говорити“: „Которые еси рѣчи говорил, и мы то слышели“. „И Государь наш велѣл тобѣ ѣхати на подвор(ь)е“.

И февраля 10 велѣл Князь(ь) Великій Скиндерю быти на дворѣ. И встрѣчи ему были по тому ж, как наперед того его встрѣчали. И как Скиндер(ь) к Великому Князю шел, и Князь(ь) Великій Скиндеря звал съести. А велѣл ему итти в набережную полату да выслал к нему Ѳедора Карпова да Шыгону Поджогина да діаков || своих Мен(ь)шег(о) л. 223^а.
Путятина да Трувана Ил(ь)ина. А велѣл ему говорити. Ѳедор говорил: „Великій Государь Василей, Бож(1)ею милостию единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям вѣсточными сѣверным Государь и Великій Князь(ь), велѣл тобѣ говорити“: „Писал к нам брат нашъ, Сюлемен Салтан, чтоб нам послати к нему своего посла, доброго своего человѣка. И мы с тобою вмѣсте посылаем к Сюлемен Салтану своего посла, ближнег(о) своего человѣка, Ивана Семеновича Морозова“. Шыгона говорил: „Великій Государь Василей, Бож(1)ею милостию един правый Государь всея Руси и иным многим землям вѣсточным и сѣверным Государь и Великій Князь(ь), велѣл тобѣ говорити“: „А как будет время, и мы тобѣ дсп(ь) скажем, как тобѣ || к Сюлемен Салтану ѣхати“. И ѣл л. 223^в об.
Скиндер(ь) того дни у Великого Князя. И после стола посылаел Князь(ь) Великій Скиндеря подчивати с медом князя Дмитрея княж(ь) Ѳедорова сына Палегцког(о). И марта 22 велѣл Князь(ь) Великій турецкому послу быти на дворѣ. И как прѣехал на двор, и стрѣтил его на средней лѣсницѣ ополу лѣсницы на крыл(ь)цѣ Иван Семенов сынъ Брюхова да Володимер Тороканов. И как взошел на переходы, ино его встрѣтил Василей Яковль да Ѳеонасей Курицын, да Некрас Харламов. А как пришли против бол(ь)шые полаты к углу, и тут его стрѣтил Михайло Юр(ь)евъ, Елизарей Цыплятев, Мен(ь)шей Путятин. И как вошел к Великому Князю, и явил его Великому Князю челом ударити Михайло Юр(ь)евъ И на жалован(ь)и бил челом. || А явил его Михайло ж. И л. 225.
Князь(ь) Великій велѣл ему съести. Да говорил ему Князь(ь) Великій сам:

„Скиндер(ь), привез еси нам грамоты от брата пашег(о) от Сюлемен Салтана и рѣчи еси нам от нег(о) говорил. И мы тѣ грамоты и рѣчи выслушали и отвѣт тебѣ тѣм рѣчем был“. Да встав Князь(ь) Великій съ его мѣста, молвил:

„Скиндер(ь), брату нашему, Сюлеменъ Салтану, от нас поклонися!“ Да звал его Князь(ь) Великій карашаватис(ь). И Искиндер(ь) цѣловал Великог(о) Князя в руку, да тог(о) дни его Князь Великій отпустил. А велѣл ему итти в набережную полату по-

- дождати бояр своих. И высылал к нему Ѳедора Иванова сына Карпова да діаков своих—Мен(ь)шег(о) Путятина да Некраса Харламова. И Ѳедоръ ему от Великого Князя
- л. 225 об. говорилъ: || „Великій Государь Василей, Божією милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тебѣ говорити“: „Прислал тебя брат нашъ, Сюлемен Салтан, и привез еси нам от Сюлемен Салтана грамоту. А писал к нам брат наш в своей грамоте, что с нами в дружбѣ и в братстве хочет быти, а нам бы также с ним быти в дружбѣ и в братстве. А словом еси нам от брата нашего, от Сюлемен Салтана, то ж говорил. И мы к тебѣ высылали своих бояръ. А велѣли тебя спросити, что тебѣ наказал брат нашъ, Сюлемен Салтан, как хочет с нами быти в дружбѣ и в братстве. И ты говорил нашим бояром, что с тобою к нам о том наказу нѣтъ никоторог(о). И мы нынѣ тебя къ брату своему отцушаем. А с тобою вмѣсте посылаем к брату своему, к Сюлемен Салтану,
- л. 226. своего посла, доброг(о) своего человекѣ, Ивана Семеновича Морозова. И какъ, || дастъ Богъ, будеш у брата нашег(о), у Сюлемен Салтана, и ты от нас брату нашему, Сюлемен Салтану, молви, чтоб брат нашъ был с нами в дружбѣ и в братстве и на всѣх бы недругов был с нами заодно. А мы с ним также хотим быти в дружбѣ и в братствѣ и на всѣх недругов хотим быти з братом своим заодно. А с послом с своим с Иваном к брату своему то ж приказываем. Да в обычае меж нас с иными Государями, с которыми учинимся в дружбѣ и в братствѣ,—ино меж нас грамоты шерстные живут да и правда меж нас ес(ть). И учинилис(ь) были есмѣ с отцемъ съ его, с Шалим шах Салтаном, в дружбѣ и в братствѣ, да и грамотам было шерстным промежи нас с ними быти. И Божія воля ссталася,—брата нашего в животѣ не стало. И то дѣло потому не ссталос(ь). Ино бы меж нас с Сюлемен Салтаном грамоты шерстные и правда была.
- л. 226 об. И послы б наши меж нас ходили на обѣ стороны, да и гости бы || ходили на обѣ стороны без всякѣ зацѣпки. И зауморцини бы на обѣ стороны не было. Божія воля сстанется,—которог(о) нашег(о) человекѣ въ животѣ не станет въ его государствах,—и брат бы нашъ тот товар велѣл переписать да, запечатав, положить дотолѣ, доколѣ от нас приѣдут о том товаре с нашею грамотою“. И Искиндер(ь) говорил: „Дастъ Богъ, будем у своег(о) Государя, у Сюлемен Салтана, и мы то своему Государю скажем“. Да Ѳедор ему говорил: „Говорил еси о Евархозинѣ рухляди, что от него бѣжал детина покрадчи во Государя нашего землю,—и Государь б тог(о) дѣтины велѣл доискатис(ь). Государь наш велѣл тебѣ говорити“: „Ино уже тому семна(д)цат(ь) лѣт, как он, сказываш, бѣжал. Ино в тѣ лѣта может человекъ жив быти, а может и не быти. А в
- л. 227. мордву есмѣ || посылали о том детинѣ доведыватис(ь). И в нашем государствѣ того детины не могли допытатис(ь)“. Да тог(о) дни Князь Великій Скиндеря и отпустил марта 29 день. А се отвѣт Салтанову послу Искиндерю. Отвѣт Великого Государя Васил(і)я, Божією Милостію Государя всея Руси и Великог(о) Государя, Великог(о) Государя Сюлемен Салтанову послу Скиндерю. Великій Государь Василей, Божією милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тебѣ говорити: „Присылал к нам Великій Государь,
- л. 227 об. брат нашъ, Сюлемен Салтан, тебя своего посла Скиндеря. И подал еси || нам от брата нашег(о) грамоту. А в грамоте в своей писал к нам брат нашъ, что с нами въ дружбѣ и в братстве и в любви хочет быти и на всѣх недругов хочет быти с нами заодно, а нам бы также с ним быти в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы нам недругов с ним быти заодно. И послы б наши меж нас на обѣ стороны ходили, и люди наши ѣздили нашего здоров(ь)я видети, да и гости б на обѣ стороны ходили

без всякіе силы и зацѣпки“ Государь нашъ велѣл тобѣ говорити: „И мы к тобѣ послали бояр своих, а велѣли тобѣ говорити: ест(ь) ли тобѣ от брата нашего, от Сюлемен Салтана, наказ, как с нами брат нашъ, Сюлемен Салтан, хочет быти в дружбѣ и в братстве и в любви? И ты говориши бояром нашим, что тобѣ от Сюлемен Салтана о том наказу иѣтъ никоторого“. ||

л. 228.

Государь нашъ велѣл тобѣ говорити: „И мы наперед сего к брату своему, к отцу къ его, к Салим шаг Салтану, посылали своего посла о том, чтоб с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы недругов был с нами заодною, да и грамоты бы межи нас о дружбѣ и о братстве были. А мы з братом с своимъ также хотим в крѣпкой дружбѣ и в братстве и в любви быти. И брат нашъ, Салим шаг Салтан, нашего посла к намъ отпустил, а приказал к нам, что с нами в дружбѣ и в братстве в крѣпкой хочет быти и грамотам было шертным о дружбѣ и о братствѣ межи насъ с ним быти и посылает к нам своего посла, доброт(о) своег(о) человек(а). Да посла своего к нам не успѣл послати. И то дѣло межи нас не ссталос(я) тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля ссталас(я),—брата нашего, Салим шаг Салтана, в животѣ не стало“. || Государь нашъ велѣл

л. 228 об.

тобѣ говорити: „И ты от нас молви брату нашему, Великому Государю Сюлемен Салтану. А и с послом с своимъ, с Иваном, о том к нему приказываем жо, что с ним в дружбѣ и в братстве и в любви хотим быти и на всѣх недругов хотим с ним быти заодною. А брат бы наш, Сюлемен Салтан, также с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на всѣх бы недругов был с нами заодною. А с которыми есм(я) с Великими Государи с своею брат(и)ею в дружбе и в братствѣ, ино межи нас грамоты шертные о дружбѣ и о братствѣ и правда межи нас есть. И межи б нас с ним также грамоты шертные были о дружбѣ и о братстве, и правда бы межи нас была, и люди б наши межи нас на обѣ стороны ѣздили и послы ходили нашего здоров(ь)я видеги“. Государь

л. 229.

нашъ велѣл тобѣ говорити. „Да и гости б || наши также на обѣ стороны ходили без всякіе зацѣпки и пошлин бы лишних и силы над нашими гост(ь)ми некоторые не было, оприч(ь) тѣх пошлин, которые въ его землѣ пошлины из старины. А над которым гостем Бож(ь)я воля сстанетца,—в животѣ его не станет, и брат бы наш в животы вступагис(ь) не велѣл“. Государь нашъ велѣл тобѣ говорити: „А которые брата нашего гости из его земел(ь) придут к нам в наши государства, и тѣм гостем в наших государствах силы и лишних пошлин некоторых также не будет. А которого гостя, Бож(ь)я воля сстанетца, в животѣ его не станет в наших государствах, и мы также своим пошлинникомъ зауморции имати не велим“. || А се посол(ь)ств(о) к Сюлемен Салтану с Иваном Семеновым сыном Брюхова. Говорити от Великого Государя Васил(и)я, Бож(и)ею милостию Государя всея Руси и Великого Князя, Великому Государю, Сюлемен Салтану, Ивану Семесову сыну Морозова.

л. 229 об.

„Великій Государь Василей, Божіею милостию единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Князь(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, болгарскій и иных, тебѣ, Великому Государю, Сюлемен Салтану, Государю костаптинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и паталѣйскому, и римскому, и карамацкому, и румескому и иных земел(ь) Государю, велѣл поклонитис(ь). || Великій Государь велѣл твое здоров(ь)е видети“. А опосле поминков грамота вѣрющая подати. „Богъ нашъ Троица, иже прежде в вѣкъ сый и нынѣ есть Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Великій Государь Василей, Божіею милостию единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточнымъ и сѣверным Государь и Великій Князь(ь) володимерскій,

л. 230.

московскій, поугородскій, псковскій, смоленскій, тверскій, югорскій, пермьскій, вятчскій, болгарскій и иных, Сулемень шах Салтану, Государю костьянтинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и патагѣйскому, и римьскому, и караманскому, и румскому, и иных земель(ь) Государю и брату и доброму пріятелю.

- л. 230 об. Послали есмь к тебѣ своего ближнест(о) человекѣ Ивана || Семеновича Морозова. И что тебѣ от нас учнет говорити, и ты б ему вѣрил,—то есть наши рѣчи. А как, ож дастъ Богъ, учнешь к намъ отпущати нашего посла, да и своего посла с нимъ вмѣсте, и ты б нашего посла, да и своего посла велѣл проводить до нашия украины, чтобъ, как далъ Богъ, нашъ посол и твой посол здорово к намъ доѣхали. Писанъ в нашемъ государствѣ, в нашемъ градѣ Москвѣ лѣт(а) 43(а) 1523 апрѣля“. А опосле грамоты рѣч(ь) говорити: „Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостію единъ правый Государь всея Руси и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и сѣвернымъ Государь и Великій Князь(ь), велѣл тебѣ говорити“: „Присылалъ еси к намъ своего посла Скиндеря князя. И подалъ намъ отъ тебя твою грамоту. А в грамоте в своей к намъ писалъ еси, что с нами в дружбѣ и в братствѣ и в любви хочешъ быти, а намъ бы также с тобою быти в дружбѣ и в братствѣ и в любви || ви. И послы б наши межъ насъ на обѣ стороны ходили и люди наши ѣздили нашего здоров(ь)я видети, да и гости б на обѣ стороны ходили безъ всякіе силы и зацѣпки“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „И мы напередъ сего к брату к своему, к отцу твоему, к Салимъ шахъ Салтану, посылали своего посла о томъ, чтобъ с нами былъ в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣхъ бы недруговъ былъ с нами заодно, да и грамоты бы межъ насъ о дружбѣ и о братствѣ были, а мы з братомъ своимъ также хотимъ в крѣпкой дружбѣ и братствѣ и в любви быти. И братъ нашъ, Салимъ шахъ Салтанъ, нашего посла к намъ отпустилъ, а приказалъ к намъ, что с нами в дружбѣ и в братствѣ в крѣпкой хочетъ быти и грамотамъ было шерстнымъ о дружбѣ || и о братствѣ межъ насъ с нимъ быти, и посылаетъ к намъ своего посла, доброго человекѣ. Да посла своего к намъ не успѣлъ послати. И то дѣло межъ насъ не ссталос(ь) тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля ссталас(ь),—брата нашего, отца твоего, Салимъ шахъ Салтана, в животѣ не стало“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „И мы нынѣ с тобою, з братомъ с своимъ, Сулеменъ Салтаномъ, в дружбѣ и в братствѣ и в любви хотимъ быти, и на всѣхъ недруговъ хотимъ с тобою быти заодно. А ты б также с нами былъ в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣхъ бы еси недруговъ былъ с нами заодно. А с которыми есмь с Великими Государями с своею брат(і)ею в дружбѣ и в братствѣ,—ино межъ насъ грамоты шерстные о дружбѣ и о братствѣ, и правда межъ насъ есть. И межъ бы насъ с тобою также грамоты шерстные были о дружбѣ и о братствѣ. И правда бы межъ насъ была, и люди бы наши || межъ насъ на обѣ стороны ѣздили, и послы ходили нашего здоров(ь)я видети“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „Да и гости бы межъ насъ также на обѣ стороны ходили безо всякіе зацѣпки и пошлинъ бы лишнихъ и силы надъ нашими гост(ь)ми и некоторые не было, оприч(ь) тѣхъ пошлинъ, которые въ твоей землѣ пошлины из старины. А надъ которымъ гостемъ Божія воля сстанется, в животѣ его не станетъ,—и ты б в животы вступатис(ь) не велѣл, а велѣл бы еси тотъ животъ переписатьи да запечатати. Да кто от насъ к тебѣ пріѣдетъ с нашею грамотою, и ты б тотъ животъ велѣлъ нашему человекѣку отдати“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „А которые твои гости из твоихъ земель(ь) придутъ к намъ в нашия государства, и твоимъ гостемъ в нашихъ государствахъ, —и мы также своимъ пошлинникомъ заумориции имати не велимъ. Велимъ ту ружалди переписатьи
- л. 231 об. дружбѣ и в братствѣ и в любви || ви. И послы б наши межъ насъ на обѣ стороны ходили и люди наши ѣздили нашего здоров(ь)я видети, да и гости б на обѣ стороны ходили безъ всякіе силы и зацѣпки“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „И мы напередъ сего к брату к своему, к отцу твоему, к Салимъ шахъ Салтану, посылали своего посла о томъ, чтобъ с нами былъ в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣхъ бы недруговъ былъ с нами заодно, да и грамоты бы межъ насъ о дружбѣ и о братствѣ были, а мы з братомъ своимъ также хотимъ в крѣпкой дружбѣ и братствѣ и в любви быти. И братъ нашъ, Салимъ шахъ Салтанъ, нашего посла к намъ отпустилъ, а приказалъ к намъ, что с нами в дружбѣ и в братствѣ в крѣпкой хочетъ быти и грамотамъ было шерстнымъ о дружбѣ || и о братствѣ межъ насъ с нимъ быти, и посылаетъ к намъ своего посла, доброго человекѣ. Да посла своего к намъ не успѣлъ послати. И то дѣло межъ насъ не ссталос(ь) тог(о) дѣля, что Бож(ь)я воля ссталас(ь),—брата нашего, отца твоего, Салимъ шахъ Салтана, в животѣ не стало“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „И мы нынѣ с тобою, з братомъ с своимъ, Сулеменъ Салтаномъ, в дружбѣ и в братствѣ и в любви хотимъ быти, и на всѣхъ недруговъ хотимъ с тобою быти заодно. А ты б также с нами былъ в дружбѣ и в братствѣ и в любви, и на всѣхъ бы еси недруговъ былъ с нами заодно. А с которыми есмь с Великими Государями с своею брат(і)ею в дружбѣ и в братствѣ,—ино межъ насъ грамоты шерстные о дружбѣ и о братствѣ, и правда межъ насъ есть. И межъ бы насъ с тобою также грамоты шерстные были о дружбѣ и о братствѣ. И правда бы межъ насъ была, и люди бы наши || межъ насъ на обѣ стороны ѣздили, и послы ходили нашего здоров(ь)я видети“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „Да и гости бы межъ насъ также на обѣ стороны ходили безо всякіе зацѣпки и пошлинъ бы лишнихъ и силы надъ нашими гост(ь)ми и некоторые не было, оприч(ь) тѣхъ пошлинъ, которые въ твоей землѣ пошлины из старины. А надъ которымъ гостемъ Божія воля сстанется, в животѣ его не станетъ,—и ты б в животы вступатис(ь) не велѣл, а велѣл бы еси тотъ животъ переписатьи да запечатати. Да кто от насъ к тебѣ пріѣдетъ с нашею грамотою, и ты б тотъ животъ велѣлъ нашему человекѣку отдати“. Государь нашъ велѣл тебѣ говорити: „А которые твои гости из твоихъ земель(ь) придутъ к намъ в нашия государства, и твоимъ гостемъ в нашихъ государствахъ, —и мы также своимъ пошлинникомъ заумориции имати не велимъ. Велимъ ту ружалди переписатьи
- л. 232 об. силы и лишнихъ пошлинъ некоторыхъ нѣтъ нынѣ, || также и впередъ не будетъ. А которог(о) гостя, Божія воля сстанется, в животѣ его не станетъ в нашихъ государствахъ,—и мы также своимъ пошлинникомъ заумориции имати не велимъ. Велимъ ту ружалди переписатьи

да запечатати. Да кто к нам от тебя прїдет с твоею грамотою,—и мы ту рухляд(ь) велим твоему человекѣ отдади“. Да как, дастъ Богъ, Иванъ будетъ у Салтана и рѣчи изговоритъ по записи, и ему тог(о) дни себѣ рѣчи Салтану не говориши. А нѣчто иног(о) дни которог(о) велитъ Ивану Салтану у себя быти и будетъ л(ь)зѣ,—и Ивану ся рѣч(ь) Салтану говорити. А нед(ь)зѣ будетъ Салтану молвити, ино нашимъ дати запис(ь), чтобъ до Салтана донесли. А не лучише ему у Салтана быти, а велитъ Ивану на дворѣ быти для Великог(о) Князя дѣла, || —и Ивану нашимъ себѣ рѣчи дати списокъ, чтобъ до Салтана л. 233. донесли. Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: „Которые наши украинные люди ходятъ по украинѣ свои ужожаи, а иныхъ нашихъ людей украинные наши намѣстники посылаютъ отвѣдывати людей на поле: пѣчто которые люди нашего недруга похотятъ притти на наши украинные мѣста и лихо похотятъ учинити, и они бѣ безвѣстно не пришли,—и твои казаки азовские нашихъ людей имаютъ на поле, да водятъ в Азов, да ихъ продаютъ, а емлютъ с нихъ окупы великіе. И лиха нашимъ людямъ от твоихъ казаковъ азовскихъ много чиниша. А мы своимъ людямъ заказали, чтобъ наши люди твоимъ людямъ лиха никоторог(о) не чинили“. Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: „И ты бѣ в Азовъ приказалъ своимъ приказчикомъ, чтобъ тог(о) берегли накрѣпко, чтобъ твои казаки азовские нашимъ || л. 233 об. никоторог(о) не чинили и ихъ бы не имали. А которой нашъ человекъ попадетъ в руки твоимъ казакомъ, и твои бы приказчики нашихъ людей у твоихъ казаковъ имали да к намъ отпущали безъ всякіе зацѣпки, и окупу бы с нихъ не имали“. Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: „Бож(ь)я воля ссталас(ь): в нашей землѣ твоего гостя Еварбердѣя в животѣ не стало. И мы тог(о) гостя товаръ велѣли переписать и запечатати. И какъ к намъ от тебя пришелъ твой посолъ Скиндер(ь), и мы тотъ товаръ Еварбердѣевъ велѣли вес(ь) отдади твоему послу Скиндерю“. Государь нашъ велѣлъ тобѣ говорити: „А в твоей землѣ не стало нашег(о) гостя Семена Андрѣева сына Хозникова. И твои приказчики, товаръ его собравъ и переписавъ, запечатали. И нынѣ тотъ товаръ у твоихъ приказчиковъ. А нынѣ посылали есмь к тобѣ з грамотою своего человекѣ Ивашка || л. 234. Лазарева. И Божіа воля ссталас(ь),—тог(о) нашег(о) человекѣ Ивашка в твоей землѣ, в Каѣѣ, в животѣ не стало. И приказчики твои тотъ его животъ также собравъ и переписавъ запечатали. И нынѣ поѣхалъ с нашимъ посломъ с Иваномъ Семеновъ сынъ Хозниковъ Васюк. И ты бѣ тотъ Семеновъ товаръ велѣлъ дати сыну его Васюку. А Ивашковъ бы еси животъ Лазарева велѣлъ дати нашему послу Ивану. Да и иныхъ которыхъ будетъ нашихъ людей не стало в твоей землѣ, а животы ихъ переписаны и запечатаны у твоихъ приказчиковъ,—и ты бѣ также тѣхъ нашихъ людей животы велѣлъ отдади послу нашему Ивану“. А се такова дана память(ь) бол(ь)шая Ивану Семенову сыну Морозова.

Памят(ь) Ивану Семенову сыну Морозова. „Какъ, ож дастъ Богъ, прїдетъ в Азовъ и нѣчто в Азовѣ || похотятъ у Ивана пошлины съ его рухляди имати, и Ивану пошлины л. 234 об. никакъ не давати. А говорити ему Скиндерю: „Скиндер(ь), былъ ты у Государя нашего, и от Государя нашего тобѣ жалован(ь)е великое было. А тог(о) есмь не слышали, чтобъ Государь нашъ с твоей рухляди пошлину имати велѣлъ. А вѣдаешъ, что во всѣхъ земляхъ з гостей пошлину емлютъ, а с пословъ пошлины нигдѣ не емлютъ. И нынѣ на мнѣ в Азовѣ пошлины хотятъ имати. И коли на послѣхъ пошлина имати, ино посломъ впередъ какъ ходити?“. Да о томъ говорити накрѣпко по Великог(о) Князя наказу. А пошлины Ивану с своей рухляди однолично никакъ не давати. А какъ, дастъ Богъ, прїдетъ Иванъ в Азовъ, и Ивану к Великому Князю часа тог(о) отпустити с тѣхъ казаковъ, которые его проводятъ с Васил(и)емъ с Верхѣдеревскимъ, кол(ь)кихъ пригожъ, а не изъ с тѣхъ, которые с Иваномъ станицы посланы. И велѣно ихъ оставити в Азовѣ и в Каѣѣ || и которыхъ Ивану л. 235.

л. 235 об. взяти с собою во Цар(ь)-Город. А отписати ему к Великому Князю о всѣх о тамошних дѣлах подлинно, — что слух¹⁾, гдѣ нынѣ Сюлемен Салтан, — во Царѣ ли Городѣ, или будет куды пошел? И будет пошел, и он куды пошел? И лѣтос(ь) ходил на Родос, — и онъ Родос взял ли, или не взял? И будет Родоса не взял, и он которым обычаем от Родоса отшол? А будет взял, ино и нынѣ ли въ нем его люди? Да и про крымског(о) ему отписати, гдѣ нынѣ крымской, — въ Перекопи ли, или будет куды пошел? И будет пошел, и он куды пошел, и скол(ь) давно пошел? И о всѣх ему о тамошних дѣлах, что услышеть, отписати к Великому Князю подлинно. А пытати о тамошних вѣстех Ивану не приказных людей. Кто что ему скажет (из) сторонних людей, и ему то писати. А приказных ему людей не пытати, — а кто что молвит, ино то написати ж. А нѣчто каковы будут у Ивана вѣсти на Дону, — еще он и не дойдет до Азова, про крымског(о) Царя || или про иное про что ни буди, и Ивану отголе с тою вѣстью к Великому Князю воротити назад, кол(ь)ких пригож, не тѣх же, которые их провожают, а не тѣх, которые с ним в станицах посланы. А отписати ему к Великому Князю о всем подлинно, что у них будут вѣсти.

л. 236. А как, аж дастъ Богъ, приѣдут в Каю и нѣчто в Каю также похотят на Иванѣ пошпины имати съ его рухляди, и Ивану говорити Скиндерию то ж по Великог(о) Князя наказу, что во всѣх землях с послов пошпины нѣт, да пошпины ему однолично никак не давати. А нѣчто во Царѣ-Городѣ похотят пошпину имати, и Ивану посылати о том к пашам, а велѣти о том говорити, чтоб пошпины имати не велѣли, да то ж говорити, что во всѣх землях с послов пошпины нѣт. А нынѣ (де) был || посол Государя вашег(о) у Государя нашег(о), — ино с нег(о) пошпины Государь наш не велѣл жо имати. Да и вперед на послѣх пошпины не будет. Ано и не посол был у Государя нашего чело- вѣк Салтанов Андрѣй, а была с ним грамота Салтанова, и Государь наш и с того пошпины имати не велѣл. Да пошпины однолично не давати, а говорити о том по Великог(о) Князя наказу.

л. 236 об. А как, аж дастъ Богъ, придет Иван во Цар(ь)-Город и как Ивану велит Сюлемен Салтан итти к собѣ, и Ивану тогда итти къ Сулемен Салтану. И пришед к Сюлемен Салтану от Великог(о) Князя поклон правити и грамота подати, и поминки подати по записи, и рѣчи говорити по записи ж по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто пришлют по Ивана паша, а велят ему быти у себя на подвор(ь)е и рѣчи собѣ велят говорити наказные Великог(о) Князя к Салтану, || и Ивану к пашам на подвор(ь)е никак не итти и речей не говорити. А говорити Ивану: „Меня Государь мой послал к Сулемен Салтану и рѣчи мнѣ велѣл говорити брату своему, Сюлемен Салтану. И мнѣ к вам на подвор(ь)е чего дѣля итти? Велит мнѣ Салтан у себя быти, и яз ему от своего Государя и рѣчи говорю, а вам мнѣ рѣчи Государя своего как говорити? А был посол Государя вашег(о) у Государя нашего — Скиндер(ь), и он грамоты подал и рѣчи говорил самому Государю, а бояром своим Государь наш не велѣл у нег(о) рѣчей слушати. Сам Государь рѣчи его слушал“. Да говорити о том Ивану по Великог(о) Князя наказу, а к пашам на подвор(ь)е однолично не итти и речей им наказных Великог(о) Князя никак не говорити. А как Иван у Салтана будет и велит ему Салтан итти в другую хоромину, да вышлет к нему паш, а велит пашам рѣчи выслушати у Ивана, и Ивану тогда пашам рѣчи говорити. || А нѣчто, не быв у Салтана, велят ему паша собѣ рѣч(и) говорити и не взможет тог(о) Иван отговорити, чтоб ему пашам посол(ь)ства наперед

¹⁾ Въ рукописи: „слуг“.

Салтана не говорити, и Ивану пашам дати список с посол(ь)ства на Салтановъ ж дворѣ, опричь поклона и грамоты. Поклона ему пашам не говорити ни грамоты не дати. А рѣч(ь)ю пашам посол(ь)ства не говорити,—дати им список. А велит Салтан Ивану быти у себя, и Ивану к Сулемен Салтану итти, и поклон правити, и поминки подати по записи, и вѣрющая грамота подати, и рѣчи говорити по записи ж по Великог(о) Князя наказу. А поклон Ивану и посол(ь)ство правити Салтану стоя, а на колѣни не садитис(ь), а к пашам Ивану по подвор(ь)емъ никак не ходити. А как будет Иван у Салтана и опосле тог(о) нѣ || что прикажут к Ивану пашы, а велят ему с собою видетис(ь) о л. 237 об. Великог(о) Князя дѣле на Салтановъ дворѣ, и Ивану с пашами видетис(ь) на Сулемен Салтановъ дворѣ, а по подвор(ь)ем Ивану к пашам никак не ходити,—опричь тог(о), нѣчто которой паша позовет его к себѣ ѣсти, да и почтити его похочет, и Ивану к тому пашѣ ѣхати ѣсти

А в которую пору Иван будет у Сулемен Салтана, а в ту пору у нег(о) будут послы от крымског(о), или от угорског(о), или от литовског(о), или от иных Государей, от ког(о) ни буди,—и Ивану с послом к Салтану ни с которым вмѣсте никак не ходити, да ни индѣ нигдѣ с ними ни пити ни ѣсти не сходитися, опричь тог(о),—нѣчто которой посол похочет с ним видетис(ь) о Великог(о) Князя дѣле, и Ивану велѣти ему быти у себя на подвор(ь)е да с ним видетис(ь), или на поле выѣхати да с ним видетис(ь) и о дѣле Великого || Князя говорити. А индѣ Ивану с ними нигдѣ не видетис(ь) и на подвор(ь)е к ним не ѣхати. А хоти и Сулемен Салтан велит ему у себя быти с которым послом вмѣсте,—и Ивану к Салтану с послом ни с которым никак не ходити. А отговариватися о том по Великог(о) Князя наказу. А приѣдет Иван во Цар(ь)-Город, а Салтана во Царѣ-Городѣ не будет, а гдѣ будет индѣ,—в своем ли городѣ, или будет куды пошел на свое дѣло, и велит Ивану итти к Салтану из Царя-Города Салтана наѣзжати,—и Ивану тогда ѣхати к Салтану, гдѣ он будет. А нѣчто пашы Ивану велят быти во Царѣ-Городѣ ждати Салтана, и Ивану быти во Царѣ-Городѣ. И похотят пашы с Иваном видетис(ь) и то от него увѣдати, что с ним наказ от Великог(о) Князя к Салтану, речей похо || тят слушати,—и Ивану первое отмолвитис(ь): л. 238.

„Послал меня Государь мой к Салтану. И как буду у Салтана, и яз ему и посол(ь)ство правлю“. И нѣчто учнут о том говорити пристайно, чтобы им то сказал, что наказ Великог(о) Князя к Салтану,—и Ивану дати пашам список с посол(ь)ства, а рѣч(ь)ю им однолично никак не говорити, да и грамота им вѣрющая пашам дати, а поминков не дати. А дати поминки Салтану, как приѣдет Салтан. А будет во Царѣ-Городѣ и поминков к нему не велят в хоромы нести и гдѣ велят с поминки стоять, ино тут стояти с поминки. А говорити им о том по Великог(о) Князя наказу. Да говорити Ивану Салтану самому,—или с ним пашам велит говорити о дѣлах, и Ивану пашам говорити, чтоб Салтан с Великим Князем был в дружбѣ, и в братстве и в любви, || и на л. 239. всѣх бы недругов был с Великим Княземъ заодно: „А государь нашъ, Князь(ь) Великій, с Салтаном хочет быти в дружбѣ и в братстве и в любви, и на всѣх недругов хочет быти с Салтаном заодно. И грамоты бы шерстные меж Государя нашего и Салтана были о дружбѣ и о братстве, и правда бы межи их была. И послы б межи их ходили и люди их ѣздили без всякѣхъ зацѣпки здоров(ь)я их видѣти, да и гости б ходили на обѣ стороны“. И взмолвят Ивану: „Каковы грамоты Князь(ь) Великій с Салтаном о дружбѣ и о братствѣ хочет?“ И Ивану говорити: „С которыми с иными с Великими Государи Государь наш в дружбѣ и в братствѣ и в любви,—с Цысарем и с королем пол(ь)ским и с иными короли,—ино межи их грамоты—о дружбѣ и о братствѣ, и дѣло в тѣх грамотах

л. 239 об. писано все, как им межи собою быти в дружбѣ и в братствѣ и в любви и на подругов заодинѣ быти. Да на тѣх грамотах Государеве меж собою || перед послы правду чинят да по тому и правят¹⁾. И нынѣ взыщут: „Есть ли с тобою список, каковымъ грамотамъ¹⁾ лежи Салтана и Государя нашего пригож быти?“—и Ивану говорити: „Нынѣ Салтан прислал ко Государю нашему своего посла Скиндеря. И Государь нашъ [вельѣлъ] съ его послом съ Скиндерем говорити своим бояром, какому быти, и какому хочет быти в дружбѣ и в братствѣ, и каким крѣпостем о дружбѣ и о братствѣ межи их быти. И посол его Скиндер(ъ) говорил, что Сюлемен Салтан съ Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ и в любви хочет быти. А о том с ним не наказано, как Салтану со Государемъ нашим быти в дружбѣ и в братствѣ, и каким крѣпостем меж Салтана и Государя нашего быти. И Государь наш потому миѣ и списка не дал, каким грамотам межи их быти.

л. 240. И нынѣ похочет Салтан со Государемъ нашим быти в дружбѣ и в братствѣ, и Салтан бы нынѣ послал къ Государю нашему со мною вмѣсте своего(о) доброго || человекѣ такова, которому бы то дѣло л(ъ)зѣ было дѣлати. и о том бы с ним Салтан наказал, как быти Салтану со Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ и на подругов заодинѣ быти, и каким грамотам пригож межи их быти о дружбѣ и о братствѣ.

И Государь наш, по тому приговорив, велит грамоты написати, каким грамотам пригож меж их быти о дружбѣ и о братствѣ, да к Салтану съ его послом пошлет своего посла⁴⁾. Да говорити о том по Великому(о) Князю наказу. А нынѣ взыщут: „Послал Салтан к Великому Князю свою грамоту с своим послом с Скиндерем и съ его(о) человекѣм с Трет(ъ)яком послал же грамоту,—ино иным каким грамотам быти меж Государя нашего и нашего(о) Государя?“ И Ивану говорити: „Прислал Салтан с Скиндерем грамоту ко Государю нашему, да и со Государя нашего человекѣм с Трет(ъ)яком прислал грамоту. А писал Салтан в тѣх грамотах, что со Государемъ нашим хочет быти в дружбѣ и в братствѣ. А крѣпо || стей некоторых в тѣх грамотах нѣтъ, как Государямъ быти в дружбѣ и в братствѣ, и на подругов быти заодинѣ. А в грамотах в шертных пишут, как Государямъ меж собою быти в дружбѣ и в братствѣ и как им на подругов быти заодинѣ. Да у тѣх грамот печати Государьскіе живут. И правда меж Государей бывает. То грамоты о дружбѣ и о братствѣ—утверженныя⁴⁾. Да говорити о том по Великому(о) Князю наказу. А нынѣ взыщут Ивану. „Говорил еси в рѣчи от своего(о) Государя Государю нашему, что на подругов быти заодинѣ. Ино кто недрузи Государю нашему?“ И Ивану говорити: „Дастъ Богъ, будет посол Салтанов у Государя нашего, ино ему будет вѣдомо, кто друг Государю нашему и кто недруг⁴⁾. И нынѣ взыщут о том Ивана пристайно спрашивать, кто пак(и) недрузи Государю нашему,— || и Ивану говорити: „Вѣдомо и вам: Менли Гирѣй Цар(ъ) крымской Государю нашему был друг, а и сынъ его Магмед Гирѣй Цар(ъ) Государю нашему также друг был. И нынѣ Магмед Гирѣй Цар(ъ) Государю нашему учинился недругом. А и иные Государю нашему недрузи есть и друзи его. А Магмед Гирѣй Цар(ъ) нынѣ прислал ко Государю нашему своих великих послов. И нынѣ послы его у Государя нашего. А меня Государь мой к Сюлемен Салтану отпустил, а еще межи Государя нашего и Магмед Гирѣй Царя мѣръ не бывал⁴⁾. И нынѣ взыщут. „Государь нашъ с Великим Князем на крымског(о) будет заодинѣ и помоч(ъ) ему на крымског(о) учинит. А Государю нашему недруг литовской,—и Князь(ъ) Великій со Государемъ нашим на литовског(о) будет ли заодинѣ?“ И Ивану говорити: „О том от Салтана ко Государю нашему съ его послом

¹⁾ Въ рукописи: „каковъ грамоте“.

приказу не было. И Государь нашъ к Салтану о том со мною не наказал ничего. А коли учинится Салтанъ || со Государемъ нашим в дружбѣ и в братствѣ, и Государь нашъ л. 241 об. на всѣх недругов с Салтаном будет заодинъ. А Салтан бы также со Государемъ нашим на всѣх недруговъ был заодинъ. А нынѣ о том Салтан, что прикажет ко Государю с нами, и мы то до своего Государя допесем. Да и с своим бы послом о том ко Государю нашему наказалъ. Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А нѣчто взмолвят: „Как нынѣ Княз(ь) Великий с королем помирилъ ли ся?“ И Ивану говорити: „Послы их межн их ходят: королевы послы у Государя нашег(о) были, а Государя нашег(о) послы у короля были. А мир межн их еще не естался“. А взмолвят Ивану „Взяли. сказывают, меж собою перемпр(ь)е?“

И Ивану молвити: „Взяли перемир(ь)е меж собою на время на то, чтоб оружн меж собою отложити на обѣ стороны на время“. || А пѣчто впросят Ивана: „А с Азгосторокан(ь)ю как пынѣ Княз(ь) Великий?“ л. 242.

И Ивану говорити: „Присылаа Усеинъ Цар(ь) азгостороканской ко Государю нашему своих послон. чтоб Государь нашъ был с ним в дружбѣ. И Государь нашъ и учинился с ним в дружбѣ. А и нынѣ у Государя нашего от Усеина Царя люди его естъ“.

Да в кою пору Иван у Салтана побудет и услышит то Иван, что крымской Цар(ь) хочет итти на Великог(о) Князя украину или дѣтей своих и рат(ь) свою похочет послати.—и Ивану тогда говорити Салтану или пашам говорити: „Слышен(ь)е наше, что крымской Цар(ь) хочет итти на Государя нашего украину. И Салтан бы нынѣ Государю нашему первую свою дружбу учинил: послалъ бы на крымског(о) людей своих и велѣл бы ему недружбу свою чинити и помѣшку бы ему чинити, чтоб ему на Государя нашег(о) украину ходити не дати“. Да говорити о том по Великог(о) Князя наказу. || л. 242 об.

Да говорити Ивану пашам: „Которые гости Государя нашего придут в Салтанову землю, ино б над Государя нашего гост(ь)ми силы и неч(ес)ти некоторые не было и пошлин бы лишних на них имати не велѣл. А имали б пошлину по тому, как идеа пошлина из старины. А Бож(ь)я воля есталется: которог(о) гостя Государя нашего в животѣ не станеа в Салтановѣ землѣ, а не будет с ним брата или племяни, кому тот животъ взяти,—и Салтан бы своим приказщикомъ в тот животъ вступатис(ь) не велѣл, а велѣл бы тот животъ переписать да и запечатав положить дотолѣ, доколе по тот товаръ прѣдет тог(о) человекъ брат или племя со Государя нашег(о) грамотою, или Государя нашег(о) человекъ к Салтану прѣдет со Государя нашего грамотою. И Салтан бы тот товаръ велѣл отдать тому человекъ Государя нашего. А кторые гости Салтановы прѣдут во Государя нашего государства, ино над Салтановыми гост(ь)ми во Государя нашего землѣ силы и неч(ес)ти || некоторые не будет, и пошлин лишних Государь на них имати не велит. А Божн воля есталется: которог(о) гостя Салтанова во Государя нашег(о) землѣ в животѣ не станеа, а не будет с ним брата или племяни, кому тот животъ взяти,—и Государь нашъ также в тот животъ вступатиса не велит, а велит тот животъ Государь нашъ переписать да запечатав положить дотолѣ, доколе по тот животъ прѣдет тог(о) человекъ брат или племя с Салтановою грамотою, или Салтанов человекъ ко Государю нашему прѣдет с Салтановою грамотою. И Государь нашъ тот животъ велит отдать тому Салтанову человекъ. А нынѣ которых людей Салтановых не стало во Государя нашего землѣ, и Государь велѣл животы их запечатати да нынѣ велѣл то Государь отдать послу Салтанову Скиндерию. Ебарбердѣя не стало во Государя нашего государства,—и тот Ебарбердѣев животъ Государь нашъ велѣл отдать Скиндерию. И Салтан бы нынѣ по тому ж учинил: которых Государя нашег(о) людей в Салтановѣ землѣ в жи-

л. 243 об. вотъ не стало ||, —и Салтан бы тѣх людей животы велѣл нам отдать⁴. Да говориши о том Ивану накрѣпко по Великог(о) Князя наказу. „А Великог(о) Князя гостей не стало в Салтановѣ землѣ,—Семена Ондрѣева сына Хозникова, и пынѣ со мною прѣѣхал сынъ его И Салтан бы тот живот велѣл отдать сыну его А лѣтос(ь) Государь наш посылал к Салтану своего чловѣка Ивашка Лазарева. И Болж(ь)я воля есталася: тог(о) чловѣка в Каоѣ въ животѣ не стало И Салтан бы тот живот велѣл нам отдать⁴“.

А нѣчто взмолвят Ивану: „Писал Государь наш Сюлемен Салтан к вышему Государю, что бѣжал от его гостя от Еоархози одинъ паробок покраишы, а пынѣ во Государя вашег(о) землѣ. И Княз(ь) Великій тог(о) дѣтины в своем государствѣ не велѣл доискатися⁴. И Ивану говориши: „Сказывал Скъндер(ь), что, как тог дѣ || тина бѣжал от Еоархози, и тому уж семнатцат(ь) лѣт. И Государь наш в своем государствѣ тог(о) дѣтины не мог доискатися: зап(е)же уж лѣт много прошло: нѣчто будет тог(о) дѣтины в животѣ не стало, или будет буды отшел в иные земли“ Да пытати Ивану, как пынѣ турецкой с крымским, и как с литовским, и с волошским, и с угорским Сказывают, что взял Салтан Родос. Ино таки ли Салтан Родос взял? И будет взял, ино Салтановы ли люди пынѣ в Родосѣ? И родошаном что учинили? А у угорског(о) взял Бѣл-Город. Ино Бѣл-Город таки ли за ним? И на мут(ь)янской землѣ ег(о) ли люди, или будет мут(ь)янскіе люди его людей отголе сослалы? И о всѣх о тамошних дѣлах Ивану пытати подлинно ког(о) пригоже. Да посланы с Иваном казаки резациы десят(ь) станицъ, да и список Ивану дан им по имяномъ: и гдѣ которых оставити. И Ивану тѣх каза-

л. 244 об. ков оставити в Азовѣ по списку || четыре станицы. А в Каоу ему тѣх казаков с собою взяти четыре ж станицы да оставити их в Каоѣ. А с собою ему взяти казаков во Царю-Городу двѣ станицы. Да которых казаков оставит в Азовѣ и в Каоѣ, и ему тѣх казаков приказати: нѣчто крымской Цар(ь) похочет итти на Великог(о) Князя украину или дѣтей своих и людей своих похочет послати,—и они б тогды ѣхали к Великому Князю станица. А иные бы еще там ся остави да вперед каковы там будут вѣсти, и они б ѣхали к Великому Князю по станицам жо, чтоб Княз(ь) Великій безвѣстен не был. Да как, дастъ Богъ, Иван будет у Салтана и рѣчи Салтану от Великог(о) Князя изговорит по записи и по Великог(о) Князя наказу, и Ивана стол(ь) борзо еще Салтан не отпустит, а за которыми дѣлы будет ему еще там мочгати.—и Ивану тогды послати

л. 245. к Великому Князю ка || заков Великог(о) Князя, которые с ним посланы, кол(ь)ких пригоже. А с ними ему к Великому Князю отписати о всѣх о тамошних дѣлѣх подлинно. А нѣчто будет Ивану тѣх казаков не велит послати, и Ивану послати к нашим, чтоб допесли до Салтана, чтоб Салтан ослободил Ивану послати чловѣка к Великому Князю. А как, ож дастъ Богъ, Иван отдѣлаецца у Сюлюмен Салтана, и Ивану у Сюлюмен Салтана проситис(ь) к Великому Князю. И учнег его Сюлемен Салтан отпущати на Крым, да и своего посла учнег с ним отпущати на Крым, и Ивану о том Сюлюмен Салтану говориши, чтоб его на Крым не отпущал, а отпустил бы его и своего посла на Азов, да и проводить б его велѣл и своего посла до Великог(о) Князя украины, чтоб им безстрашно ѣхали до Великог(о) Князя украины. А нѣчто будет Ивану нел(ь)зѣ

л. 245 об тог(о) отговорити, чтоб || ему на Крым не итти, а велит ему Салтан на Крым итти вмѣсте с своим послом,—и Ивану тогды и на Крым итти вмѣсте с Салтановым послом по Салтанову велѣн(ь)ю.

А опослѣ Ивану говориши накрѣпко по Великог(о) Князя наказу, чтоб Салтан послал к Великому Князю своего посла чловѣка доброго. А нѣчто Скъндер(ь) учнег прѣѣхав там говориши, что будто его Княз(ь) Великій не жаловал и бережен(ь)я ему

от Великог(о) Князя не было и кормы собѣ учнет сказывати малы и нечесть которую учнет собѣ сказывати, и нѣчто там о том Ивану учнет кто говорити, или хоти Ивану и не учнут о том говорити, а послышит то Иван, что Скиндер(ь) то говорит,—и кто Ивану учнет о том говорити,—и Ивану тому говорити. И не учнут говорити, ино пашѣ которому молвити в розговоре, каково было жалован(ь)е Скиндерю от Великог(о) Князя. || А говорити Ивану по тѣм списком, каковы ему списки дали о тѣх дѣлах л. 246. казначѣи, что Скиндерю корму давано и что ему Княз(ь) Великій давал жалован(ь)я. И Ивану говорити по тѣм списком. А говорити: „То Скиндер(ь) говорит негораздо; Государьское жалован(ь)е было к нему велико. честь ему была великая и кормы великіе даваны. А от Государя ему жалован(ь)е давано много и честь ему велика была, а ни в чем ему безчестія никоторог(о) не было“. Да говорити Ивану по тѣ(м) списком, каковы ему даны: „А то Скиндер(ь) говорит негораздо, что к собѣ жалован(ь)я Государя нашег(о) не сказываег. а такое ему было жалован(ь)е“

Да и то Ивану молвити в розговоре: „Государем Великим пригож промеж себя послати таких людей, которые бы жили близко при Государех и дѣло бы знали и жалован(ь)е бы Государьское знали, а не корысти б смотрели“. И нѣчто взмолвят Ивану: „А то честь ли была || Скиндерю: приѣхав к нему люди на подворье, да людей л. 246 об. его перебили и самог(о) лаяли, и в том ему оборони не учинили?“

И Ивану говорити: „Во Государя нашего государствѣх много чюжих людей изо многих зем(е)ль. И приставовѣ Государя нашего говорили Скиндерю, чтоб его люди без пристава с подвор(ь)я не ходили. И люди Скиндеревы приставов не слушали и с подвор(ь)я ходили без приставов. И ѣхали пьяни азстороканског(о) посла люди и Скиндеревы люди пьяни ж с ними побранили, да учили их Скиндеревы люди бити, а они противу с ними учили битис(ь). И Скиндеревы люди их же били да переимав и перевязали, и сказали Государя нашего приказчиком, кому тѣ дѣла приказаны. И они послали да тѣх азстороканског(о) посла людей велѣли пустити. Ино было Скиндеревых людей как боронити? А они ж азстороканцов били и перевязали“. Да говорити по Великог(о) Князя наказу: „А спросите о всѣх дѣлах янычан. Асана да Усейпа и иных л. 247. янычан, как там честь была Скиндерю и как там дѣла дѣлалися,—тол(ь)ко бы вам сказали правду“. И нѣчто учнут говорити: „А которой полон Скиндер(ь) окупив привез на Москву да и армена привели полонъ,—и они у него силою тот полонъ отнимали, а денег не платили, а и платили деп(ь)ги да не всѣ?“ И Ивану говорити „Которой полон Скиндер(ь) привел да и армена полон привели да сказали приказным людям Государя нашег(о). на ком что дати. И которых людей привели с собою, и тѣ люди били челом Государя нашего приказным людям, что их которая армена окупали, а деп(ь)ги на них давали не многие, а в кабалы писали и прибавливали деп(ь)ги многие. И приказчики Государя нашег(о) велѣли им о том говорити, чтоб имали прямые деп(ь)ги. И армена опят(ь) говорили, что на них денег не тол(ь)ко да || вали да гово- л. 247 об. рили и не одинава не в одно слово. И как пришли на мѣру,—сказали правду, что на ком давали,—и казначѣи Государевы велѣли им на тѣх деп(ь)ги правити. И доправили им деп(ь)ги часа тог(о). А дотеле им денег не доправили по их рѣчем, что они негораздо сказывали“. А нѣчто впроеят Ивана: „А как Скиндер(ь) выѣхал с Москвы,—и они у нег(о) на дорозе людей поотнимали?“ И Ивану говорити: „Которые люди были с Скиндерем Салтаювы и его люди, и Государь наш(ь) с) Скиндерем тѣх людей всѣх отпустил и залѣпки им не было никоторые. А то было так взял Скиндер(ь) с собою крымцов. И Государя нашег(о) приставове, которые были у Скиндеря,—проежали

Скиндеря за город,—да познали крымског(о) татарина,—а он е Скиндерем ъдег. И наши приказчики тог(о) татарина у нег(о) взяли тог(о) дѣля, что взял его Скиндер(ь) с собою
л. 248. без вѣдома. Да и иных был Скиндер(ь) людей крымских поимал || с собою. И как Государя нашег(о) приставовѣ тог(о) крымца у Скиндеря на дорозе взял, и Искиндер(ь) и тѣх людей от себя отослал“

Да говорити о том о всем по Великог(о) Князи паказу. А пѣчто спросят Ивана: „Ты поѣхал к нам, а Княз(ь) Великій нынѣ гдѣ и брат(ь)я его у нег(о) ли или по своим отчинам?“ И Ивану говорити. „Яз поѣхал от своего Государя, а Государь мой на Москвѣ, а брат(ь)я его по своим отчинам“. И взмолвят Ивану: „А на сем лѣте Великому Князю гдѣ быти?“

И Ивану говорити: „Яз тог(о) не вѣдаю, гдѣ на сем лѣте быти Государю нашему,—а яз поѣхал, а он на Москвѣ“ И пѣчто взмолвят: „Сказывают, что быти на сем лѣте Великому Князю на своем дѣле на Коломиѣ“. || И Ивану говорити: „Того яз не вѣдаю, гдѣ Государю самому быти. А то есмь слышел, что Государь наш воеводам своим и людем многим велѣл быти на Коломиѣ. А тог(о) не вѣдаемъ, гдѣ Государю нашему на сем лѣте самому быти“. А се такова память дана Ивану ж о Марке о Орязинѣ. Да память(ь) Ивану: „Нѣчто его спросит Салтан или кто от Салтана его спросит“:
„Писал яз к Великому Князю о Марке о лѣкаре, чтоб его ко мнѣ отпустил,—и Княз(ь) Великій его ко мнѣ чего дѣля не отпустил?“ И Ивану говорити: „Марко, Господипе. прѣхал ко Государю нашему давно, а прѣхал еще при отцѣ при твоём да бил челом Государю нашему в службу. Да и о том бил челом, чтоб Государь наш приказал к отцу
л. 249. твоему о его женѣ, чтоб отецъ твой || жену Маркову к нему отпустил. И Государь наш и о женѣ его к отцу къ твоему и приказывал с своим сыном боярским з Борисом з Голохвастовым, чтоб жену его к нему отпустил. И отецъ твой, Салим шах Салтан, и хотѣл жену Маркову отпустить. А нынѣ въ Великом Новѣ-Городѣ болен боярин Государя нашего княз(ь) Александръ Володимирович. И Государь наш послал его тог(о) боярина лечити. А и нынѣ бы Салтан Маркову жену ко Государю нашему отпустил“.

А не взмолвят о том Ивану, и Ивану о том не говорити ничего. А се такова дана память(ь) о Адрахмене о каѣпницѣ. Память(ь) Ивану Семенову: „Нѣчто взмолвят ему про то, что на Москвѣ сидѣл в тюр(ь)мѣ каѣпницкой гость Адрахман,—чего дѣля тог(о) гостя Салтанова сажали в тюр(ь)му и такую ему соромоту чинили?“ И Ивану говорити:
л. 249 об. „То еще над Адрахманом милость || показали казначѣи Государскіе а он был дошел казни, а Адрахман учинил такое великое невѣж(е)ство: пришед на Государя нашег(о) двор на казенной да говорити Государя нашег(о) приказным людем, казначѣем, невѣжливые рѣчи, лаил им великою ласю. И казначѣи Государя нашего велѣли его про то выкинути в тюр(ь)му. А казнити его не велѣли, его жалующи, да и Государю тог(о) не сказали. А тол(ь)ко бы то казначѣи Государя нашег(о) Государю сказали, ино было ему быти кажпену. И они, ег(о) же жалующи, Государю тог(о) не сказали. И сказали б Государю,—ино было ему быти кажпену. И Искиндер(ь) прислал к казначѣем, чтоб его выпустили из тюр(ь)мы. И казначѣи его велѣли выкинути из тюр(ь)мы для Скиндеря“.

А се такова память(ь) дана Ивану ж о Садег Гирѣй царевиче и о Ахматовых царевичевых дѣтх. Память(ь) Ивану Семенову сыну Морозова. „Как, ож || дасть Богъ, прѣдег к Салтану и будет у Салтана царевич крымской Менли-Гирѣев Царевъ сынъ Садег Гирѣй или будут Ахматовы царевичевы дѣти мен(ь)ше у нег(о) жо,—и Ивану ко царевичам послати Великог(о) Князя татарина, ког(о) пригож, которой бы вѣрен.—или будет ему ког(о) пригож послати. И ког(о) Иван ко царевичем пошлет, ино б

тог(о) не вѣдал никто. А приказати ему с тѣм ко царевичем: „Есть, Господине, со мною к вам от Государя моего рѣчи. И вы мнѣ с собою гдѣ всите видите(сь)?“ И Ивану видите(сь) с ними тайно. И царевичи б тог(о) межн себя не вѣдали один друг(о). И как Иван у которог(о) царевича будет,—и у царевича бы был Иван да толмач, а иной бы не был никто. Да говорити Ивану рѣчи(и) царевичем от Великог(о) Князя: „Князь(ь) Великій велѣлъ тобѣ говорити“: „Чтоб еси похотѣл с нами быти в дружбѣ, а мы с тобою хотим быти в дружбѣ и дружбу свою хотим к тобѣ держати. А ты б к нам также дружбу || свою держал, и другу бы еси нашему друг был, а недругу недругъ л. 250 об. дѣла б еси нашего берег, а нам дружбу свою чинил. А мы к тобѣ добро свое хотим держати и дружбу свою чинити. А что будет твое дѣло или вперед что свое дѣло захочеш дѣлати,—и ты б к нам приказывал и мы к тобѣ свою дружбу хотим держати“

И гдѣчто царевич учнет говорити Ивану: „Хочю яз ѣхати к Великому Князю“. И узнает то над ним Иван, что он ему говорити прямо, что хочет ѣхати к Великому Князю,—и Ивану ему говорити: „Похочеш, Господине, ѣхати ко Государю нашему,—и ты, Господине, поѣди къ Государю нашему. А Государь наш тобѣ в своей землѣ мѣсто дастъ, как тобѣ пригож быти у Государя нашего“. И взмоливт царевич: „Поѣду яз к Великому Князю, и Князь(ь) Великій мнѣ в своей землѣ мѣсто даст ли?“ || А учнет л. 251. имянно говорити о городкѣ о Мещерѣ: „Даст ли мнѣ Князь(ь) Великій?“ Или об ином городкѣ, о котором учнет говорити: „Даст ли мнѣ Князь(ь) Великій тот город?“ И Ивану говорити: „Коли, Господине, поѣдеш ко Государю нашему и чег(о) учнеш у Государя нашег(о) просити или о чем ко Государю нашему прикажеш, а учнеш у нег(о) чего просити,—и Государь наш тобѣ в своей землѣ мѣсто дастъ. Мног(о) у Государя нашег(о) городов и волостей: есть ему, что тобѣ дати, гдѣ тобѣ у нег(о) быти“.

А учнет говорити о Коширѣ: „Даст ли мнѣ Князь(ь) Великій Коширу?“

И Ивану говорити: „Поѣдеш, Господине, ко Государю нашему, и Государь наш тобѣ Коширу даст“. И похочет царевич у Ивана на том правды: „Как яз буду у Великого Князя, и Князь(ь) бы Великій дал мнѣ городок Мещеру“. || И Ивану на том л. 251 об. правды не давати, а говорити ему царевичу: „Как, Господине, будеш у Государя нашего и учнешъ чег(о) у Государя нашег(о) просити,—ино, Господине, у Государя нашего мѣстг много: есть ему, что тобѣ дати. А мнѣ, Господине, на том, как правда дати? То вѣдает Богъ да Государь наш, что тобѣ дастъ“. Да на Мещерѣ правды не давати и не иматися в том. А говорити о том по Великог(о) Князя наказу. А Ахматовым царевичевым дѣтем то ж ему говорити, чтоб похотѣли ѣхати к Великому Князю. А Князь(ь) Великій их жаловати хочет. А се такова памят(ь) дана Ивану ж. Памят(ь) Ивану Семенову

„Х кому с ним послал Князь(ь) Великій свои поминки в Азов и грамоту к Бургану азовскому и к Магметю беккулу,—и Ивану та грамота и поминок || дати Бургану и л. 252. Магметю тайно, чтоб тог(о) Скиндер(ь) не вѣдал. Да и словом Ивану молвити Бургану и Магметю, чтоб Великому Князю служили прямо. Да каковы будут вѣсти, и они б Великог(о) Князя о всем без вести не держали. А Князь(ь) Великій их и вперед жаловати хочет. А беречи Ивану тог(о) накрѣпко, чтоб тог(о) Скиндер(ь) не вѣдал, что Князь(ь) Великій к Бургану грамоты и поминки посылает“.

А се такова грамота с Иваном послана к Салтану о рухляди Великого Князя А имя Божие и Великог(о) Князя и Салтаново писано в крузѣх золотом.

„Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣк сы(й) и нынѣ есть: || Отець и Сынь и Святыи л. 252 об. Духъ. Великій Государь Василей, Божиею милостию единъ правый Государь всея Руси

и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугор(од)скій, псковскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, пермьскій вятцкій, болгарскій и иныхъ, Сюлемен пах Салтану, Государю костаитинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и паталѣйскому, и римскому, и караманскому, и румскому, и иныхъ земель(ь) Государю, и брату, и доброму пріятелю. Послали есмь с послем с своим с Иваном Семеновичем свою рухляд(ь) на нѣкоторую потребу. А велѣли есмь ему в твоей землѣ на себя купити, что нам тебе. И ты б, брат наш, приказал своим приказчиком, чтоб с тое с наши рухляди пошлнть ннкоторых не
л. 253. имали; да и торговца б еси ему || велѣл дати, кому купити, что будет надобе на наши потребности. Писан в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ. Лѣт(а) 7231 (1523) апрѣля⁴. А се такова грамота послана к Салтану с Иваном же о зауморкех.

А имя Божіе и Великот(о) Князя и Салтаново и их государств писаны золотом в крузѣх же по тому ж, как в первой грамоте. „Божія воля есталас(ь): в твоей землѣ не стало нашег(о) гостя Семена Андрѣева сына Хозникова. И твои приказчики, товар его собрав и переписав, запечатали, и нынѣ тот товар лежит в твоей землѣ у твоих приказчиков. А лѣтос(ь) посылали есмь к тобѣ своего человекѣ Ивашка Лазарева с своею грамотою. И Божія воля есталася: тог(о) нашего человекѣ Ивашка в Каѣѣ в
л. 253 об. животѣ не стало. И приказчики твои тот его товар также собрали и переписавъ || запечатали. И нынѣ поѣхал с нашим послем с Иваном Семенов сынѣ Хозникова Васюк. И ты б тот Семенов товар велѣл отдати сыну его Васюку. А Ивашков бы еси живот Лазарева велѣл дати послу нашему Ивану. Да и пных будет которых наших людей: не стало в твоей землѣ, а животы их собраны и переписаны и запечатаны стоят у приказчиков,—и ты б также тѣх наших людей животы велѣл отдати послу нашему Ивану.

л. 254. Писан в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ. Лѣта 7231 (1523) марта⁴. || А се такова грамота послана Бургану агѣ азовскому с Иваном же Семеновым.

„Великій Государь Василей, Божіею милостію един правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных. Брата нашег(о) Сюлемен Салтанову слузѣ Бургану агѣ азовскому. Каковы будут вѣсти в Азове,—и ты б нам служил: о вестех бы еси нас без вести не держал. А нѣчто услышиши про нашег(о) недруга про крымског(о): нѣчто похочет крымскоѣ итти на нашу украину,—и ты б нам служил: нас бы еси о том без вести не держал. А мы тебя за твою службу жаловати хотим. А нынѣ послали есмь к тобѣ свое жалован(ь)е с своим послем с Иваномъ Семеновичем. Писан на Москвѣ.

л. 254 об. Лѣт(а) 7231 (1523) апрѣля⁴. ||

А се такова грамота послана к Магмед бекъгулу азовскому с Васил(і)емъ с Верхѣдеревским. А государства писаны в крузе ж.

„Великій Государь Василей, Божіею милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многимъ землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных. Брата нашег(о) Сюлемен Салтанову слузѣ Магмед беккулу азовскому. Что нам служиши и нас о вестех без вести не держиши,—ино то дѣлаеш гораздо. И мы, ож дасть Богъ, за твою службу тебя жаловати хотим. А ты б и вперед нам служиши. И каковы у тебя будут вѣсти, и ты б к нам о вестех отписывал. И нас бы еси о вестех без вести не держал. А нынѣ послали есмь к тобѣ свое жалован(ь)е с своим послем с Иваном с Семеновичем с Морозовым.

Да послали есмя || проводити брата своего Сюлемен Салтанова посла Скиндеря и л. 255. своего посла Ивана до Азова своего сына боярекого(о) Васпл(і)я Оedorова сына Верхдеревског(о), а с ним своих людей. И как, оже дастъ Богъ, придут в Азов и будет им время и л(ь)зѣ им итти из Азова,—и ты б их из Азова отпустил и проводиши их велѣл до пание украины, чтоб им, как дал Богъ, до пание украины здорово и без страху доитти. А будет им из Азова еще не время итти и побыти им будет в Азовѣ,—и вы б их берегли, чтоб им нечести ни от ког(о) не было. А как будет время и л(ь)зѣ им итти,—и ты б их тогда из Азова отпустил и проводиши их велѣл, чтоб им без страху доитти до пание украины¹⁾. Да велѣли есмя оставит(ь) послу своему Ивану в Азовѣ станицы казаковъ своих; и ты б им велѣл быти в Азовѣ. Да каковы будут у тебя вѣсти в Азовѣ,—и ты б тѣх казаков к нам отпущал по станицѣ или по(с)кол(ь)ку будет пригож, чтоб яз безвѣстем не был. Писан на Москвѣ. Лѣт(а) 7231 (1523) апрѣля.“ || л. 255 об. А се такова грамота послана Салтанову послу Скиндерю. А государства писаны мен(ь)ше в крузе ж.

„Брата нашег(о) Сюлемен Салтанову послу Скиндерю князю. Которые наши люди украинские ходят по своим ухажам на поле, а иных людей мы посылаем на поле своего(о) для дѣла,—и казаки азовские тѣх наших людей на поле имают, да водят в Азов, да их продают, и мног(о) лиха чинят нашим людям. И мы слышѣ о том приказали къ брату своему, к Сюлемен Салтану, с своим послом с Иваном с Семеновичем с Морозовым. А ты от нас брату нашему, Сюлемен Салтану, молви ж, чтоб в Азов приказал своим приказчиком, а велѣл бы тог(о) беречи накрѣпко, чтоб азовские казаки наших людей на поле не имали и лиха бы им инкоторог(о) не чинили. А хоти и попадет в руки азовским казаком наш человекъ, и приказчики б азовские тѣх наших людей у казаков имали, да к нам их отпущали, а денег бы || на них не имали, л. 256. чтоб тѣ казаки нашим людям лиха не чинили. Писан на Москвѣ лѣт(а) 7231 (1523) апрѣля“

А Ивана Семенова Княз(ь) Великій отпустил марта 30 и поѣхал с Москвы.

А с Иваном послал Княз(ь) Великій Русина Бортевева да под(ь)ячег(о) Михалъ Захарова да толмача Елболду. А клалис(ь) въ суды в Донковѣ. И пошли из Донкова в другую недѣлю по Велице дни в недѣлю Мпророситцкую—апрѣля. А казаков резанцов послано с Иваном до Азова, которых ему воротити назад и которым побыти в Азовѣ, 5 станицъ. А в Каеу ему взяти с собою казаков и оставит(ь) тут 4 станицы. А с собою во Цар(ь)-Город взяти Ивану 11 станиц. || Августа. Июл(я) 28 дни²⁾. При- л. 257. ѣхали к Великому Князю из Азова от Ивана от Семенова казаки: Мижуни Нечаевъ с товарищи з грамотою. да от Магмет беккула азовског(о) привезли грамоту ж. А се грамота Иванова к Великому Князю с Мижунею с товарищи. „Государю. Великому Князю Васпл(і)ю Ивановичу всея Руси, холопъ твой Иванецъ Семенов челом бьет. Божіею, Государь, милостию и твоим Государьским здоров(ь)ем Сюлемен Салтанов посол Скиндер(ь) да и мы со всеми люд(ь)ми пришли в Азов, дал Богъ, совсемъ здорову, маіа 19. А стрѣтил, Государь, нас из Азова противъ рыбные ловли от города версты за четыре или за пят(ь) Аспага Арсизпаганъ азовскій со многими люд(ь)ми на дву косопах с честію. А Сюлемен Салтана, Государь, сказываютъ нынѣ во Царѣ-Городѣ || А что есмя, л. 257 об. Государь, в Азове вѣстей слышели, и мы, Государь, все то написав, да к тобѣ, ко

¹⁾ Въ рукописи: украину.

²⁾ Въ рукописи: послѣ августа прямо стоитъ июль.

Государю, список послалп с твоими Государьскими казаки: с Мижунею с Нечаевым да с Ивашком с Полубояриновым и съ их товарищы. А отпустили есмь их к тебѣ, ко Государю, полем июля 1. А затѣм есмь к тебѣ, Государю, ранее тог(о) с тою вѣстію полем не отпустили: сказывали, Государь, что полем проитти не мощно: по обѣ, деи, стороны Дону стояли многие нагайскіе татаровѣ с крымским полоном. И мы, Государь, наперед того июня 11 отпустили к тебѣ, Государю, с тою вѣстію в калокѣх Доном твоихъ Государскихъ казаков: толмача Гаврилка Буда да Иванка Звепцова с товарищы. А зашол, Государь, тот Гаврилко в Азов съ Яковом да Стрекалом: да по грѣхом, сказывает, в Азовѣ заболѣл. А в кою пору, Государь, крымскіе татаровѣ и азесторокани бѣгли от нагайскихъ мырзѣ и за Донѣ возилсея, и как, Государь, крымцы л. 258. на Дону топли,—а тѣ, || Государь, казаки Гаврилко и Иванко в ту пору на Дону были, а то видели.

Да и мы, Государь, видели, по перевозом к Азову идучи, дниц за пят(ь) и за шесть и за десят(ь), по которымъ мѣстомъ крымцы (за) Дон возилсея. Ино, Государь, лежитъ теплыхъ лошадей и верблюдов по берегу и по полю и телѣтъ метано добрѣ много; да и татарове, деи, Государь, крымскіе по перевозом многие топли. А что, Государь, отпустил еси нас наперед нас своихъ Государьскихъ казаковъ резанцовъ к Азову полем: в головахъ Сенкю Курова с товарищы да с нимъ дѣтей боярскихъ Васюка Иващенкова с товарищы, да три татарины,—и тѣ, Государь, казаки и дѣти боярскіе в Азовѣ не бывали. А говорят, Государь, что ихъ азовскіе казаки на поле побили, а иные, деи, у нихъ поутекали ранены и ограблены. А при нас, Государь, азовскіе жъ казаки привели в Азовъ твоихъ дѣтей боярскихъ: Данилка Попцова, Ивашка плаксу Ушакова, л. 258 об. Горяинка Иванчина, Гридю Мордвинова, Матѣйка Шпряева, || Дульбка Аристова, Мишу Сорокина. И мы к тебѣ, Государю, с твоими казаки с толмачемъ з Гаврилкомъ да с Ивашкомъ о томъ писали жъ, что есмь Сюлеменъ Салтанову послу Изкиндерю и азовскому Кадью и Диздару и Аспагѣ Арению и всѣмъ приказнымъ людемъ о томъ говорили, чтобъ они у казаковъ тѣхъ дѣтей боярскихъ взяли да намъ отдали. И Салтановы, Государь, азовскіе приказчики Кадый и Диздар и Аспага Арениз и всѣ приказные люди тогды намъ отвѣчали такъ: „Нынѣ, деи, намъ тѣхъ дѣтей боярскихъ у казаковъ отняти, ни вамъ отдати безъ Государя нашег(о) вѣдома не мочно. И мы, деи, нынѣ тѣхъ азовскихъ казаковъ велимъ подавати на поруки, чтобъ у нихъ тѣ дѣти боярскіе не изгибли и в нуже не были до Государя нашего указу. А тѣхъ, деи, Государя нашег(о) людей переписемъ по имяномъ, да тотъ списокъ пошлемъ къ своему Государю. И тѣ, деи, люди Государя нашег(о) не изгибнутъ до Государя нашег(о) указу. И после тог(о), Государь, спустя д(е)нь с пят(ь) л. 259. казаки азовскіе учили тѣхъ || дѣтей боярскихъ продавати на корабли. И Василей Верхъдеревской и дѣти боярскіе тѣхъ, Государь, дѣтей боярскихъ окупили. А после тог(о), Государь, азовскіе жъ казаки привели в Азовъ дѣтей боярскихъ: Олексѣя Бабина, да Олексѣя Головенкина, Сидора Яковцова сына Захар(ь)ина да Оому Булгакова. И Алексѣя, Государь, Бабина окупили Русинъ Бортеневъ да Василей Верхъдеревской. А послали есмь к тебѣ, Государю, с твоими казаки с обѣма станицами Дономъ и полемъ списки слово в слово. А третей, Государь, списокъ таковъ же дали есмь Васил(ь)ю Верхъдеревскому притчи для. А что есмь, Государь, в Азовѣ вестей слышели после первые станицы, и мы к тебѣ, Государю, нынѣ и то отписали з другою станицею с Мижунею с Нечаевымъ и с его товарищы. А о Василь(е)ве, Государь, отпуске Верхъдеревског(о) и о проводѣхъ говорили есмь в Азовѣ с Искиндеремъ и со всѣми л. 259 об. приказными люд(ь)ми. И они, Государь, о томъ в Азовѣ п(р)овода не умѣли учинити. || А

приговорили, Государь, что им о Васильевѣ отпуске отписать х каѳинскому Санчаку. „И что, деи, нам о Васил(ь)е Санчакъ отпишет, и мы, деи, Васил(ь)ю по тому и про- вод учиним“. А мы, Государь, из Азова х Каѳъ пошли и на карабль сѣлп июля 1.

А как, ох дастъ Богъ, Государь, в Каѳу придем и что, Государь, там вѣстей будет, и мы к тобѣ, Государю часа тог(о) о всем отпишем с Васил(ь)ем Верхъдеревскимъ“.

А се грамота Магмед беккула азовског(о) с Мижунею с Нечаевым с товарищы.

„Государю, Великому Князю Василию Ивановичу всея Руси, бѣлому Царю, холопъ твой Магомед бек азовскій Государю своему низко челом бьет. Жаловал еси, Государь, меня холопа своег(о): велѣл еси, Государь, собѣ служить. А велѣл еси, Государь, себя без вести не держати, каковы у нас в А || зовѣ ни получаютъ. Послал еси с весны с л. 260.

вест(ь)ми к тобѣ, Государю, четыре человеки на своих конех о дву коп(ь) брата своег(о) Кебекчѣя да твоего сына боярског(о) Костею зовут Булгаков сынъ, да Ортюшею зовут Москвитин, да Мишкою зовут з грамотами, что, Государь, Царя крымского и Багатыр Салтана Мамай мырза потерял и силу их, Государь, всю побил. А коп. Государь, нарознь бѣгли крымци, ино, Государь, нагайская погоня и тѣх переняла, до Крыма не допустила и тѣх. Государь, побили. Утекли были, Государь, два Салтана: Казы Гирѣй Салтан да Бибѣй Салтан. Собрав, Государь, и достал(ь) сил своих, да стали у Перекопи. Нагайские, Государь, мырзы пришли и крымскіе с ними. Государь, билис(ь) три дни. И Богъ пособил нагаем: тут, Государь, и достал(ь) силу крымскую побили. а Салтаны утекли. И нагаи, Государь, мѣсяць равенъ носвали. Из горь. из лѣсов волочили жены и дѣти и живот вес(ь) выгонили. Потом, Государь, сѣл был на царствѣ Казы Гирѣй Салтан. И твоему, Государь, || брату, Сюлемен Царю, вѣсть пришла. что л. 260 об. Царя крымског(о) убили и сила побита и Перекоп(ь) разорена, а на царствѣ сѣл Казы Гирѣй Салтан. И брат твой, Сюлемен Цар(ь), послал своего Салтана Саидет Гирѣя на царство. И Саидет Гирѣй Салтанъ приѣхал в Каѳу. И Казы Гирѣй Салтан, пасаженой на царство, приѣхал в Каѳу ж к Саидет Гирѣй Салтану и Бибѣй Салтан. И по приказу брата своег(о), Сюлемена Царя, Саидет Гирѣй Салтан велѣл новому Царю Казы Гирѣю Салтану головы снят(ь)¹⁾. А Бибѣй Салтана и Чобан Салтана поймал да оковал и Абдрахман(а) бия оковал же. И иных многих князей и мырзъ переимал да и послал ко Царю-Граду. А нынѣ, Государь, брат твой, Сюлемен Цар(ь), посадил на царство Саидет Гирѣя Салтана. А молвил Государь наш: „Яз тебя с своим братом, с Великим Княземъ Василиемъ Ивановичем, смирю“. А не велѣл ему никакова казака под твою украйну отпускати. Кто не станет слушати новог(о) Царя Саидет Гирѣя,—велѣл брат || твой, Сюлемен Царь, на кол бити и пластати. А прислал Государь нашъ из Царя-Града дватцат(ь) тысяч копнои силы да пят(ь)сот пищал(ь)ишков поберечи новог(о) Царя, доколе укрѣпится.

Да еще, Государь, иные тобѣ вѣсти. Послал Саидет Гирѣй Цар(ь) Бабиш бия азстороканскому Царю Усейн Салтану о смирении и о братствѣ. А молвил так, чтоб еси нагайских мурзъ не перепустил за Дон на свою сторону, на азстороканскую. Да Агыш бию послал Девлет Келдѣем зовут татарина с тѣми ж рѣч(ь)ми, чтоб Агыш бий нагайских мурзъ не перепустил за Волгу. Саидет Гирѣй Цар(ь), кров(ь) взыскивая брата своего, Царя крымског(о), и Багатыр Салтана, а надѣятца на силу на отманског(о): и на то, Государь, грозу пуцают. А нагайскыи мурзы, Государь, на тѣ грозы и не смотрят. А пришли тѣ два посла ис Крыма в Азов на корабли. Подем, Государь,

¹⁾ Въ рукописи: стят(ь)

- не смѣли ѣхати: от нагаи не проѣхати. Да еще, Государь, слышен(ь)е наше таково,
л. 261 об. что || тебя, Государя Великог(о), устрашился Цар(ь) казанской: с Казани зѣжал да на-
шибся на Агышъ бия, и Агыш бий, Государь, и тог(о) ѣтерил. А правой вѣсти, Государь,
нѣт. Да в Азесторокани, Государь, посол твой оспешный добрь здоров. Царя, Государь,
нагаи потеряли, а посла твоего ополонили да в Азесторокани оставили, а сами в по-
гоню за крымскою силою пошли на третей день. Усейн Цар(ь) в Азесторокал(ь) вѣжал
и сѣл на своем портѣ без нагаи. А нагаемъ было, Государь, хотѣлос(ь) Азесторокал(ь)
и город розкопат(ь). И царь Усейн нынѣ посла твоего вел(ь)ми чтит, да и хотѣл к тобѣ,
Государю, отпустить: инѣ, Государь, побоялся, что, Государь, не проѣхати. Что семи
холопѣ твой, Государь, по ся мѣста вѣдал, то семи и списал тобѣ, Государю Вели-
л. 262. кому, с твоим казаком с Мижунею послал. А затѣм, Государь, кои дѣла ни увѣдало твои
Государьские,—тебя, Государя, без вѣсти не учпу держати: а чтоб еси, Государь, сми-
ловался, пожаловал || меня, своег(о) холопа: прислал бы еси мнѣ портище черных ли-
сицъ. И из бы про тебя, Государя Великог(о), и про твою радость сам износил перед
твоим братом, а перед своим Государемъ Сюлемен Салтаном. А я тобѣ, Государю Вели-
кому, низко челом бью. в лѣт(о) *злв? (1524) писала грамота мѣсяца июня 24 день“.
А иные грамоты и списки о вѣстех, что писали к Великому Князю из Азова Иван
Семенов и Магмед беккул азовской, и тѣ списки лежат в сувое в лѣте *зла (1523)
л. 263. августа, а в книги не писаны. || И лѣто *злв (1523) октября из Азова приѣхал к
Великому Князю от Магмед беккула азовског(о) з грамотою Ѳедко Каменев резанецъ.
А се грамота к Великому Князю с Ѳедком.

- „Государю, Великому Князю Васил(ь)ю Ивановичу вся Русн, всесвѣтлому Госу-
дарю, бѣлому Царю, холопѣ твой, Государь, Магомет бек азовскый Государю своему
низко челом бѣст. Мѣсяца, Государь, июля 26 дня пришел, Государь, посол Усейна Царя
азестороканског(о), а зовут, Государь, посла Аджи Холи бий. А идег, Государь, к Саидег
Гирѣю Царю крымскому. А говорил, Государь, Цар(ь) Усейн крымскому Царю „Похо-
чеш с нами быти въ братствѣ и в дружбѣ, а похочеш своег(о) тушмана доставати,—
и ты б со мною заодинѣ шел на своего недруга, а Агыш бий нас не оставит же: поидет
л. 263 об. с нами на Мамай и на ег(о) брат(ь)ю заодинѣ. Кой час наш посол к тобѣ при || дет, а
похочеш свое дѣло дѣлати заодинѣ с нами, и ты б вборзѣ немедля на кон(ь) пошел
с своею силою, а к нам бы еси гонца отослал. А я, Усейн Цар(ь), готов еси с своими
люд(ь)ми, и Агыш бий готов же с своими люд(ь)ми. Да коег(о) еси дни послал к тобѣ Аджи
Холи бия, да тог(о) же дни послал еси гонца к казанскому Царю, чтоб и казанской
Цар(ь) с нами ж заодинѣ пошел на Мамай и на ег(о) брат(ь)ю. А не пойдеш ты,
Саидег Гирѣй Цар(ь), на Мамай, ино и нам с Агышем не бывати на Мамай: нам
одним с ним нѣким стати“ Да еще, Государь, побѣжал ис Крыма Чобан Салтан, а
хотѣл, Государь, ѣхати в Казан(ь). И Чобан Салтан, Государь, устрашился нагайскіе
орды. немочно ему в Казан(ь) проѣхати. И он, Государь, приѣхал в Азесторокан(ь). А
из Азесторокани, Государь, ѣхати ему в Тюмен(ь): кажут, Государь, есть ему племя в
Тюмени. А твоег(о), Государь, посла Усейн Цар(ь) вел(ь)ми чтит, а хотѣл, Государь,
л. 264 твоег(о) посла вборзѣ отпустить к тобѣ, ко Государю. А крым || скому, Государь,
Царю стати нѣким и почати нѣчим, а надѣгся, Государь, крымской Цар(ь) на Царя
отманског(о). Ино, Государь, и отманскому ему не пособити,—самому от любово
боронит(ь)ся, а земля, Государь, дал(ь)нея. Да еще, Государь, азовскіе казаки под
Рус(ь) пошли: пошел, Государь, Тагай Соєи, а с ним, Государь, сорок человекъ;
другая станица, Государь, пошла трицат(ь) человекъ, а голова у них Джанай Дашем

зовут. Да пошел, Государь, Сатыл Ган, а с ним, Государь, восемьдесят человекъ, да пошел, Государь, Доваш да Ходжа бак, а с ними, Государь, сорок человекъ да крымских, Государь, человекъ со ста с ними ж заодно въмѣсте: хотят, Государь, на заставу ударити, коя, Государь, на поли стоит у тебя, а хотят, Государь, татем притти. Слышен(ь)е напе, Государь, таково. Тебя, Великог(о) Всесвѣтлаг(о)¹⁾ Государя, бѣлог(о) Царя, без вести не держу. А пожалуеш, Государь, велиш собѣ служить, и ты б, Государь, своег(о) холопа без своих людей не держал. А послал есми, Государь, список сей с твоим сыном боярским съ Ѳедком с Васил(ь)евымъ сыном Каменева. Писана грамота мѣсяца августа 1 день“. ||

л. 264 об.

А се другая грамота Магмет беккула азовског(о) съ Ѳедком же с Каменевым: „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Руси, бѣлому Царю, холопъ твой Магамет беккул азовской из Азова низко челом бьет. Чтоб еси, Государь, смиловался, меня своег(о) холопа пожаловал. Здѣс(ь) есми, Государь, с кѣм твое дѣло Государьское дѣлал,—межи, Государь, нас третей не бывал. И тот, Государь, человекъ меня, холопа своег(о), оставил. Пошел, Государь, к Москвѣ с твоим воеводою с Васил(і)ем с Верхѣдеревским. Зовут его, Государь, в Азовѣ Гришка Бѣлой діак. И ты б, Государь, умилосердился своег(о) холопа пожаловал: тог(о) бы еси, Государь, діака, ко мнѣ к Азову прислал. Зане ж, Государь, залажуся ег(о) тог(о) дѣла, что не от велика по-турески знает. Иног(о), Государь, діака призвал(ь) на твое дѣло на Государьское,—ино, Государь, толмач надобет. С тѣм есми, Государь, дѣла твои дѣлывал один на одинъ во дни и в нощи. Или как ся получит,—скажу ему твои дѣла || Государь-скіе, и он мнѣ, написавъ, да принесет, и я, холопъ твой, мишен(ь) свою приложу да к тобѣ, ко Государю, посылаю“. ||

л. 265.

л. 265 об.

Лѣта 7247 (1524) марта 25 дня. Писал к Великому Князю княз(ь) Микита Оболенской, что приѣхал в Нов-Городок из Крыма Великог(о) Князя татарин Сабака Небол(ь)-синъ да казак Миша Тверитин, а были с Иваном Семеновым сыномъ Брюхова во Царѣ-Городѣ. А прислал с ними Иван Семенов и Иван Колычев грамоты. Да Иван же писал ко князю к Васил(і)ю к Шемячичу грамоту, не вѣдая тог(о), что княз(ь) Василей на Москвѣ. Как они были в Царѣ-Городѣ, и в тѣ поры было во Царѣ-Городѣ лихое повѣтрее. И княз(ь) Микита без Великог(о) Князя вѣдома у Сабаки и у Миши грамот не взял и не послал к Великому Князю. И Княз(ь) Великій послал в Нов-Городок в Сѣверской ко князю к Миките Ивашка Скрипицына. А велѣл князю Миките и Ивашку с ним Миши и Сабаки вы(с)просити о всѣх о тамошних дѣлахъ подлинно. Да что Миша про тамошние дѣла скажет, и Княз(ь) Великій то им велѣл написати на список. А которые грамоты привез Миша от Ивана от Семенова, и Княз(ь) Великій тѣ грамоты велѣл переписав Ивашку к собѣ привести. А Мише Тверити || нову с товарищы велѣл Княз(ь) Великій побыти в Новѣ-Городкѣ до своег(о) указу, а к собѣ имѣ ѣздити не велѣл. И апрѣля 10 дня приѣхал к Великому Князю из Нова-Городка Ивашко Скрипицын. А привез списки, что Миша Тверитинов сказывал, и грамоты, которые Иван Семенов и Иван Колычов прислали к Великому Князю. А се запис(ь), что Миша сказывал. Памят(ь) Ивашку Скрипицыну сказати ему Государю Великому Князю. „Вспрашивал княз(ь) Микита Оболенской да с ним Ивашко Скрипицын казака Миши Тѣри[ти]нова с товарищы, гдѣ Иван Семенов наѣхал туретцког(о) Салтана и о кою пору, и чтыл ли Салтан Ивана, и каков был приход Иванов к Салтану, и много ли

л. 266.

¹⁾ Въ рукописи: свесвѣтлаго.

- л. 266 об. Иван жил во Царь-Городѣ, и о кою пору || Салтан его отпустил, и как Салтан послал к Великому Князю своего человекѣа. И Миша Тѣеритинов с товарицы князю Миките сказали про Иванов приход к Салтану и скол(ь)ко там побыл Иван во Царь-Городѣ, и как Ивана Салтанъ отпустил по тому ж, какъ Иван с ними к Великому Князю написал в списокѣ. А посла своего Салтан послал к Великому Князю с Иваном вмѣсте того ж Скиндер(ь) Саку, которой был у Великог(о) Князя, а с ним Салтановых два человекѣа Асаномъ зовут да Скиндерем зовут, молодые люди, а его людей шло с ним из Бела-Города тол(ь)ко три человекѣи, и то наймиты. Да гостей, сказывают, с собою взял за своих людей человекѣк пят(ь) ли, шесть ли. А гостей с ним шло из Царя-Города до Крыма человекѣк з десят(ь), а всѣх людей с ним шло из Царя-Города, которые ег(о) и провожали до Перекопи, человекѣк с тридцат(ь). А имат(ь) ему, сказывают, с собою людей из Кааы япычан и гостей. А товару, сказывают, с Скиндерем мног(о). || А Скиндер(ь) бол(ь)шее, сказывают, идет на Салтана рухляди купити: денег с ним Салтановых много. А дѣла за ним великог(о) не чают. А там, сказывают, у Салтана Скиндер(ь) молодой человекѣк—водовоз бывал—потому слово: „Сака“. И урядства на нем нѣт нико(то)рог(о) и близко Салтана не живет, а дѣти ег(о) там торгуют. Да (с) Скиндерем же, деи, идет с торгом гречин Ѳедором зовут, а сказывается Юр(ь)ю Малому родной брат, Дмитреев жо сынъ. А Родос, сказывают, Салтан, как взял, так и нынѣ за ним, а людей в городѣ урядных своих учинил. А тутошние люди осталис(ь) в Родосѣ молодые, а лутчие люди всѣ из Родоса выѣхали. А которые люди тогда из Родоса выѣхали, коли Салтан Родос взял, и тѣ, деи, нынѣча люди поставили против Родоса другой город на островѣ крѣпокъ, сказывают, добрѣ, а люди к ним многие збираются в тот
- л. 267 об. город. || А Вѣл-Город, Миша сказывает, нынѣча за Салтаном, а живет в нем Пергат паша. Да был, деи, бой Пергатъ пашѣ с угорскими люд(ь)ми. И угорские, деи, люди у Пергат паша турецких людей мног(о) побили. А одолѣл их Пергат Паша. И языки прислал во Царь-[Городѣ] человекѣк с тридцат(ь) молодых людей пашенных и собою, деи, худы добрѣ. А под Родосом, деи, у Салтана добрѣ много побили. А которые с ним пушки и пищали были под Родосом, тѣ всѣ привезли розбигы в черенки.
- А нынѣча, Миша сказывает, у Салтана людей добрых добрѣ мало: ипых побили, а иные вымерли. Тол(ь)ко при нем два пашы: Ибреим паша да Аяз паша, а Пири паша пашство оставил. И Салтан его бив да послал под новой городок под Венецѣйской, что поставили ег(о) против Родоса. А Кизылбашева приходу, Миша сказывает, Салтан добрѣ на себя боится. А Кизылбаш, деи, на Салтана паряжается. Да и посла своег(о) Кизылбаш к Салтану присылал при Иванѣ тог(о) дѣла: которые || города поимал у Кизылбаша Салим шаг Салтан,—и Сулюмен бы Салтан Кизылбашу тѣх городов поступился. А приказал, деи, к Салтану Кизылбаш: „Не поступиш(ь)ся мнѣ тѣх городов, что отецъ твой у меня поимал,—и яз, деи, иду твоей земли воевати“. А с Кизылбашевым, деи, послом пришло было триста человекѣк и Салтан велѣл у нег(о) людей поимат(ь) не доходя Царя-Города за лименем, а с послом, деи, во Царь-Город пришло тол(ь)ко человекѣк с тридцат(ь). Да поставили посла во Царь-Городѣ, а сторожу у нег(о) учинили добрѣ крѣпку: никакова человекѣа послера з двора не пуцают, а к ним не пуцают жо никог(о). И при них, сказывают, Кизылбашев посол у Салтана не бывал. А слышели, сказывают, в Белѣ-Городѣ, что будто Салтан Кизылбашу тѣх городов поступился, которые у нег(о) поимал отецъ его Салим шаг Салтан, и посла отпустил Салтан Кизылбашева. И как Иван Семенов и Скиндер(ь) пришли в Перекоп(ь),
- л. 268 об. и Скиндер(ь) тол(ь)ко—пят(ь) ден жил в Перекопи. Да па || завтрее Рождества Христова

пошел в Каю. А говорил Ивану: „Иду в свой улус поднаряжат(ь)ся—в Манкуц, а жит(ь) ми там один мѣсяць,—да буду у тебя совсѣм готов“. И Миша с товарицы, сказывают, жили в Перекопи два мѣсяца, доколе их Иван отпустил. А от Скиндеря к Ивану вѣсть никакова не бывала. А Иванъ к нему не посылал жо никог(о). А люди, деп, Скиндеревы говорили, что Скиндерю итти ис Каюы на просухъ. А про волошког(о) посла Миша с товарицы сказывает, что приходил к Салтану тог(о) дѣля, что белгородцы ходили в литовскую землю да в литовской землѣ полону поймали мног(о). Да шли через волошскую землю, да учали было людей грабит(ь). И волошской велел их побити и полон отнати. Да на пих присылал жаловат(ь)ся, что ходят в литовскую землю воевати и из литовской земли через его землю, да землю пустошат. И Салтан бы вперед своим людем заказалъ, чтоб через волошког(о) землю его люди не ходили и земли || не пустошили. И Салтан тог(о) волошког(о) посла при Иванѣ и л 269. отпустил. А что брясловцы у белгородцов стада овец(ь)и отгонили, и Миша с товарицы то ж сказывают, что Иван писал в спискѣ. А про повѣтрее Миша с товарицы князю Миките сказал по крестному целован(ь)ю: «Какъ пришел Иван во Цар(ь)-Город, а повѣтрее тишает, а гостей Великог(о) Князя и татар не стало повѣтреем сем(ь) человекъ. А как Иван пошел изо Царя-Города, а по(вѣ)трее добрѣ потишело». А что Иван писал к Великому Князю, что повѣтрее во Царѣ-Городѣ при нем добрѣ было сил(ь)но, а как Иван пошел изо Царя-Города, ино тог(о) сил(ь)неѣ учало быти,—и Миша с товарицы сказывает: «То, деп, Иван писал тог(о) дѣля, что Великог(о) Князя рухляди там не продал и не променил, а назадъ еѣ не повез жо, оставил еѣ там; и он боялся от Великог(о) Князя опалы, да вставил то, что будго повѣтрее было велико; и ему бы тѣм отмоливт(ь)ся, что за по || вѣтреем рухляди не взял. А как л. 269 об. Иван пошел изо Царя-Города, и на дорожѣ Бог миловал от повѣтрее. Одного человекъ Иванова не стало въ Ядренѣ поле, да не повѣтреем. А как пришли в Крым, и в Крымѣ такжо Бог миловал: повѣтрее не явливало(сь) и не умирывал никаков человекъ. А в Крымѣ и в Каюѣ до них и при них повѣтрее не бывало ж“. А про крымског(о) Царя Миша и Сабака сказывают, что его князи всѣ не любят и у нег(о) не живет никто [изъ] князей, а всѣ живут по своим улусом, а живут у нег(о) все янычанѣ. А князи его не любят тог(о) дѣля, что живет с туретцког(о) обычая и слушает янычан, а от янычан крымцом великая сила и нечесть чинится. А по князей Цар(ь) коли пошлет, и они к нему иногда поѣдут, а иногда не ѣдут. А коли Иван был Семенов у Царя, и тогда был у Царя один Булгак Адрахманов брат, а нес к нему Иван поминков девят(ь): три сукна, да шапку черну, да рыс(ь), да шубу хребтову, да юеть ролдут, да юеть тимов. || А к Ивану Цар(ь) корму послал л. 270. пят(ь) овец, да сорок хлѣбов, да два воза сѣна, да свечю велику вощаную.

А Ивану Кольчову, сказывают, в Крымѣ нечести и силы пѣт некоторые от крымцов, тол(ь)го бы которог(о) крымца Великог(о) Князя люди не зазамали, а Ивана Цар(ь) отпустиги хочет. А ждал от Великог(о) Князя гонца. А нагад, сказывают, крымцы добрѣ боится и сторожи у них на поле великие; зиму всю стерегли крымцы на поле, розставяс(ь) по дорогам, пят(ь)сот человекъ, переменяяс(ь) по мѣсяцем. А людем Цар(ь) не велѣл роз(ь)ѣзжат(ь)ся. А говорят так, что будго Цар(ь) хочет литовские земли воевати. А Миша с товарицы говорит, что им немочно итти воевати: люди худы и пѣши добрѣ. Бол(ь)шое, деп, боится Цар(ь) и крымцы нагаиског(о) приходу: тог(о) дѣля людем не велѣл роз(ь)ѣзжатис(ь). Да сказывал Сабак татарин: „Перед их поѣздом за пят(ь) ден, как они поѣхали ис Крыма, пришел из Асторокани || крымской л 270 об.

- татарин, а ѣхал в Асторокап(ь) с Чебаном царевичем“. И тот татарин сказывает, что был Мамай под Асторокап(ь)ю, стоял сем(ь) день, а с ним был Юсуп мырза: ходил опричным полком. А Кошум мырза с Мамаем под Азсторокап(ь) не пошел: с Мамаем в розни. И выходил из Азсторокап(ь) Чебан царевич крымской с асторокапцы, да Юсуп мырзу побил, да и самого, деи, Юсупа убил, и Мамай мырза от Асторокап(ь) пошел проч(ь), а кочует, деи, на сей сторону Волги—по Волзѣ. А Агыш, сказывают, с Мамаем в розни ж. А того, сказывают, не слышали, гдѣ Агыш кочует,—на сей ли сторону Волги, на той ли. И тот, деи, татарин крымской, что пришел из Асторокап(ь), сказал то пришедѣ царице Магмед Гирѣевѣ, что сынѣ еѣ в Азсторокап(ь) Чебан царевич здоров, и Юсуп мырзу нагайског(о) убил, и людей его побил,—и царица тому татарину дала сукно. А Миша, сказывает, слышел, что пошел Мамай мырза от Асторокап(ь) кочеват(ь) на старое на нагайское кочевнице на Теркѣ на реку под Тюмен(ь) подалос(ь) к Хвалдинскому морю. || А как Миша пошли из Крыму, всѣх их четыре человекѣ; и как пришли на конскую воду в четвертой деп(ь) от Крыму, а с ними осмеро лошадей, и тут их татаровѣ розгоняли,—они сами за реку пѣши перешли, а лошадей лед не поднял и они лошади пометали за рекою, и татаровѣ лошади поимали, а за ними за реку не полѣзли, а угадывают, что их розгоняли сторожи крымские, которые стерегут от нагай, да и того чают: нѣчто будет за ними погоня была. Из Крыму отпустили их Иван Колычов и Иван Семенов без царева вѣдома. А которые их люди розгоняли, тѣх было пятнадцат(ь) человекѣ. А князей нынѣ в Крымѣ: Мемеш княз(ь), Ширин-Довлет Бахты Барын, Адрахман княз(ь), брат его Булгак, Ахмет—паша Кулпков, Халил княз(ь), брат его паша мырза, Бибѣй мырза, Мансги мырза. Да из нагай пришел Тиниш мырз(а), и князи, деи, тог(о) Тениш мырзы просили у Царя, а хотѣли л. 271 об. его убить,—и Цар(ь) имѣ не дал. И после тог(о) || Цар(ь) посылал по князей, и князи к нему не пошли, а говорят так: „Тол(ь)ко нам не даш Тиниш мырзы,—и мы к тобѣ не идем“. А близко у Царя ни один княз(ь) не живет. А про Останю, сказывают, не слышали, а пришли, сказывают, после розгони, Миша с товарищы на первой ташлык от конской воды в пятинцу на зборной педѣме, да нашли, сказывают, стал,—люди стояли перед ними ден за пят(ь), за шесть. И тут, на стану том, покинуты двѣ короб(ь)и, а в них спуски штич(ь)и да кипы рѣзаны ужища, да рогожи, да и сани метаны и хомуты, да мешки холщовые. И они потому угадывают, что то Останя стоял да клался с саней на в(ь)юки. Да шли, сказывают, оттоле верстѣ с пят(ь) да нашли котлик покинут худ мѣдян и оттоле попошли,—ино порошка была пала; да учили сходит(ь)—ино ископыт(ь) и встрѣчу есть, и Миша с товарищы и тог(о) угадывают: л. 272. нѣчто, деи, будет их розгоняли. Да назавтрее, сказывают, нашли || слѣд пѣшег(о) человекѣ: шол от Крыму к Самару. Да как пришли к Самару на песок, и слѣд у них утерялся; а оприч(ь) тог(о), сказывают, на полѣ дороги не видали. А Ивана Семенова Цар(ь) в Крымѣ не хотѣл держати, а говорил Ивану Цар(ь): „Как, деи, отдѣлаеш(ь)ся, и ты мнѣ скажися, и яз тебя отпущу и проводников тобѣ дам до Великог(о) Князя украины“. И Иван, сказывают, живет в Крымѣ за Скиндерем, что Скиндер(ь) ис Кабы не ѣдетъ, а задержал(ь)я ему в Крымѣ нѣт. А про Шаусеин Сейтя Миша и Сабак сказывают,—в Крымѣ говорят, что ему в Казан(ь) назад не быват(ь); да слышели, сказывают, слухом, а допозна не вѣдают,—будто Сейт(ь) в Крымѣ жепился. А Якуш путивлец сказывал князю Миките. Как его княз(ь) Микита посылал оснес(ь) з дѣт(ь)ми з боярскими в вожѣх за татары в погоню, и дѣти боярскіе, дошед татар, полон у них л. 272 об. отполонили; и Якуш, проводив дѣтей боярских до украины, а сам воротился || был в

свои ухажал. И тѣ татаровѣ воротилис(ь) назад севрюков искали по ухажаем да того Якуша взяли, и привели ег(о) в Крым ко Царю. И Цар(ь), деи, на тѣх татар опалѣлся, которые его поимали: „Чег(о) для, деи, под Великог(о) Князя украину ходите и людей Великог(о) Князя имаете?“ Да у татар Якуша велѣл отняти, а у татар велѣл кони поотнимати и их пограбит(и), а иных, деи, татар велѣл казнить. А Яковца послал к Ивану х Колычеву, а приказал к Ивану: „Попал в руки моим татаром на украинѣ Великог(о) Князя человекъ,—и яз его у татар отнял, а на татар есмь ополѣлся и казнить их велѣл, чтоб вперед Великог(о) Князя людей на украинѣ не имали. И ты окуп(и) тог(о) Великог(о) Князя человекъ“. И Иван Царю отказал: „Отпустиш(ь), Господине, меня к моему Государю, и яз того человекъ откуплю, а нынѣ мнѣ его какъ о(т)-купити, коли яз собѣ отпуску не вѣдаю?“ И о(т)купил его Иван Семенов, а дал, сказывает, на нем 15 рублей. Да Миша ж и Сабак сказывают: „Как Мамай пошел к Азгосторкани, и от нег(о) утек и прибѣжал в Крым Ислам Салтан Магмед Гирѣев Царевъ сынъ и живет нынѣча || в Перекопи, а с ним приѣхало тол(ь)ко десят(ь) человекъ“. А л. 273. се грамота Ивана Семенова. „Государю, Великому Князю Васил(і)ю Ивановичу всея Руси, холоп твой Иванец Семенов челом бѣст. Бож(і)ю милостию и твоим Государьским здоров(ь)ем приѣхали есмь в Царь-Город августа 26,—а Салтана, Государь, в Царь-Городѣ нѣт. А были есмь, Государь, у Салтана на стану впервые августа 29 на италійской сторонѣ, верстѣ з десят(ь) от Царя-Города; а вдругие есмь, Государь, у Салтана был(и) на отпускѣ въ том же стану сентября 13. А всего есмь, Государь, в Царь-Городѣ были пят(ь) недѣль, а корму, Государь, нам давали дватцат(ь) ден, а из Царя-Города, Государь, отпустил нас Салтан сухим путем на Бѣл-Город сентября 30 и пристава. Государь, нам дал и кормъ нам по дорожѣ велѣл давати. И пристав, Государь, нам давал по дорожѣ корму непомногу. А в Бѣл-Город, Государь, приѣхали есмь октября тридцаты ж, а жили есмь, Государь, в Белѣ-Городѣ шесть недѣль,—дожидали Изкиндеря. А корму, Государь, нам в Белѣ-Городѣ не давали. А велѣл, Государь, Салтан Изкиндерю в Белѣ-Городѣ, || л. 273 об. взем янычан двѣсти человекъ, да па(сѣ) проводить до Перекопи, а крымскому, Государь, Царю, Салтан наказал с Скиндерем же, чтоб Царь послал своих многих людей проводить нас да и Изкиндеря до твоей Государьской украины. А сказывает, Государь, Изкиндер(ь), что Салтан послал его нынѣ не посол(ь)ством,—послал его рухляди купити; и рѣчи, Государь, от Салтана к тебѣ, Государю, сказывает за ним есть ж(е). А посла, Государь, своег(о) бол(ь)шег(о) Салтан к тебѣ, Государю, ялся ж прислати. И приѣхали есмь, Государь, в Перекоп(ь) декабря 21, а крымской Цар(ь) Сады Гирѣй в Перекопи. И Скиндер(ь), Государь, у Царя был да прибѣжал, Государь, ко мнѣ на подвор(ь)е, а говорил, чтоб мнѣ ко Царю итти. И яз, Государь, отговаривался мног(о) и Изкиндер(ь), Государь, говорил. „Мнѣ, деи, наказывал Салтан тобѣ говорити, чтоб ты у Царя был, а не быт(и), деи, тобѣ у Царя непригож: приѣхал еси въ его землю, а здѣсе тобѣ в Перекопи побыти. А естанетца какова притча или соромота пад тобою, а пристава у тебя нѣт, а яз ѣду в Манкуць побывати к собѣ в улус, и тобѣ тогда ко Царю как послати?“ А опосле тог(о), Государь, и сам Царь присылал по меня, и яз, Государь, у нег(о) был. А ѣдучи, Государь, к Перекопи, на дорожѣ || Изкиндер(ь) л. 274. нам говорил: „Не будет, деи, тобѣ жит(ь)я в Перекопи ни часу“. А нынѣ, Государь, из Перекопи отпуску собѣ не вѣдаемъ. Изкиндер(ь), Государь, поѣхал в Кабу к собѣ в улусъ, а Царь из Перекопи поѣхал в Киркор геваря 16. А после, Государь, Царя в Перекопи на базаре кликал бирич, чтоб, деи, казаки крымские ништо не от(ь)ѣзжал никуда, а готовилися б со Царем на службу, а были бы все люди готовы в Перекопи

- до Велика дни за мѣсяць. А будто, деп, Государь, крымскому итти на литовскую землю, а иные, Государь, говорят, что ему итти на пагаев, а полные, Государь, вѣсти нѣтъ. А сего лѣта, Государь, сказывают, у крымског(о) в Перекопи литовской гонец был, да и от волошского, Государь, сказывают, у пег(о) гончишко был. А что есмь, Государь, в Царѣ-Городѣ и в Перекопи вѣстей слышали, и мы, Государь, исписав да к тебѣ, Государю, список послали с твоими Государьскими казаки—с Мишсю с Тверитином и съ его товарищы, да с татаринном с Собаком, да з путивльцом съ Якушом з бортником февраля 14. А бортника, Государь, послали есмь тог(о) дня, что твои Государьские
- л. 274 об. казаки, сказывают, || ис Перекопи подем не бывали, а татарин, Государь, Сабак, сказывает, не знает жо. А хотѣли есмь, Государь, к тебѣ из Перекопи ранеѣ того послати, ино, Государь, доѣхати было немочно: стала студец(ь)—великие морозы. А из Царя-Города к тебѣ, Государю, не послали есмь твоих Государьских казаков потому, что было им немочно проѣхати. А сего лѣт(а) во Царѣ-Городѣ и по всем городом турским и по улусом было великое повѣтрес, а стало повѣтрес быти с Петрова дни, а то во Царѣ-Городѣ по всем городным воротом шишут. кол(ь)ко которог(о) дни из города людей вынесут и велика и мала. Ино, деп, на всяк депь вынесут из города тысячу двѣсти человекъ, а на иной депь бол(ь)ши тог(о)“ А и поѣхал Иван из Царя-Города, а повѣтрес от часу пуцает. А что список послал Иван Семенов о тамошнем хожен(ь)е, и тот список в книги не писал, а помѣчено на нем: лѣта да
- л. 275. ден(ь), да положет(и) тотъ список в турецкой ящик. || И апрѣля 27 дня писал к Великому Князю княз(ь) Микита Оболенской. что Иван Семенов пришел в Путивль и турецког(о) посол Скиндер(ь), а наперед себя Иван послал к Великому Князю Великог(о) Князя татар Курмана Кубердѣева сына с товарищы с грамотами. А отпустил их Иван от реки от Хорола. Да и грамоты княз(ь) Микита Ивана Семенова и Ивана Колычева переписав прислал к Великому Князю с Васюком с Резаловым.
- А се грамота Ивана Семенова,—а Ивана Колычева писаны в крымском ящикѣ. „Государю, Великому Князю Васил(1)ю Ивановичу всея Руси, холоп твой Иванен Семенов челом бѣет. Божию милостию и твоим Государьским здоров(ь)ем выѣхали есмь ис Перекопи в среду на страстной недѣле и подем есмь, Государь, до Хорола поздраву ж дошли. а послал, Государь, Царь проводити подем Изкиндеря да и нас Булгака князя, Адрахманова брата, да Тенебек мурзу || Урусакова сына Китая, а с ними, Государь, татар з двѣсте; а проводили, Государь, нас до Псла. А турецког(о) Салтана сказывают, Государь, во Царѣ-Городѣ. А крымской Сады Гирѣй в Кыркорѣ, а твой Государьской гонец Останя Андрѣев приѣхал в Перекоп(ь) февраля 20 (дня), а Кудедар приѣхал наперед его за ден(ь). И послали, Государь, в Кыркор ко Царю гонца часа того, и Цар(ь) прислал по Ивана по Колычева и по Останю, а велѣл имъ ѣхати в Кыркор к собѣ. И поѣхали, Государь, Иван и Останя ко Царю февраля 28, а ис Кыркора, Государь, марта 14 Иван Колычев прислал ко мнѣ твою Государьскую грамоту с твоим казаком з Баншем с Идайчиковым да ко мнѣ, Государь, грамоту прислал же. А после тог(о), Государь, марта 23, Иван же Колычев прислал ко мнѣ памятку с твоим Государьским татаринном з Бозиком. И яз, Государь, твою грамоту и памятку, да и свою грамоту послал к тебѣ, ко Государю, с Хорола с твоими Государевыми казаки с Курманом да с Куземкою с Налеговым и съ их товарищы. А что есмь вѣстей слышали в Перекопи и на поле, и мы, Государь, исписав да к тебѣ,
- л. 276. Государю, список послали. А (у) Искиндер(я) ||, Государь, каѣшцев Салтановых людей два идайбачина да осмьпатцат(ь) янычен и с толмачем, да Искиндеревых три чело-

вѣки, да с Скиндерем же три татарины крымские, да с ним же ѣдет из Царя-Города грекъ, Федором зовут, Юр(ь)ю Малому брат. А про Иванов, Государь, отпускъ и про Осташи вѣдома нѣтъ, а о всем, ден, к тобѣ, Государю, Цар(ь) отписал с Искиндерем; а наперед тог(о) послали ж есмь к тобѣ, Государю, не Перекопи на зборное воскресенье твоих государьских казаков—Мишу Тееритипова да татарина Сабака с товарицы и о всем есмь к тобѣ, Государю, с ними отписали же. А гостей, Государь, с Искиндерем каеинцов и турков и ормени человекъ з дватцат(ь)“ И Княз(ь) Великий послал в Нов-Городок Семена Чашникова А велѣл Ивану и Искиндерю быти в Новѣ-Городцѣ, а без своего им вѣдома ѣздити не велѣл и рухляд(ь) у Ивана и у Скиндеря и у гостей всю велѣл триести для повѣтря, а Ивану Семенову велѣл Княз(ь) Великий к собѣ отписати, как ето к Салтану приход, || и какова была ему там честь от Салтана, и что л. 276 об. ему корму давали И маія (?) Иван Семенов прислал тому своему тамошнему хожец(ь)ю список. (Помѣта въ текетѣ и на ярлыкѣ: „сего списка послана въ высокій кабинетъ копия при доношении ассессора Семена Иванова 31-го декабря 1739 году“). А се список, что прислал Иван Семенов с Русиню с Козляниновым. „Лѣта 734 (1523) августа 26 Великог(о) Князя посол Иван Семенов пришел к Царю-Городу, да стал Ареиз корабленой меж Царя-Города и Галаты. И Иван Семенов послал в город наперед себя с коробля татарина Келдиша да казака Куземку Налетова к Аяз пашѣ о подвор(ь)е, чтоб велѣл подворие дати. И с татариню с Келдишем и с Куземкою вмѣсте к Ивану приѣхали на карабль Салтановы чеуши Гайрадин да Мурат да говорили Ивану: „Государя нашег(о) Сулемен Салтана нынѣ в городѣ нѣтъ, а поѣхал Государь нашъ на потѣху тому ден з десят(ь), а про тебя, господине, нам вѣсти не было, потому, господине, Государь нашъ против тебя и вѣрѣчу не послал. И Аяз || паша, господине, л. 277. послал нас против тебя, а велѣл намъ у тебя в приставех быти и подвор(ь)е, господине. тобѣ нам велѣл дати“. Да пытали чеуши Ивана о здоров(ь)е, а Иван их пытал и руку им дал. И с коробля с Иваном ѣхали приставове к Скели в одном сандале, а от Скели до подвор(ь)я под Ивана и под Русина подавали свои лошади и до подвор(ь)я чеуши Ивана проводили, и Русина, и сокол(ь)ника, и толмача, и казаков, и татаръ всѣх по подворіем изставили И тог(о) дни корму Ивану не дали, а говорили Ивану приставовѣ: „Чтоб есп. господине, пожаловал,—нынѣ о корму не подивил:вѣсти, господине, про тебя не было, потому, господине, на тебя и корму не собрали, а нынѣ, господине, позно,—корму на тебя собрати немочно“. Того ж (д)ни приѣхали к Ивану на подвор(ь)е от Аяз пашы Салтановы толмачи—Мустоен драгамаи да Чебан, а говорили Ивану. „Аяз паша велѣл тобѣ челом ударити, да велѣл о Государском здоров(ь)е пытати“, || да и о Иванаове здоров(ь)е пытали, а Иван их пытал о Салтанове здоров(ь)е, а л. 277 об. опосле о пашинѣ и о их здоров(ь)е. Да говорили Ивану толмачи, чтоб Иван ѣхал к Аяз пашѣ на подвор(ь)е с пашею видѣтис(ь) и о Государском дѣле с ним переговори: „Зап(е)же, господине, здѣ обычай таков,—от которог(о) ни буди Государя посол придет к нашему Государю, и тому, господине, послу первое быти у паш, да Государское дѣло с пашами переговрити. И пашы, господине, скажут Салтану то ж, господине: (и) Государь нашъ вслит у себя послу быти; а то, господине, у Государя нашег(о) бол(ь)шие люди Ибреим паша да Аяз паша и дѣла бол(ь)шие всѣ на них лежат; как Салтану они придумают,—и Салтан так и учинит, а мы, господине, за добродѣтел(ь) то дружи и здѣшней обычай сказываем, а которые, господине, Государя вашего и наперед сего Государя нашег(о) бывали—Василей Коробов и иные,—и мы, господине, по тому дружили, а они, господине, нас за то жаловали“. Да

- д. 278 говорили толмачи Ивану пристойно, чтоб Иван наперед к нашим ѣхал: „А тол(ь)ко, господине, ты наперед у нас не будешь и тобѣ || у Салтана и долго не быти и дѣла Государского не здѣлать“. И Иван имъ отвѣчал: „Послал меня Государь мой к Государю вашему и рѣчи миѣ велѣл говорить брату своему, Сюлемен Салтану,—и миѣ к нашим чего для ѣхати на двор(ь)е? Велик миѣ Салтан у себя быти, и из ему от своег(о) Государя и рѣчи говорю, а нашим миѣ Государя своег(о) рѣчи как говорить? А был посол Государя вашего у Государя нашего Скиндер(ь), и он грамоты подал и рѣчи говорил самому Государю, а бояром своим Государь нашъ не велѣл у него рѣчей слушати. Сам Государь рѣчей его слушал“. А приставовѣ чеуши Мурат и Гайрадин того ж дни да и на завтра в четверг по тому ж Ивану говорили накрѣпко, чтоб Иван о Государьском дѣле ѣхал к Аяз пашѣ на двор(ь)е: „А не поѣдеш, господине, к нашим на двор(ь)е, и тобѣ у Салтана не бывати ни в шесть мѣсяць“. И д. 278 об. Иван чеушем отвѣчал тѣмъ ж рѣчи, что и толмачем, а к нашим не поѣхал. || А на третей ден(ь), в пятницу, приѣхав приставовѣ Ивану говорили: „Сегодня, господине, ѣхали тобѣ к Салтану в стан и ты, господине, буди готов, и которая ружья(ь) у тебя на кораблѣ, а к завтра будет надобна, и ты еѣ вели имать, а мы в ту пору шед под тебя суды изготовим да часа тог(о) по тебя будем. А завтра рано быти тобѣ у Салтана, а хочет Салтан завтра ж ѣхати на свое дѣло, тебя отпустят, да быти там Салтану мѣсяца с полтора, а тобѣ его дождят(ь) здѣс(ь) в городѣ“. Да того ж часу приставовѣ по Ивана приѣхали, а за ними привели аргумаки и Иван Семенов и Русин ѣхали к Скелю на аргумакахъ с приставы вмѣсте, а морем ѣхали приставовѣ с Иваном в одномъ сандале. И того дни к Салтану не носѣли в стан, а начевали за новым городком в улусе, у море на берегу, не доѣхав Салтанова стану версты за три или за чегыре. Августа 29 встав рано до зори приставовѣ да поѣхали с Иваном к Салтану в стан и наѣхали д. 279 Салтана на Бехков бахчѣ на иголѣйской сторонѣ, в вразе, меж горами, а турки || зовут то мѣсто Государской врагъ и тут в Салтановѣ стану стоит шатров с полтораста. И привели приставовѣ Ивана до середи стану рано на зорѣ, близко Салтанова шатра, и тут приставовѣ велѣли Ивану сѣсти. А сам Салтан живет во дворѣ, тут у нег(о) дворец царяжан. А как розсвело гораздо, ож ѣдут люди нарядны в бархагах на аргумакахъ мимо Ивана к Цареву шатру челоуѣкъ с тридцат(ь) или с сорок, и как передние люди приѣзжалот против Ивана, и приставовѣ почали Ивану говорить накрѣпко: „Встал(ь), Ибреим паша ѣдет“, и Иван не встал, а молыл: „Молоди люди ѣздят, а миѣ против ково вставали?“—И приставовѣ Ивана за плече имают и говорят. „Встан(ь), Ибреим паша ѣдет, а то у Государя нашего бол(ь)шей челоуѣкъ, пригож тобѣ против его встати и челом ударит(ь)“. И Иван пропустил многие люди, и как будет против Ивана Ибреим паша,—и он наперед Ивана в седлѣ приподылся и поклонился, и приставовѣ чеуши Ивану молвили. „Ибреим паша тобѣ челом ударил“, и Иван по тому ж против д. 279 об. наших приподылся || и поклонился по турецки ж. И приѣхав Ибреим паша близко к Салтанову двору и спод с аргумака да пошел в шатер, а приставове чеуши за ним же пошли. И мало погодя, приставове пришед к Ивану в стан да говорили Ивану „Послал нас Государь наш Сюлемен Салтан по тебя, а велѣл тобѣ к собѣ ити“. И пришел Иван к тому ж шатру и у шатра велѣли приставовѣ послати ковер, да тут Иван мален(ь)ко посидѣл, и велѣли приставовѣ Ивану в шатер пойти, а сказали в шатрѣ Салтана; и вшел Иван, а Салтана в шатрѣ нѣтъ, а сидит в шатрѣ Ибреим паша да назначѣй Аббисалом. И против Ивана Ибреим паша встал да пытал Ивана о Государском здоров(ь)е и о его здоров(ь)е, а Иван против пытал его о Салтановѣ здоров(ь)е и о его здоров(ь)е.

И посадил Ивана Ибреим паша против себя, да говорил паша Ивану: „Что, господине, с тобою дѣло и наказ от Государя вашего к нашему Государю, и ты, господине, говори с нами и мы то дѣло скажем своему Государю“. И Иван пашѣ молвил: „Послал меня Государь мой к вашему Государю || и рѣчи мѣ велѣл говорить брату своему, Сюлемен Салтану, и велит мѣ Салтан у себя быть и яз ему от своего Государя и рѣчи говорю, а тобѣ мѣ Государя своего рѣчи как говорить?—а был посол Государя вашего у Государя нашего Скиндер(ь). и онъ грамоты подал и рѣчи говорил самому Государю, а бояром своим Государь нашъ не велѣл у него речей слушать. Сам Государь рѣчей его слушал“. И Ибреим паша Ивану молвил: „И ты, господине, малец(ь)ко посиди, а яз иду к своему Государю тебя скажу и ты, господине, уже ж у Государя нашего будешь“. И как вышел Иван из шатра, сѣл на коврѣ, и в шатер принесли к паше на мисе ѣсти из Салтановы поварни, да ѣвши паша пошел к Салтану. И вышел от Салтана из полатки толмач Мустоѳа, да пришел толмач Ивану говорил: „Государь пашѣ Сюлемен Салтан велѣл тобѣ к собѣ идти“. А отрич(ь) толмача. Ивана не встрѣтил ни проводил никто, а приставовѣ чуши остались у Салтанова шатра, а посторон(ь) Салтановы полатки сидит человекъ з десят(ь) в бархагах: адабаши и чуши || л. 280 об. и хадымы. И как Иван пришел близко их, и они против Ивана встали и поклонилис(ь) потурски. И вшел Иван к Салтану, а он сидит на своем мѣсте, а у него Ибреим паша да казначей и даяк Аббисалом, да у дверей капицѣи баши. И велѣл паша Ивану пойти к Салтану к руце, а опосле того Иван от Государя Салтану поклон правил и поминки являл по записи, и посол(ь)ство правил, и грамоты подал, а взял посол(ь)ство и грамоты Ибреим паша, а посол(ь)ства правил Иван три стат(ь)и, а одной стат(ь)и еще не правил. И Ибреим паша у Ивана рѣч(ь) переял, а говорил паша Ивану: „Иные Государские рѣчи с нами переговорилис(ь) и мы их Государю скажем“; а самъ Салтан не проговорил к Ивану ни одного слова ни х которой рѣчи. И вышел Иван от Салтана, а приставовѣ стоят у Салтанова шатра, а в кою пору Иван был у Салтана, а в ту пору приставовѣ велѣли шатер поставить и проводили приставовѣ Ивана в шатер, а за Иваном пришел в шатер толмач Мустоѳа переводит(ь) посол(ь)ства || и грамот(ь); да л. 281. перевод посол(ь)ства и грамоты перед Иваном да пошел толмач к Ибреим пашѣ, а поминки Великог(о) Князя велѣли приставовѣ у казаков взять Салтановым янычаном. И Иваловы поминки поимали янычанѣ ж, да зашел янычанѣ стали против дверей Салтановы полатки, и Салтан на поминки смотрит из-за людей, а с Иваном вмѣсте поминки у Салтана не были; а как Иван от Салтана вышел, и в ту пору к Салтану поминки пришли, а корму Ивану явили в стану присгавовѣ от Салтана: колачъ да рыбу шеврягину сухую, да на дву блюдех втры, да на дву ж блюдех ягоды затинные соленные, да ягоды изюм, да арбузы и дыни; да тут же в шатер приходили к Ивану приставове, а говорили Ивану от пашы: „Велѣл, господине, тобѣ говорить Ибреим паша“: „Поѣд(ь), господине, ко мѣ в стан да там || с тобою переговорим Государские дѣла“, а Ибреим л. 281 об. паша в ту пору у Салтана, и Иван чушем отвѣчал: „Ибреим паша готов на Салтановѣ дворѣ, а яз здѣс ж готов и яз иду в Салтанов шатер да тут с нимъ говорю Государские дѣла, а в стан ми к пашѣ чего деля ѣхати“. И приставовѣ к Салтанову двору ходили, да того ж часу пришел в другие, говорили Ивану пристойно от пашы, чтоб Иван к пашѣ в стан ѣхал. Да говорили Ивану чуши: „У Государя нашего такова пошлина,—от которых Государей у него послы ни бывают, и они, дей, ѣздят к пашам на подвор(ь)е да говорят дѣла Государские у них на подвор(ь)е, и пашы тѣ дѣла доносят до Салтана, зап(е)же пашы у Государя нашего бол(ь)нице люди и все

- дѣла Государьские на них лежат: как они придумают, и Салтан так и учинит“. И Иван чеушем отвѣчал: „Был посол Государя нашего у Государя нашего Скиндер(ь) и он дѣла Государьские говорил со Государя нашего бояры на Государьском же дворѣ, а к бояром не ѣздил по подвор(ь)емъ Государьского для дѣла“. И приставовѣ ходили на Салтанов двор к Ибреим пашѣ от Ивана с отвѣтом. И Ибреим паша с приставами
- л. 282. к Ивану отвѣчал: „А коли, || ден, ты ко мнѣ в стан не ѣдеш, и мнѣ до тебя дѣла нѣтъ, а тобѣ до меня“. И молили приставовѣ Ивану: „Да коли, господине, к пашѣ не ѣдеш(ь), и ты, господине, поѣд(ь) в город“. И дали приставовѣ под Ивана и под Русина свои кони и ѣхал Иван да Русин к сандалу на конех, а приставовѣ шли перед Иваном до судна пѣши и ко Царю-Городу ѣхали приставовѣ с Иваном в одном сандале, а от Скелп до подвор(ь)я ѣхали приставовѣ с Иваном на орумахѣх. Да говорили приставовѣ и толмач Чебан Ивану на подвор(ь)е: „Велѣл, господине, нам Государь нашъ Сюлемен Салтан тобѣ говорити, —которая у тебя будет рухляд(ь) добрая, соболи и лисицы черные, и шубы бѣл(ь)и добрые, или будет иная какая рухляд(ь) добрая, и Государь нашъ велѣл нам у тебя взяти да к собѣ принести—посмотрити, а что ся Государю полюбит, и Государь нашъ велит тобѣ за то ден(ь)ги заплатит(ь)“. И имали у Ивана
- л. 282 об. Великог(о) Князя рухледи соболи и цки лис(ь)и все и шубы бѣл(ь)и || и Иванову рухляд(ь) имали ж к Салтану смотрит(и), да принесли назад, а на Салтана не купили ничего. Сентября 12 приѣхав приставовѣ к Ивану на подвор(ь)е, да говорили Ивану: „Сегодня, господине, тобѣ быти у Салтана в стану, да то тобѣ, господине, и отпущѣ, и мы, господине, шед да под тебя суды изготовим, да по тобѣ часа [того] будем“. И ѣхали приставове с Иваном к Скелп на конех, а морем ѣхали приставовѣ с Иваном до стану в одномъ же сандале. И приѣхав в стан после полден и того дни Иван у Салтана не был. И поставили Ивану в стану шатер, близко Салтанова шатра, да тут Иван и начевал. И того ж дни в стану приходил к Ивану Андрѣян грек от казначѣя и от діака Салтанова от Аббисалом, а говорил Андрѣян Ивану: „Велѣл, господине, тобѣ Аббисалом говорити“: „Наша, ден, господине, пошлинна есть и ты б, господине, нас не забыл; а наперед того послы бывали у нашего Государя от Государя нашего и
- л. 283. они, господине, нам пошлину давали и ты б, господине, нас не покинул же“. || „Да пригож, господине Иван, тобѣ его почествовати, зан(е)же, господине, он у Салтана ближней человекъ и дѣла Государьские бол(ь)ше на нем лежат. А не почтиш, господине, его,—ино, господине, и дѣлу не здѣлатца“. И Иван Андрѣяну отвѣчал: „Яз от своего(о) Государя послан не пошлин уставливати, а дѣлают Государьские дѣла приказные люди не посулов для, а будет к нам его дружба и добродѣтел(ь) и мы против за себя не стоим, а Государьского для дѣла мнѣ чего для посулы давати“. И Андрѣян Ивану отвѣчал: „Аббисалом, господине, говорит: и тол(ь)ко, ден, меня посол не почтит, ино, ден, и дѣлу не здѣлатца, и велѣл мнѣ на послѣ взяти карабленные налоны каѣнской и царегородской и все пошлины с рухледи азовские, и каѣнские, и царегородские“. И Иван отвѣчал: „В(о) всех землях с посулов пошлины нѣтъ, а нынѣ был Салтанов посол у Государя нашего Скиндер(ь), —ино с него пошлины Государь нашъ не велѣл же имати, да и вперед на послѣх пошлины не будет, ано и не посол был у Государя нашего.
- л. 283 об. ты, Андрѣян, с Салтановою грамотою, и Государь нашъ и на тобѣ пошлин(ы) || имати не велѣл же, а на мнѣ велит Салтан взяти карабленные налоны и с рухледи пошлину, и яз все оплачу, а ему мнѣ от того посулов не давати“. И Андрѣянъ молил: „И Аббисалом, господине, говоритъ—тол(ь)ко, ден, меня посол почтит, и яз, ден, ему от Салтана выберу поминки добры, а тол(ь)ко ж меня не почтит, и яз послу отберу поминки худы“.

И Иван молю: „Яз прислан Государского дѣла дѣла, а не поминков дѣла, а посулов мнѣ оттого не давати“. А после Андрѣяпа пришел к Ивану пристав Мурат чеуши, а говорил Ивану: „Велѣл, господине, тобѣ Салтан молют(ь)“: „Аббисалом у меня человек ближней, дѣак и казначѣй и зят(ь) и ты мѣся дѣла его почти, пѣчто ему пошли“. И Иван отвѣчал: „Коли Государь говорит, и мы Государя дѣла, что ея у нас лучит, и мы ему поплем“. И приѣхав в город, послал ему Иван шубу горнастанну. Да того ж вечера в стану явили Ивану корму 4 бораны, 10 куров, 70 хлѣбов, да дыни и арбу || зы и л. 284. игоды зятинные соленые и пизом. А на завтраѣ, сентября 13 дня, в стану Ибреим паша проѣхал из своего стану к Салтанову двору рано мимо Иванов шатер, и помотчав мало из Салтанова шатра приставовѣ чеуши Мурат и Гайрадин пришли к Ивану в шатер, а за ними принесли от Салтана Ивану жалован(ь)е и велѣли приставове Ивану итти к Салтану челом ударити на жалован(ь)е. И близко Салтанова шатра велѣли приставове послати ковер да тут Ивана посадили, а посидѣв мало, велѣли приставовѣ Ивану пойтти к Салтану, а сами приставовѣ осталне(ь) у Салтанова шатра, а с Иванов шел к Салтану толмач Чебан, а оприч(ь) толмача Ивану стрѣчи и проводов не было. А Великог(о) Князя людей с Иванов у Салтана были Русин, да толмач, да татарин Келдиш, да под(ъ)ячей, а иных не пустили. И вшел Иван к Салтану, а Салтан сидит на своем мѣсте, а у нег(о) Ибреим паша || да Аббисалом; и к Салтановѣ ружѣ л. 284 об. водили Ивана—Ибреим паша да толмач Чебан, и тут у Салтана Иван говорил: „Государские дѣла еще иные неговорены и намъ их здѣсе говорити?“. И Ибреим паша перед Салтаном Ивану отвѣчал: „Которые еси рѣчи Салтану говорил от своег(о) Государя, и из, деи, тобѣ ужже тому отвѣт дам, а будет у тебя еще иные Государские рѣчи не говорены, и яз с тобою ужже переговорю в Салтановѣ шатрѣ“. И тут Иван Салтану и челом ударил, а не проговорил Салтан к Ивану никагова слова. И вышел Иван от Салтана и посадили приставовѣ Ивана на том же мѣсте. А после Ивана Ибреим паша да Аббисалом у Салтана были долго, и Аббисалом вышел наперед в Салтанов шатер, а Ибреим паша после его был у Салтана долго и вышел Ибреим от Салтана в шатер, а в шатрѣ Салтановы спаги немногие люди. И принесли к пашѣ на трех мисах ѣствы из Салтановы поварши, а что было людей в шатрѣ и тѣ все, вышел, посѣдѣли перед шатром человекѣ по пяти и пошли вмѣсте. И перед тѣх людей в мѣстех в трех и в четырех ѣств || поставили ж по одной мисе, а Изкипдер(ь) вышел из шатра, да отшел л. 285. съл далече. Да как паша ѣл, и после тог(о) приставовѣ чеуши—Мурат и Гайрадин и толмач Чебан пришли из шатра от Ибреим пашы по Ивана, а велѣли Ивану итти в шатер к пашѣ. И вшел Иван в шатер, а с пашею сидит Аббисалом; и паша против Ивана встал да посадил Ивана против себя и Иван с пашею говорил Государские дѣла по Государскому наказу. И паша о всех Государских дѣлах Ивану отвѣт дал словом, а запись отвѣтны паша Ивану не дал. Да говорил Ивану паша: „О всех, деи, о тѣх дѣлах Государь нашъ отпишет к вашему Государю в своей грамоте с тобою, а как грамоту напишут, и яз еѣ к тобѣ пришло“. И прислал Ибреим паша Салтанову грамоту к Ивану на подвор(ь)е с Чебаном с толмачем, и о той грамоте, Государь, что укажет, как велит еѣ к собѣ прислати? А писана грамота сербским языком, слова в ней русские многие, а прочесть еѣ не умѣем. || Да говорил Иван пашѣ, чтоб Салтан послал к л. 285 об. Великому Князю своего посла доброг(о) человека, которой бы жил близко при Государе и дѣло бы ему меж Государей л(ь)зѣ было дѣлати. И Ибреим паша отвѣчал: „Хочет Государь нашъ часа тог(о) послат(ь) к вашему Государю бол(ь)шого посла добраго своег(о) человека, и о тѣх о всех дѣлах к Государю к вашему Салтан с своим послом

- отпшет же, а нынѣ Государь нашъ посылаетъ Изкиндеря с тобою вмѣсте з деп(ь)гами соболей купити, да и тебя проводитьи, а не посол(ь)ством“. А в Белѣ-Городѣ, Государь, и на дорожѣ от Бела-Города идучи к Перекопи, Изкиндер(ь) говорил в речи и не одиново.
- „Нынѣ, деи, яз иду не посол(ь)ством, послал, деи, меня Салтан з деп(ь)гами ружмеди купити да и тебя проводитьи, а рѣчи, деи, от Салтана к Вашему Государю за мною не великие“.
- А приѣхав из Каѣы в Перекоп(ь), перед поѣздом, Изкиндер(ь) говорил: „Прислал ко миѣ Государь мой гонца со многими грамотами, а иду нынѣ от Государя к Государю с великими дѣлы“. || Да с Скиндерем крымской татарин Хозя Карамыш самъ третей, а сказывал Изкиндер(ь), что за ним ко Государю и рѣчи есть. А се запись(ь) Иванова ж Семенова: „Приѣхал Иван в Царь-Город августа 27, а в Царѣ-Городѣ повѣтрее, а гостей и торговых людей, и казаков, и татар, и наших людей в Царѣ-Городѣ не стало многих. А изо Царя-Города Иван поѣхал сентября 30, а повѣтрее в Царѣ-Городѣ еще велико, а на дорожѣ от Царя-Города до Бела-Города наших людей не стало четырех человекъ, а в Бѣл-Город Иван приѣхал октября 30. А сказывают в Белѣ-Городѣ повѣтрее было ж, да уняло(ь) до Ивана; и о Филиповѣ заговениѣ в Белѣ-Городѣ не стало в Ивановѣ караванѣ дву человекъ: да с тѣх мѣсть, дал Бог, в Ивановѣ караванѣ все люди поздорову, скорбь некоторая не бывала ни на какова человекъ. А Изкиндер(ь) наѣхал Ивана
- л. 286 об. о Веден(ь)сѣвѣ дни в Белѣ-Городѣ, а поѣхал из Царя || Города после Ивана въ дватцатой день и при нем. сказывает, повѣтрее стало уиматца И Салтан, деи, в город въѣхал и отпустил, деи, меня, Салтан из города. А в Перекоп(ь) Иван приѣхал перед Рождеством Христовым, в понедѣл(ь)никъ, да в Перекопи зимовал. И в караване в Ивановѣ, дал Богъ, все люди в Перекопи зимовали поздорову. И подем дошли до Государские украины поздорову ж, да и до сѣх мѣсть, дал Богъ, все люди здоровы, а сказывают в Перекопи и в Каѣѣ повѣтрее было ж, да уняло(ь), сказывают, с осени рано, задолго до Иванова приѣзда“. А сей список прислал Иван Семенов крымских вѣстей, да Иван же прислал список кормовой, и тот список дан казначѣю Петру Головину. „Лѣта 721в (1524) февраля 15 дня в Перекоп(ь) от волошского пригонил гонецъ, а крымской Цар(ь) в ту пору в Кыркоре И того ж часу волошского гонца отпустили к Царю. А говорили, деи, в Перекопи ага яныченской и иные турки, что волошской
- л. 287. крымскому прислал с тѣм нагайские, деи, мырзы, || агыш з брат(ь)ею, присылали посла к литовскому королю о том, чтоб имъ корол(ь) отдал Ашихмата, Царя бол(ь)ше орды: „И тол(ь)ко деи нам отдаш Шахмата, и Царь, деи, да и мы будем с тобою в крѣпкой дружбе и поидем на крымскую орду заодно Корол(ь)! пошли к Очакову судовую рат(ь), а Шахмет Царь пойдет к Перекопи и к Крыму, да крымскую орду розорим, а города, деи, Царю непадобе, а Очакова и Ислама поступитца тобѣ, королю, а чтоб, деи, нашего недруга да твоего, крымской орды, меж нас не было“. И корол(ь), де, Шахматца Царя нагайским мырзам отдал. Да в Перекопи ж говорили: „Крымской, деи, Сады Гирѣй посылал к Салтану о том, чтоб Салтан послал к волошскому, чтоб, Салтана для, волошской [с] Сады Гирѣем был по тому ж, как был волошской наперед тот(о) с Магмед Гирѣем с крымскимъ“. И туретцкой к волошскому посылал: „О чем, деи, еси с моим Сады Гирѣем с крымским не в дружбе“? И волошской, деи, прислал гонца к Сады Гирѣю, Салтана для, а писал, деи, воевода крымскому: „Похочешь, деи, со мною быти в дружбе, и ты б ко миѣ прислал Малгита Аталыка князя черленог(о),
- л. 287 об. а иного бы еси мимо его ко миѣ [не] посылал“. || Марта 22 из Царя—Города в Перекоп(ь) пригонил гонца и того ж часу отпустили его к Царю в Кыркоре, а говорили турки и ормена меж собою. „Прислал, деи, туретцкой к крымскому о том, чтоб еси жил

бережно и князем бы еси своим и мурзам и татаром никакову челоуѣку от(ь)ѣзжат(ь) не велѣл, а во Царѣ, деи, нынѣ Городѣ велика нынѣ замятия от туретцког(о), деи, Салтана отложила ся Мисюр(ь) и всѣх, деи, городов и пригородков мисюрских отложило(сь) от Салтана 68 городов, а держит, деи, нынѣча Мисюр(ь) Ахмат паша, что был от Салтана Салчаком на Мисюри. Да послал, деи, Ахмат паша и вся земля мисюрская х Кызылбашу, чтоб, деи, еси пошел на туретцког(о) часу тог(о), а Мисюр(ь), деи, твоя отчина перед тобою⁴. Марта 23 Иванъ Семенов и Искиндер(ь) выѣхал из Перекопи да стали на поле от Перекопи вереть с пят(ь). И тог(о), деи, дшн ь Ивану Искиндер(ь) приказывал. „Сего, деи, дшн прислал ко мнѣ сынѣ грамогу из Царя-Города, || а л. 288. писал ко мнѣ, что Салтановы хозяев(а) многие люди царегородцы и иных городов пошли были к Осподио гробу и мисюрицы, деи, тѣх людей не пропустили, и Государь нашѣ послал отвѣдывати, чег(о) дѣля тѣх людей не пропустили и кто не пропустил. А к Мисюри Государь наш послал своих паш и салчаков со многими люд(ь)ми, а велѣл им тог(о) мѣста беречи. А самому деи Салтану на сей веснѣ итти на угорског(о) короля, на литовског(о), деи, короля Салтан отрядил своих салчаков многихъ, а с ними сорок тысяч(ь) да и х крымскому, деи, Сади-Гирѣю Салтан писал, а велѣл ему итти на литовског(о) ж короля⁴. Апрѣля 1, ѣдучи на поле, говорил с Иваном Булгак княз(ь) да в розговорѣ к речи приговорил: „Туреской, деи, нынѣча, писал к нашему Государю, чтоб Цар(ь) пошел на литовского короля: „А будет, деи, у тебя людей мало,—и яз к тобѣ людей пришлю⁴, и Салтану, деи, нынѣча к нашему Государю людей послати || л. 288. об. своих чел(ь)вѣ и самому, деи, ему недосуг. Взял был Салтан ѳрязской город Родос и ему нынѣча со ѳрязы великая бран(ь), да еще ему с Мисюр(ь)ю нынѣча ж страшная великая бран(ь)⁴. И Иван молил: „А с Мисюр(ь)ю какой брани быти—Мисюр(ь) Салтанова земля?⁴. И Булгак молил: „Была его, а нынѣча меж их великая бран(ь)⁴. И апрѣля 3 на поле ж говорил Ивану Искиндер(ь): „Государь нашѣ, Сюлемси Салтан, прислал ко мнѣ з гонцом в Перекоп(ь) грамоты о многих дѣлех, и яз нынѣча иду от своег(о) Государя к вашему Государю с великими дѣлы⁴. Апрѣля 5 на ареле сказывал Ивану Искиндер(ь). „Вечере, деи, приходили к нам два челоуѣка из Перекопи, а ходили, деи, нашею ж сапмою, а не видали, сказывают, никакова челоуѣка, а сказывают, что х крымскому Царю пришла вѣсть после нас. что литовской корол(ь) послал к Очакову Остро(ж)ског(о) с конною рат(ь)ю, а Дашковича Днепром судовою рат(ь)ю, а шел, деи, Дашкович к Днепру из Черкасов Конскою Водою. || И крымской, л. 289. деи, Царь нынѣ со всѣми люд(ь)ми стоит за Днепром на Конской Водѣ. по обѣ стороны, а дожидает Дашковича: как поворотит назад, и Царю его не пропустит(и). А орменя, деи, говорят меж себя: „Литовская, деи, сила Очаков розорила, а взяли, деи, его в два дни, да пошла, деи, литовская сила конная и судовая к Белу-Городу. а силы, деи, литовской конной и судовою ж (80000)⁴. А Булгаков княжкой челоуѣк говорил с русаки. „Дашкович, деи, пошел к Очакову Днепром, а с ним судовые рати сорок тысячъ, а Острожской, деи, пошел берегом, а с ним конной сорок же тысячъ, а розорив, деи, Очаков да быт(ь), деи, сказывают, имѣ в Перекопи, и тол(ь)ко, деи, пойдут, и они, деи, всѣ городки крымские поемлют, а Царь, деи, нынѣ в Перекопи, а князи и всѣ люди выбил к Очакову к Днепру на берег⁴. || л. 290.

Лѣта 724 (1524) июн(я) (?) приговорил Княз(ь) Великій з бояры, что ему время велѣти к собѣ ѣхати из Нова-Городка Ивану Семенову сыну Брюхову и туретцкому послу Скиндерю. И послал Княз(ь) Великій в Новый Городок Ивашка Прокудина, а приказал с Ивашком к Ивану к Семенову, чтоб Иван поѣхал к Великому Князю на

- подводах, а Ивашку Прокудину велѣл ѣхати с Искиндерем вмѣстѣ и кормъ ему по дорозѣ ѣдучи велѣл давати, а коня и иноходца Княз(ь) Великій к Скиндерю с Ивашком не послал тог(о) дѣля: писал к Великому Князю Иванъ Семенов, что на отпуске Ивану говорил Ибреим паша: „Тебя Салтан отпускает к твоему Государю, а с тобою посылает к Великому Князю своег(о) человекѣ Скиндеря, а не посол(ь)ством посылает его: тебя проводит и купити на себя, что потребная“. А в Крымѣ говорил Скиндер(ь) Ивану, что его Салтан послал к Великому Князю посол(ь)ством,—и Княз(ь)
- л. 290 об. Великій поговорил з бояры: „Там Ивану || пашы говорили от Салтана, что Скиндеря Салтан посылает к Великому Князю не посол(ь)ством, а он сам сказывается, что идет посол(ь)ством. Ино тому вѣрити, что пашы говорили, а тому не вѣрити. что Скиндер(ь) говорил“. Да тог(о) дѣля, поговоря з бояры, иноходца и коня к нему не послал, а велѣл ему тол(ь)ко кормъ давати ему и на ег(о) люди да подводы ему велѣл дати. И как Скиндер(ь) приѣхал на Москву, и Княз(ь) Великій встрѣчу к нему пристава не послалъ, а велѣл с ним ѣхати в город и на подвор(ь)е его поставить Ивашку Прокудину. И велѣл Княз(ь) Великій Изкиндерю быти на дворѣ и посылал по нег(о) на подвор(ь)е Ивашка ж Прокудина. И как приѣхал Скиндер(ь) на дворѣ и взошел на переднеѣ крыл(ь)цо, и Княз(ь) Великій послал его встрѣтити Шыгону Поджогина, да діака своего Труѣана Ил(ь)ина, да Володимера Торокапова поминков
- л. 291. дѣля. А в другой стрече велѣл его встрѣтити въ бруся || ных сенѣх Васил(ь)ю Яковлю, да Елизару Цыплятеву, да Мен(ь)шому Путятину. И как вшел к Великому Князю, и явил его Великому Князю челом ударити Василей Яковль. Искиндер(ь) правил Великому Князю от Салтана поклон, да подал грамоту, и Княз(ь) Великій звал его к руцѣ, и велѣл ему сѣсти, и звал его к собѣ ѣсти. И Скиндер(ь) не ѣл у Великог(о) Князя, отговорился тог(о) дѣля, что тогды было их говѣино, и с медом Княз(ь) Великій за ним не посылал, и велѣл ему Княз(ь) Великій итти в набережную полату, и высылал к нему Федора Карпова, Шыгону Поджогина да діака своег(о) Мен(ь)шого Путятина, а велѣл ему говорити: „Государь наш велѣл тобѣ говорити“: „Наперед сего присылал к нам Салтан тебя ж Изкиндеря, а приказал к нам, что с нами в дружбе и в братствѣ хочет быти; и мы хотя с ним быти в дружбѣ и в братствѣ, посылали
- л. 291 об. к нему своег(о) бол(ь) || шег(о) посла, доброго своег(о) человекѣ Ивана Семеновича. И послу нашему Ивану от Салтана говорил паша его Ибреим, что Салтан с нами в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и посылает к нам своег(о) бол(ь)шег(о) посла великог(о) человекѣ, а Скиндеря посылает проводить Ивана, чтоб ему без страху итти и на себя, что потребная купити, и от Салтана с тобою к нам каков приказ ест(ь) ли?“ И Скиндер(ь) говорил: „Государь нашъ и ныне с Великим Князем в дружбѣ и в братствѣ хочет быти и послал меня вмѣстѣ с Иваном, а со мною послал к Великому Князю грамоту, а в грамоте в своей то ж писал, что в дружбѣ и в братствѣ с Великим Князем хочет быти: и послы бы и гости на обе стороны ходили без зацѣпки и зауморков бы не было, а того яз не слыхал, чтоб Ибреим паша Ивану говорил, что Государь наш хочет послати к Великому Князю своег(о) бол(ь)шег(о) посла“. И Федоръ
- л. 292. с товарищы Скиндерю говорили: || „Государь наш с которыми Государи в дружбѣ и в братствѣ, ино межи их грамоты утверженные; и наперед того, коли ты был у нашего Государя, и тогды тобѣ от Государя о том говорили ег(о) бояре, и ты говорил: „Пошлет Государь к Салтану своег(о) посла, и там у Салтана то дѣло здѣлают же“. И Государь наш послал своег(о) бол(ь)шег(о) посла, и там Государя нашего послу о том слова никакова не было, как им быти в дружбе и в братствѣ, и с тобою пак(и)

ныне о том каков приказ ест(ь) ли? Как Салтану быти со Государем нашим в дружбѣ и в братствѣ, и каким межи их крѣпостем быти?^а И Скиндер(ь) говорил: „Со мною приказу от Государя от моег(о) никоторог(о) нѣтъ, oprичь тог(о), что послал со мною Государь мой грамоту к Великому Князю^а. И Княз(ь) Великій велѣл ему того дни ѣхати на подвор(ь)е. А се грамота Сюлеман шах Салтанова к Великому Князю с Иваном с Семеновым: „Силы находец, Суйлеман шах Солтан, Салим шах Царев || сынѣ. л. 292 об. Милостию Божиею яз Великій Царь и сил(ь)ный Государь, всѣм землям приморским и по сушиным и по всяким странам знаем, и дал(ь)ним землям господинѣ, и Царем Царь, и Государем господинѣ, первая земля поперек—много земля румская и уруская, еще караманская, и анатол(і)йская, и роман(і)йская, и перская, и Мисюрю славному и сил(ь)ному, и всей земли арапской и иным многим землям Господинѣ. Пишет высота царства ми во всем почтенному и всякой ч(ес)ти и славам достойному и Богомъ Господем подарованному и славному нашему доброму приятелю, Князю Великому, Государю земли московской, и владимерскому, и болгарскому, и пермьскому, и иным многим землям восточным Государю и Князю Великому и славному многое здравие и порадование в веселиѣх, аки нашему приятелю и доброму суседу. Потом вѣдомо буди благородствию твоему, что на сех временах к честным вратом царства ми прислаг еси || посла своег(о) почтеннаго благородства ти, именем л. 293. Ивана—Семеновича, и он дошел животом и здравіем до царства ми вмѣсте с нашим послом с Искндерем Испаги Угланом, и что благородствіе твое послал приятел(ь)-ских рѣчех приятел(ь)ским путем о здравіе и о животе поновляючи и торгу для, как есть было наперед тог(о) писано в грамотах и что в посол(ь)ствѣх было наказано и в грамотах писано, будучи з Божием хотѣніем и помилованіем,—и тѣ реченныя пословѣ в добром счаст(ь)и суг(ь) дошли в добром часу. И узнали есмя все сполна, что за приятел(ь)ство и за любов(ь) и единѣ другому въ правой дружбѣ быти и добраг(о) живота ради от обѣих странах живота и здравия по истиннѣх и по правдѣх вел(ь)ми, яко непоколебимо, держати и мир и любов(ь) межи обѣма нами, держанія ради добро мыслити. Да будет во всем по тому и то есть всезнатно царства ми. || Тако л. 293 об. же да есть вѣдомо благородствию твоему, что царство мое на предречепнем приятел(ь)-стве и на стал(ь)ѣ, как есмя поставили клятву и вѣру, и нынѣ на том стоим. И еще бол(ь)ши тог(о) стоим и клятву поновляем и вѣру крѣпче учинили. Также опят(ь) заповѣд(ь) здѣ царства¹⁾ мое(го), как есмя имали наперед сего закон по хотѣн(і)ю и по мол(ь)бѣ вашне милости, закон и приятел(ь)ство да будет межи нами, как есть было межи нас обоих, так же и нынѣ по тому да будет. И как было людем торговым промежи обѣих странах торгѣмъ и всяким путем ходити и отходить, и товаръ продавати, и ходили и отходили безо всякой неволи и зла и обиды, по тому бы и ныне, на сех временах, да ходят и отходят и торгом да торгуют всяким. А никоторые забавки и похищеп(ь)я да не будет от наших людей в обѣих странах. А которому челоуѣку Божиим хотѣніем случится смерть, а что у лег(о) понаидеся товару по обычаю, да напи || шегся на список и да положится в сумках за пѣчал(ь)ми в л. 294. казну или ипдѣ в добром мѣстѣ, доколева обвестится племяни. Как похотят дойти з грамотами обѣих стран, и тот товаръ да отдается. А инако да не будет. Так вѣдомо буди благородствию твоему. Та(к)же в сех временах вышереченный посол благородства твоего къ честным вратом царствія нашего дошел и руку царства ми целовал

¹⁾ въ рукописи: царство мос.

- и законъ посол(ь)ства по закону старому довершил и на меръ поставил и назад по велѣн(и)ю царства ми оправився пошел. И з Божиимъ хотѣшем и повелѣн(и)ем животом и здравием до благородія твоег(о) да доидеть и со благородствием твоим да ся сстанут. Также да вѣсть благородствіе твое, что вышереченный посол благородія твоег(о), яко ж слышел царствія моего, что, сею идучи отгуду, в пѣкосѣ вѣси некимъ людем
- л. 294 об. земским неколико поговорил и межѣ || себя и межѣ их свар был, и одинъ одного межѣ себя тутю пушкою уморил. Также межѣ иныхъ людей, некоторыхъ зверей ловячи по полем, и они у нихъ имали вел(ь)ми до досады. И того ради хочетъ царство мое, о томъ обыскав, и тѣхъ людей, до закона доведши, казнити. О томъ хочетъ царство мое вел(ь)ми тѣхъ показнати, какъ и благородствіе твое услышит. Такъ же да будетъ вѣдомо благородствію твоему, что и рѣч(ь)ми говорилъ царству моему предреченный посолъ благородія твоего, что ныне хочешь да и впередъ воля благородія твоего хотѣти вѣчнаго ради приятел(ь)ства и любви ради. И вѣдома для челоувѣкъ благородія твоего на всяко время да будутъ. И коли посла похочешъ прилучити, да ся уполучетъ по законному обычаю. И товаръ всякой похочетъ показати,—и здѣшнимъ людемъ торгъ имъ да будетъ, какъ есть и у
- л. 295. благородія твоего. О томъ благородствіе твое навѣдомо паки отъ насъ, и иные || рѣчи на уста скажетъ предреченный посолъ благородію твоему. Писана и дапа септября двадесятдевятый, на мѣсте славномъ и стол(ь)немъ Царс-Граде“. А се грамота Салтанова къ Великому Князю съ Скиндеремъ. „Силы находецъ Суйлеманъ шагъ Солтанъ, Салимъ шагъ Царевъ сыгъ Милостію Божіею язъ Велий Царь, и сил(ь)ный Государь, и Великій Государь, и великій амиръ, Султанъ Суйлеманъ ханъ, и всѣмъ землямъ приморскимъ и румскимъ, и караманскимъ, и анатолискимъ, и романѣйскимъ, и перскимъ, и мисюрскимъ, и всей землѣ арапской и инымъ многимъ землямъ Государь. Пишетъ высота царства ми во всѣмъ почтенному и всякой ч(ес)ти и славѣ достойному и Богомъ подарованному и нашему
- л. 295 об. доброму приятелю и сусѣду Великому Князю || Васил(і)ю, Государю московскому, и болгарскому, и владимирскому, и сиверскому, и инымъ многимъ землямъ восточнымъ Государь и Великому Князю многое поздравленіе и весел(і)е благородствію твоему, аки моему доброму приятелю. Потомъ вѣдомо буди благородствію твоему, како в сѣхъ временахъ благородствію твоему пригодства и приятел(ь)ства и любви ради и межѣ нами обѣма которая есть любов(ь) и приятел(ь)ство, поновленія ради и крѣпости, и непоколебимо дѣлаючи, послалъ своег(о) посла почтепнат(о), аки вел(ь)ми ближнат(о) слугу, по имени Ивана. И что благородствіе твое в грамоте писалъ, и рѣч(ь)ми царствію моему с нашимъ знаменитымъ посломъ Искиндеремъ приказывалъ на знат(ь)е и на вѣдан(ь)е, какъ то было между нами обѣма приятел(ь)ство и любовь, тог(о) ради мы, принявъ прошен(і)е благородствія твоег(о), какъ было между обѣма нами приятел(ь)ство и любов(ь) напередъ сег(о), до сѣхъ мѣстъ, и в грамотахъ писано и утверженой мир
- л. 296. поставленъ, такъ же и нынѣ || и впередъ межѣ нами обѣма да будетъ в первыхъ и в нынѣшнихъ грамотахъ. И какъ еси приказывалъ къ намъ с посломъ благородства твоего, чтобъ и в нынѣшнихъ временахъ между нами обѣма, какъ было напередъ того живот и приятел(ь)ство,— да и нынѣ поновится, ясно заключится. И люди бы ваши и наши торговые да ходятъ животомъ и здравіемъ, водами и землями со всякимъ торгомъ и с посломъ и своею волею да ходятъ, и да будутъ в бережен(ь)е и въ борони, какъ было в нашемъ царствіи при дѣде и при отце при упокойникехъ [въ прежнихъ] временѣхъ. Такъ же и во времена царства моего да будетъ, а инако да не будетъ никакому челоувѣку ни зацѣпки и заман(ь)я безъ опыту. И никто да не имат(ь) власть всякой челоувѣкъ в житіи царствія моего во временахъ сихъ кому ког(о) обидети. Но да будутъ паки торговцы с обе сто-

роны, с торгом и з другим дѣлом, которые приходят и отходят, како хотят, и по своей волѣ торгуют и купьствуют и продают. || И аще которому челоуѣку смерть л. 296 об. прилучится, а останется у нег(о) рухляд(ь),—и никакову челоуѣку въ ег(о) рухляд(ь) не вступитис(ь), ни грабити, но да будет сохранена за печат(ь)ю та рухляд(ь). А коли придут с обѣ стороны в кой ден(ь) запечатаног(о) възыщут имѣн(ь)я, полно да отдастся лицом от обѣх стран,—ниже да оставит, ни возмет лишка ни одной ден(ь)ги, паки тѣм чином отворотив назад, и пошлют ко господину товару с вѣрющею грамотою от обѣх стран, коли ни придет. Тако ся да знает и учинит, от царства моег(о) велико такое повелен(і)е и хотѣн(і)е ест(ь), так бы ся держати, как ест(ь) реч(ь)ми по грамотам вѣрющим и заповѣдь в книгах записана и печат(ь)ю царствія моего запечатано. Паки тако да ест(ь) и требует быти. Тако и благородствіе твое в вышереченных записанных и завязанных да стоит, и непоколебимо да будет на том стояніи и подержаніи, как тому достоит и пригож быти, со всеѣм сердцем и со всеѣм || хотѣн(і)ем и обычаем веселым и любовным путем. На том стояніе да будет благородіе твое. И да не убавит благородіе ти ни едино от сих. А что посол благородства ти, по имени Иван, иже ест(ь) пришел посол(ь)ским путем с Царским приятел(ь)ством, с нашим послом в одном мѣсте до царства моег(о) заедино дошли и посол(ь)скій пут(ь) по закону и путем дошли приятел(ь)ским и посол(ь)ским, кой ест(ь) был закон,—по чину на мѣсто донес и свершил [и] благо, со всеѣмъ царства ми красным и добрым путем. Тамо также и ко благородству ти красным путем послан и добрым благосовѣтием послан от врат царства ми, добрем благосовѣтием тамо послан со всеѣм животом и здравіем къ благородству ти послан. И з Божиим хотѣніем и повѣленіем до благородства ти животом и здравіем да дойдет ко здравію благородствія твоег(о) паки тот же посол царства ми Искндер(ь), раб царства ми, его ж послал есмь сам посол(ь)ским путем до благородія твоего,—паки любве ради ег(о) сам есмь послал заедино с послом благородія || твоег(о). И что учнет благородію твоему, что с ним наказано, как учнет л. 297 об. говорити благородію твоему, и благородіе бы твое ему вѣрил, понеж(е) сут(ь) рѣчи благород(і)я моег(о). Также царство мое с Искндерем предреченным нѣколько аспрь тамо в землю благородствія ти послал, яко да купит кожи, шуб для от всякого чину царства моег(о) ради, а там да ми купит кожухи на готовые аспры. О том да учинит так благородство твое. Также бы предреченный посол благородствія моег(о) да будет убережен и оборенен от всякого зла. И колико похочет время тамо побыти, доволѣ восхочет сполна тое рухляди найти и изволятис(ь) по нашему наказу, как есмь ему наказали купити, и посол(ь)ство посол(ь)ствовать,—потом его да пошлете к нам. А как наше дѣло допозна исправит и посол(ь)ствует, и благородіе бы твое, как уже он захочет сам торговати, тогда благородіе твое да пошлет благородіе твое на купованіе всякой рухляд(и) единого челоуѣка, которой бы знал всяког(о) товару || купованія. И о л. 298. том царствіе мое хочет имѣти великое благодареніе, аки моему доброму приятелю и доброму сусѣду. Так буди вѣдомо благородію твоему. И скол(ь)ко уже захочет и денег ставет, тол(ь)ко рухляди да купит. Инако да не будет царствія моег(о) прошен(і)е и мол(ь)ба“.

Да выслушал Княз(ь) Великій грамоты Салтановы, что Салтан прислал с Иваном с Семеновым и Скиндерем, да говорил з бояры, что ему Скиндеря к Салтану отпугстити, а с ним своег(о) доброго челоуѣка послати не пригож, тог(о) дѣля, что Салтан бол(ь)шого посла не прислал и с Искндерем приказу от него нѣт, каким межи их крѣпостем быти. А послати с ним рухляди дѣля молодог(о) челоуѣка, что Иван оставил рухляд(ь) во Царѣ-Городѣ Великог(о) Князя. И сентября (?) велѣл Княз(ь)

- л. 298 об. Великій Скиндерю быти на дворѣ. И как Скиндер(ь) на двор приѣхал, || и Княз(ь) Великій к нему выслал с отвѣтом Федора Карпова, да Шыгону, да діаков меп(ь)шот(о) Путятина, да Труоана Ил(ь)ина. А се отвѣт Искиндерю Отвѣт Великог(о) Государя Васил(і)я, Божією милостію Государя всея Руси и Великог(о) Князя, Сюлемен шах Салтанову Скиндерю Сакѣ. Шыгона говорил: „Великій Государь Василей, Бож(і)єю милостію единъ правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь и Великій Княз(ь), велѣл тобѣ говорити“: „Прислал к нам брат нашъ, Сюлемен Салтан, вмѣсте с нашим послом с Иваном тобя Скиндеря, и говорил еси нам от Сюлемен Салтана, что с нами в дружбѣ и в братствѣ [хочет быти по
- л. 299. тому ж, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ || отецъ его, Салим шах Салтан, а нам бы с ним по тому ж быти в дружбѣ и в братствѣ, и люди бы наши меж нас на обе стороны ѣздили здоров(ь)я нашего видѣти, да и гостем бы нашим на обе стороны пу(ь) был чистъ без всякие зацѣпки, и зауморком бы на обе стороны не быти. А в грамоте в своей Салтан с нашим послом с Иваном и с тобою то ж к нам писал. И как мы были в дружбе и в братствѣ с отцем съ его, с Салим шах Салтаном, и брат нашъ, Салим шах Салтан, писал к нам в своих грамотах, как есть пригож нашему Государству. А ныне которые грамоты привез к нам ты от Сюлемен Салтана, и в тѣх грамотах Сюлемен салтан писал к нам не по тому, как есть пригож нашему Государству“.
- Шыгона ж говорил: „Великій Государь велѣл тобѣ говорити“: „Да говорил нашему
- л. 299 об. послу Ивану Ибреим паша, что Салтан о братствѣ и о дружбѣ посылает || к нам своег(о) бол(ь)шег(о) посла. И ты от нас молви брату нашему Сюлемен Салтану: мы с ним в дружбѣ и в братствѣ хотим быти по тому, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ отецъ его, Салим шах Салтан. А он бы по тому ж с нами был в дружбѣ и в братствѣ и в грамотах бы в своих писал к нам, как естъ пригож нашему Государству, по тому ж, как к нам писал отецъ его, Салим шах Салтан, да и люди бы наши меж нас ѣздили нашего здоров(ь)я видѣти, да и гости б наши на обе стороны ходили без всякой зацѣпки, и зауморков бы на обе стороны не было. А как будег у нас его бол(ь)шей посол, и мы о тѣх дѣлах о вѣх велим переговорити съ ег(о) послом, и о братствѣ и о дружбѣ покрепим. А нынѣ тобя отпускаем к брату своему, Сюлемен Салтану, а посылаем с тобою к Салтану свою грамоту“.
- Мен(ь)шей говорил. А ся запис(ь) в отвѣте Скиндерю не дана. „Великій Государь велѣл тобѣ говорити“: „Да
- л. 300. говорил || еси нам от Салтана, чтоб нам с Саип Гирѣем царевичом, которог(о) наши измѣнники казанцы, нам измѣнивъ, в Казан(ь) взяли, помиритис(ь). Ино и Салтану то гораздо вѣдомо, что изначала на тот юртъ Царей сажаем мы из своих рук. И мы з Божією волею и ныне хотим держатися того ж обычая“.
- Меп(ь)шой ж говорил: „Великій Государь велѣл тобѣ говорити“: „Да посылаем с тобою вмѣстѣ к Салтану своих людей торговых Алексѣйка Можаетинова, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина; да велѣли есмя Ивану Семенову послати своег(о) человек(а) Шемета. И как, дастъ Бог, будеш у Салтана, и ты от нас Салтану молви,—которую есмя свою рухляд(ь) послали с своим послом с Иваном с Семеновым на нѣкоторые свои потребы. и посол нашъ Иван нашу рухляд(ь) оставил во Царѣ-Городѣ. И Сюлемен бы Салтан к той рухляди
- л. 300 об. тѣм нашим людям || велѣл дати своих купцов по тому ж, как мы здѣс(ь) велѣли дати тобѣ купцов. И велѣл бы ту нашу рухляд(ь) продати и купити нам, что погребная, а мы к Салтану с своими люд(ь)ми, в своей грамоте о том пишем, а с тобою о том к Салтану свою грамоту посылаем жо. Да чтоб тѣм нашим людям по брата нашего городом от брата нашего людей неч(ес)ги и силы никоторые нигдѣ не было, и пошлии

бы с тѣх людей нѣкоторых не имали. Да во Царѣ бы Городѣ брат нашъ с тѣх людей пошлин имати не велѣл, зан(е)же мы их посылаем о своих дѣлех“. И выслушав отвѣт, Скиндер(ъ) говорил: „Говорили есте в отвѣте, что говорил Ибреим паша Ивану, что Салтан посылает ко Государю своег(о) великот(о) посла. И Государь мой послал меня посол(ъ)ством, а о бол(ъ)шем послѣ слово не бывало“. И Федоръ ему с товарищи говорили: „Скиндер(ъ), || присылал тебя наперед того Салтан к нашему Государю л. 301. посол(ъ)ством, чтоб Государь наш с Салтаном был в дружбѣ и в братствѣ. И Государь наш тогда высылал к тебѣ говорити бояр своих, что с Салтаном в дружбе и в братствѣ хочет быти, да и о том велѣл с тобою говорити своим бояром, каким грамотам межи Государя нашего и Салтана быти о дружбе и о братствѣ. И ты говорил, что с тобою о том не приказано, а ныне от Салтана Государя нашего боярину о том слова нѣкоторог(о) не было. И в грамоте тог(о) Салтан ко Государю нашему не писал, да и с тобою о том, сказываеш, приказу нѣт. Ино что Салтанова дружба, и как ему быти с Великим Князем?“ Скиндер(ъ) говорил: „Государь наш, Сюлемен Салтан, и ныне со Государем вашим хочет быти в дружбе и в братствѣ, а о том дѣлати со мною не наказано. Послал со мною грамоту и яз то доvez“. || л. 301 об.

И Федоръ с товарищи ему говорили: „И нынѣ Государь нашъ тебя к Салтану отпускает, а к Салтану посылает с тобою свою грамоту“. Да Искиндер(ъ) же говорил: „Говорили есте мнѣ о Казани, что Казан(ъ) юртъ изначала Государя вашег(о). Ино Саип Гирѣй Цар(ъ) присылал ко Государю нашему себѣ весны бити челом, а заложился за Государя нашего: и то юртъ Государя нашего, и Княз(ъ) бы Великій к Казани рати не посылал“. И Шыгона ему говорил: „Посылал Саип Гирѣй Цар(ъ) к Салтану, — ино то он вѣдает, а то изначала юртъ Государя нашего“. И Скиндер(ъ) жо говорил: „Да говорили ми есте в отвѣте, что Государь наш к вашему Государю писал не по пригожу в своей грамоте, ино что непригож(е)ство?“ И Шыгона ему говорил: „Наперед тог(о) писал || ко Государю нашему отец ег(о), Салим шах Салтан, и опослѣ пак(и) л. 302. тог(о) Сюлемен Салтан писал ко Государю нашему по пригожу, как есть пригож Государю нашему“. И Скиндер(ъ) говорил: „Яз того не вѣдаю, что будет непригож писано и не так, как Государю пригож. А что есте в отвѣте говорили, что Княз(ъ) Великій с нами вмѣсте посылает своих людей да Иванова человекъ Семенова с нами ж вмѣсте посылает тог(о) дѣля, что Иван оставил рухляд(ъ) Великот(о) Князи во Царѣ-Городѣ, — ино вел(ъ)ми добро, и Государь бы Княз(ъ) Великій написал о том к Салтану грамоту, а рухляд(ъ) готова, дана на неѣ полата, а ключ у Ивана у Семенова. И ког(о) Государь пошлет к Салтану своих людей, да и Иванова человекъ пошлет, и мы тѣх людей до Салтана допроводим и силы им и неч(ес)ти от Государя нашего людей не будет“. Да и отпустил Княз(ъ) Великій Скиндеря. А в приставех с Искиндерем поѣхал Ивашко Прокудинъ. || А во Цар(ъ)-Город послал Княз(ъ) Вели- л. 302 об. кій с Скиндерем своих торговых людей Алексѣйка Можаетинова, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина. А Ивану Семенову велѣл Княз(ъ) Великій послати к рухляди своег(о) человекъ. И послал Иван своег(о) человекъ Шемета. А Княз(ъ) Великій с Скиндерем к Салтану послал свою грамоту, а о рухляди с своими люд(ъ)ми Княз(ъ) Великій к Салтану послал грамоту ж. А се грамоты к Салтану съ Скиндерем. А поѣхал Скиндер(ъ) на Путивль да на Крым, а Доном просился, и Княз(ъ) Великій ег(о) Доном не пустил: нѣкоторое прозябло слово от Скиндеревых людей и от сторон- [нихъ], что Скиндер(ъ) послан смотрити мѣсть на Дону ставити город, и того дѣля Доном не пущен. || л. 303.

„Богъ нашъ Троица, иже преже вѣкъ сый и ныне есть, Отець и Сын и Святый Духъ. Великій Государь Василей, Божією милостію единый правый Государь всея Рус(и), и иным многим землям восточным и сѣверным Государь, и Великій Князь(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, пековскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, пермьскій, вятскій, болгарскій и иныхъ. Сюлсмен шах Салтану, Государю костянтинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и наталѣйскому, и римскому, и караманскому, и румскому и иныхъ земел(ь) Государю и брату и доброму приятелю. Посылали есмя к тобѣ своег(о) посла Ивана Семенова сына Морозова и ты нашего посла Ивана к нам отпустил, а с ним прислал еси к нам Скиндеря, а в грамоте в своей к нам писал еси с нашим послом с Иваном, и словом еси отказал нашему послу Ивану, и с Скиндерем еси к нам в своей грамоте то ж писал, что с нами в дружбе и в братствѣ || хочеш быти по тому ж, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ отецъ твой, Салим шах Салтан, а нам бы с тобою по тому ж быти в дружбѣ и в братствѣ. и послы б наши межи нас ходили на обе стороны нашего здоров(ь)я видѣти, да и гостем бы нашим на обѣ стороны пут(ь) был чистъ безо всякие зацѣпки, и зауморков бы на обѣ стороны не было. Да говорил нашему послу Ивану паша твой Ибреим, что ты вмѣсте с нашим послом с Иваном послал к нам Скиндеря о нѣкоторых о своих потребах, а бол(ь)шег(о) своег(о) посла к нам о дружбѣ и о братствѣ посылаещ часа того. И ты б к нам послал своег(о) посла, и был бы еси с нами в дружбе и в братствѣ по тому ж, как с нами был в дружбѣ и в братствѣ отецъ твой, Салим шах Салтан. А мы с тобою по тому ж в дружбе и в братствѣ хотим быти, как с нами был отецъ твой, Салим шах Салтан, и послы б наши межи нас ходили на обе стороны нашего здоров(ь)я видѣти, да и гостем бы нашим на обе стороны пут(ь) был чистъ безо всякие || зацѣпки, и зауморков бы не было на обе стороны. А как будет у нас твой бол(ь)шей посол, и мы тогда о всѣх о тѣх дѣлах с твоим бол(ь)шим послом велим говорити своим бояром, и о дружбе и о братствѣ тогда покрѣпим, и вмѣсте с твоим бол(ь)шим послом пошлем к тобѣ тогда своег(о) бол(ь)шег(о) посла. А ныне послали есмя к тобѣ вмѣсте съ Скиндерем своих торговых людей Алексѣйка Можаятина, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина, а с ними вмѣсте велѣли есмя послати послу своему Ивану Семенову своег(о) человекѣ Шемета тог(о) дѣля: посылали есмя свою рухляд(ь) с своим послом с Иваном на нѣкоторые свои потребности, и ты нашего посла Ивана вборзѣ к нам отпустил, и он тоѣ рухляди продати не успѣл. И Иван говорил пашѣ твоему Аязу, чтоб той рухляди велѣл указати во Царѣ-Городѣ мѣсто, гдѣ та рухляд(ь) положить. И Аяз паша велѣл Мурат(у) чеушу указати мѣсто ту нашу рухляд(ь) положить и взяти велѣл ту рухляд(ь) Мурат(у) чеушу. || И посол нашъ Иван ту нашу рухляд(ь) во Царѣ-Городѣ оставил, а отдал еѣ Мурат(у) чеушу, да и список тоѣ рухляди Иван послал с Муратом к Аяз пашѣ, и Аяз паша тот список дал казначѣю твоему и дяку Аббисалому. И как до тебя дойдут тѣ наши торговые люди Алексѣйко и Мурза и Опаля, и ты б к той нашей рухляди тѣм нашим людем велѣл дати своих купцов по тому ж, как мы велѣли здѣс(ь) дати Скиндерю своих купцев, что тобѣ купити потребная, и велѣл бы еси тѣм купцом ту нашу рухляд(ь) продати и купити нам, что потребная, а пошлии бы еси в своих городех на тѣх наших людех нѣкоторых имати не велѣл, зан(е)же мы их послали о своих потребах. И как ту нашу рухляд(ь) изпродадут и купят, что нам потребная, и ты б тѣх наших купцов Алексѣйка и Мурзу и Опалю велѣл к нам отпустить, и проводить бы еси их велѣл до наших украин, чтоб им здорово и без страху дойти до

наших украин. А что будет тобѣ которая потребная в наших государствѣх понадобится, и мы || тобѣ также хотим дружбу свою держати. Писан в нашем государстве. л. 305. в нашем граде Москвѣ лѣта 4314 (1524) сентября мѣсяца“. А се грамота к Салтану с торговци с Олексѣем с Можаетиновым с товарищы. Имена в крузѣх по тому же. как съ Скиндерем в грамоте. „Посылали есмь с своим послом с Иваном с Семеновым свою рухляд(ь) на пѣкоторые свои потребности, и ты посла нашего Ивана к нам вборзе отпустил, и посол нашъ Иван тоѣ рухляди продати не успѣл. И говорил Иван твоему пашѣ Аязу, чтобы велѣли указати мѣсто, гдѣ та рухляд(ь) положить и кому еѣ беречи. И Аяз паша велѣл ту рухляд(ь) взяти у Ивана Мурат(у) чеушу и мѣсто ей велѣл указати, гдѣ та рухляд(ь) положить. И посол нашъ Иван ту нашу рухляд(ь) оставил во Царѣ-Городѣ, а дал еѣ Мурат(у) чеушу, да и список || тоѣ рухляди Иван л. 305 об. послал к Аяз пашѣ с Муратом. И Аяз паша тот список дал твоему казначѣю и діаку Аббисалому. И мы ныне с сею своею грамотою послали к тебѣ своих торговых людей Алексѣйка Можаетинова, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина, а послу своему Ивану Семенову велѣли есмь с ними вмѣсте послати своег(о) человек(а) Шемета. И как до тебя дойдут тѣ наши люди с сею нашею грамотою, и ты б к той нашей рухляди тѣм нашим людям велѣл дати своих купцов по тому ж, как мы здѣс(ь) велѣли дати Скиндерю своих купцев купити тобѣ, что потребная. И велѣл бы еси тѣм своим купцем ту нашу рухляд(ь) продати и купити, что нам потребная, а пошлин бы еси в своих городѣх на тѣх наших людех имати не велѣл. зан(е)же мы их послали о своих потребах. А что будет тобѣ которая потребная в наших государствах понадобится, и мы тобѣ также хотим дружбу свою держати. А как ту нашу рухляд(ь) изпродадут || и купят, что нам потребная, и ты б тѣх наших л. 306. купцов Алексѣйка Можаетинова с товарищы велѣл к нам отпустить и проводить бы еси их велѣл до наших украин, чтоб им здорово и без страху дойти до наших украин. Писан в нашем государствѣ в нашем градѣ Москвѣ лѣта 4314 (1524) (?) сентября“. И на подворье говорил Скиндер(ь) приставу Ивашку Прокудину: „Чтоб мнѣ извѣстил Иван Шыгона и діакъ Мен(ь)шой, что непригож Салтан писал к Великому Князю“. И Князь(ь) Великій велѣл к нему послати запис(ь), что непригож(е)ство. А се запис(ь).—„Иван Шыгона и діакъ Мен(ь)шой велѣли тобѣ сказати“: „Приказал еси к нам, что мы тобѣ говорили в отвѣте от Великог(о) Государя, что Государь ваш Сюлемен || Салтан писал к нашему Государю не так, как есть пригож л. 306 об. Государю нашему и как писал отецъ его, Салим шах Салтан, ко Государю нашему, и нам бы тобѣ сказати, что непригож(е)ство. И наперед сего отецъ его, Салим шах Салтан, писал ко Государю нашему в своих грамотах Государю нашему „братом“, а нынѣ в тѣх грамотах, которые грамоты ты привез от Салтана ко Государю нашему, Сюлемен Салтан „брата“ Государю нашему не писал,—то непригож(е)ство Государю нашему“. И поѣхал Скиндер(ь) с Москвы (?) сентября, а в приставѣх поѣхал съ Скиндерем Ивашко ж Прокудинъ. || И лѣта 4315 (1525) прислали к Ивану к Семенову гра- л. 307. моту его люди Шемет с товарищы из Каѣы, которых людей своих послал Иван Семенов с Скиндерем во Царѣ-Город отдавати рухляд(ь) Великог(о) Князя. А в грамоте писали, что Скиндер(ь) Великог(о) Князя людям Алексѣю Можаетинову с товарищы великую соромоту чинил: и плат(ь)е и ден(ь)ги на них имал, да и с Ивановых людей шубы и зубы рыб(ь)и имал, а которых извощиков с нимъ отпустили казначѣи с Москвы, а ему было их отпустить без заѣпки совсѣм к Москве,—и он тѣх людей в Каѣѣ продал. И Князь(ь) Великій говорил з бояры: „Колн Искиндер(ь) над

- Великог(о) Князя люд(ь)ми такоу соромоту учинил, и он пѣчто учнет которые непригожие рѣчи Салтану или пашам говорити,—и Великому Князю пригож к Салтану послати своег(о) человекѣа з грамотою тог(о) дѣля, чтоб тѣх людей, которых продал
- л. 307 об. Скиндер(ь), Салтан доискался да велѣл отдати. А пѣчто Скиндер(ь) Салтану || учнет которую безлѣищу говорити, и Салтан бы ему по тому не вѣрил⁴. И послал Княз(ь) Великій к Салтану з грамотою своих татар служилых: в головах Кудояра Карачева сына Мурадинова самово пятого с товарицы, а до Азова с Кудояром же вмѣсте послал Княз(ь) Великій своег(о) казака Собаку Небол(ь)сина самово ж пятог(о) съ товарицы. Да в Азовѣ Собакѣ с товарицы велѣл Княз(ь) Великій остатис(ь) дѣля тамошних вѣстей, да каковы будут вѣсти, и Княз(ь) Великій тогды Собакѣ велѣл к собѣ ѣхати из Азова, а Кудояру саму пяту ѣхати во Царь-Город. А се такова грамота
- л. 308. послана к Салтану с Кудояром. А государства писаны в крузех. || „Присылал еси к нам своег(о) человекѣа Скиндеря и мы к тобѣ Скиндеря отпустили, а с ним вмѣсте послали емя к тобѣ своих людей Олексѣйка Можаетинова, да Мурзу Черного, да Опалю Кузмина с своею грамотою, а писали емя к тобѣ в своей грамоте, что посылали емя рухляд(ь) с своим послом с Иваном на пѣкоторые на свои потребности. И ты бы к той нашей рухляди велѣл дати своег(о) торговца, кому на нас купити, что нам потребная. И здѣс(ь) нам сказывал посол наш Иван, что еси к той нашей рухляди продати и купити нам, что потребная, велѣл дати Саку Скиндеря. И тогды Сака Скиндерь к нашей рухляди купцов не привел, кому та рухляд(ь) купити, и что было надобе на наши потребности, и он тог(о) не купил, а ты посла нашего Ивана к нам вборзѣ отпустил. И паша твой, Аяз паша, на ту нашу рухляд(ь) во Царь-Городѣ дали по-
- л. 308 об. лату да и ключ тоѣ полаты дали послу нашему Ивану; и мы с тѣм ключем || с тѣми ж с своими люд(ь)ми с Олексѣйком с Можаетиновым, да с Мурзою, да с Опалем Кузминым велѣли послу своему Ивану вмѣсте с Скиндерем послати своих людей, кому та рухляд(ь) тѣм нашим людям отдати. А иных наших людей Скиндер(ь) на Москвѣ понаймовал ѣхати с собою до Каѣы, а взял их у нашего казначѣя на свои руки. что ему их из Каѣы однолично отпустить, а лиху над ними некоторому никак не быти, а отпустить их всѣх назад советѣм. И ныне к нам приѣхали из Крыма гонцы от Сайдет Гирѣя Царя, а с ними к нам приѣхали наши торговые люди, которые были в Каѣѣ, и которые были в Крымѣ. И тѣ наши люди нам сказывали, что от Искиндеря от Саки тѣм нашим людям, которых емя с ним к тебѣ послали, Олексѣю Можаетинову с товарицы нечесть, и соромота, и продажа велики была; да и посла нашего Ивановым людям соромота и продажа была, а которых наших людей с собою до Каѣы пона || ймовал, и он, пришед в Каѣу, тѣх наших людей попродал. И что будет Скиндер(ь) на наших людех поимал, да и на посла нашего на Ивановых людех что будет поимал,—и ты б то велѣл поотдавати нашим людям, а которых наших людей Сака Скиндер(ь) попродавал,—и ты б тѣх наших людей велѣл доискатис(ь); да наших бы еси людей, которых мы к тебѣ послали—Алексѣйка Можаетинова с товарицы, и посла нашего Ивановых людей, и тѣх людей, которых Скиндер(ь) попродал, всѣх к нам отпустил. А ныне послали емя к тебѣ своих казаков Кудояра Карачова сына Мурадинова с сею своею грамотою тог(о) дѣля: коли еще Искиндер(ь) здѣс(ь) у нас был, и он приставу здѣсе говорил непригожие рѣчи, а ныне над нашими люд(ь)ми так учинил. И Искиндер(ь) нѣчто учнет говорити пѣкоторые неправые рѣчи, чтобы межи нас с тобою какіе вражды не учинил. Да как до тебя доѣдут тѣ наши казаки
- л. 309 об. Кудаяр Карачев с товарицы, || и ты б их не издержав к нам отпустил. Писан в на-

шем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) ъз тритцат(ь) трет(ь)яго (1525) мѣ-
 сяца июн(я) 2 ден(ь)“¹⁾. А се такова грамота послана в Азов к Бургану. „Великій Госу-
 дарь Василей, Божією милостію единый правый Государь всея Руси, и иным многим
 землям восточным и сѣверным Государь, и Великій Князь(ь) володимерскій, московскій,
 повгородскій, пековскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгар-
 скій и иных брата нашего Сюлемен шах Салтанову слугѣ Бурган(у) агѣ диздерю азов-
 скому. Послали есмь к брату своему, къ Сулмемен шах Салтану, своих казаков—Ку-
 дояра Карачова сына Мурадинова с товарицы. И как тѣ наши казаки || Кудояръ л. 310.
 Карачев с товарицы в Азов приѣдут, и ты б нам тѣм послужил, посадил бы еси его
 на корабль с товарицы, и отпустил бы еси их в Каѳу, чтоб им, как дал Бог, до
 брата нашего, до Сюлемен шах Салтана, здорово доѣхати. Писан в нашем государ-
 ствѣ в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) ъзг (1525) июня“¹⁾. А се такова грамота послана
 в Каѳу к Санчагу с тѣми ж казаки, с Кудояром с товарицы. А¹⁾ Государьства
 писаны в крузѣ назад. „Брата нашего Сюлемен шах Салтанову слугѣ Магмедю,
 князю Санчагу каеннскому. Послали есмь к брату своему, к Сюлемен шах Салтану,
 своих казаков Кудояра Карачова сына Мурадинова с товарицы. И как тѣ наши
 казаки Кудояр Карачов с товарицы в Каѳу приѣдут, и ты б нам тѣм послужил:
 посадил бы еси его на корабль с товарицы и отпустил бы еси || их к Салтану, чтоб л. 310 об.
 им, как дал Бог, до брата нашего, до Сюлемен шах Салтана, здорово доѣхати. Писан
 в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) ъз тритцат(ь) трет(ь)яго (1525) июн(ь)“¹⁾.
 А се такова память(ь) дана Кудояру, а велѣно еѣ проучивати да изодрати. Память(ь)
 Кудояру. Нѣчто возмолвят ему: „Писал Князь(ь) Великій, что непригожие рѣчи Искин-
 дер(ь) Сака на Москвѣ говорил приставу,—ино что непригож(е)ство Скиндерево?“ И
 Кудояру говорити: „Государь наш для Салтана Скиндеря жаловал и ч(е)сть ему дер-
 жал, как есть пригож. Пристава ему дали, и подворіе велѣл указати, и кормы великіе
 велѣл давати, и он то жалован(ь)е ни во что поставил, и приставу говорил, что к
 нему Государьского жалован(ь)я мало, и корму мало, и нечесть собѣ от Государя там жо
 сказывал; а кор || му ему давали на день по(е)тол(ь)ку, а пытайте янычан, которые л. 311.
 с ним были. И он кормы продавал, а приставу говорит, что корму мало, а Государю
 нечесть приносил. А отпущая, его Государь жаловал своим великим жалован(ь)ем и
 давал ему много своег(о) жалован(ь)я. И он также говорил, что ему жалован(ь)я Госу-
 дарьског(о) мало, да тогда ж говорил: „Доѣду до Салтана и яз межи Великог(о) Князя
 с Салтаном вражду учиню“,—да и иные многие рѣчи непригожие говорил. И здѣсе
 что будет говорил про Государя, что ег(о) Государь не жаловал, и он то все лгал“.
 А нѣчто возмолвят: „А ѣсти его Князь(ь) Великій к себѣ чего для не звал?“ И Кудояру
 говорити: „Государь наш его жаловал, ѣсть его к собѣ звал, и Искиндер(ь) говорил,
 что ему ѣсти нел(ь)зѣ того дѣля, что у них говѣн(ь)е; и Государь наш велѣл ему и
 приставу о том молвити, чтоб он ѣл у Государя. И Искиндер(ь) ся отмолвил тѣм, что
 у них говѣн(ь)е. А на отпущѣ, как его Государь учал отпущати, и он его не звал
 ѣсть тог(о) для, что зашло Государя || нашего говѣн(ь)е и ему было тогда за столом л. 311 об.
 быти у Государя нашего непригож; и Государь наш ѣсти ег(о) не звал, а на подворіе
 к нему посылал кормы великіе и честь ему чинил, как есть пригож, а жалован(ь)я
 своег(о) Государь наш давал ему много“¹⁾. А поѣхал Кудояръ с Москвы июня 4, а
 поѣхал на Рязан(ь), и с Резани Кудояръ поѣхал июня 15 ден(ь). || Лѣт(а) ъзг (1525) л. 312.

¹⁾ Въ рукописи лишнес „о“.

- маія 20 писали из Азова к Великому Князю с казаки с резанцы про крымские вѣсти, что посылал крымской Царь к туретцкому Царю силы просит(ь), а хотел итти на Велико(о) Князя украинны. И туретцкой к нему послал воеводу своег(о) урюмского— Магмет бек Михал удуя, а с ним пятнатцат(ь) тысяч. Да из Азова ж писал к Великому Князю Ивашко Королевской, что, как пришел Искиндер(ь) Сага из Крыма, и говорил Сат Кирѣю Царю, что его Княз(ь) Великій не жаловал и ч(ес)ти ему от Велико(о) Князя не было, да и с очей его сослал, и Царю, деи, отманскому лаил. И Сат Кирѣй, Царь крымской, с тѣми вѣстьми посылал посла ко отманскому, и отманскій, деи, Царь дал ему на пособ(ь) своих людей тритцат(ь) тысяч поити на Велико(о) Князя украинны. || И того ж лѣта, маія 27 ден(ь), писали изъ Азова с Велико(о) Князи казаки с резанцы, съ Ширыком с Малым с товарицы, что, деи, выступил Царь казанской из Крыма, а с ним пят(ь)десят тысячъ, а итти ему было на Велико(о) Князя украинны. || И того ж лѣт(а), июля 12, писали из Азова к Великому Князю с казаки, с резанцы—с Ивашком с Шубиным с товарицы про крымские вѣсти, что Ислам Царь Саидет Гирѣя Царя ис Крыма збил и к Саидет Гирѣю Царю приходилъ на пособ(ь) Санчаг кааинской, а с ним тысяча турок и сем(ь)сот. И Ислам Царь Санчага побил и турок всѣх побил и на царсгвѣ учипили Ислама Царя. || Лѣт(а) ѳз тритцат(ь) пятаг(о) (1526) декабря 4 Княз(ь) Великій учал наряжати(сь) к Пречистой на Тихвину. И приѣхали к Великому Князю его люди торговые изо Царя-Города, что их посылал Княз(ь) Великій о рухляди, что была с Иваном с Семеновым, Олексѣй Можаятипов с товарицы и сказали, что им Салтан дал людей рухляд(ь) продати и купити [что продати], и их отпустил. И посла своего Сюлемен Салтан не посылает, а прислал Скиндера того дѣля, что(б) купити потребная. А се грамота з гост(ь)ми Салтанова с Олексѣем с таварицы. „Сюлемен шаг, Салим шаг силы находцов Царевъ сынъ, Великій Государь, разумом достижет на всяко постиженіе и справедливством слово доводит, в Костянтинопол(ь)ском государствѣ и оттолѣ до Кааы пути достижен(і)я заповед(ь)ми и повелѣн(ь)ми кадыем и всѣм пошлинником с бережен(ь)ем допроводити велѣли есмя вас. И Великому Гамаюну Васил(і)ю Ивановичу, Господу вѣдомо бы было, что
- л. 314 об. всякому к нам хотящему от Москвы || приходити посол(ь)ством или каких случаев дѣлы также есмя наказали и таким же обычаем заповѣдали, да въ всяком пространствѣ и в миру ходят безо всяких зацѣлок и вперед и назад. И по какову дѣлу посол имѣтис(ь) будет с малыми люд(ь)ми и со многими по всей дорозѣ до наших счастливых ворот никаким случаем от наших людей вредитис(ь) будет, развѣ гдѣ по нѣкакой винѣ ж, и которые вины земским судом подлежат, да по закону градскому и по правилу истизани будут,—о тѣх убо ни едино слово имѣтсѣя. И всѣ наши пошлинники, на сѣ наши книги смотря, вѣрите. Лѣт(а) девят(ь) сот тритцат(ь) перваго, мѣсяца августа, писана в Костянтинополи“. И декабря (?) из Нова-Городга из Сѣверского писал к Великому Князю намѣстник княз(ь) Микита Оболенской, что идет к Великому Князю изо Царя-Города Сага Скиндер(ь). А Княз(ь) Великій в ту пору наряжаетца ѣхати на Тихвину. || И Княз(ь) Великій ѣдучи приказал казначѣю своему Петру Головину против Скиндера дати пристава, и Петръ посылал к ним встрѣчу пристава Бакаку Митрофанова сына Карачарова. То был у него пристав и на Москвѣ. И пристава у него быти Княз(ь) Великій иному на Москвѣ не велѣл того дѣля, что Искиндер(ь) пришел невѣдомо, посол(ь)ством или о торгу. И как Княз(ь) Великій приѣхал с Тихвины, и генваря 24 велѣл Княз(ь) Великій у себя быти Скиндерю. И как Искиндер(ь) пришел на двор,—и Княз(ь) Великій встрѣтити его не велѣл
- л. 315

никому. И приговорил Князь(ь) Великій: „Как Скиндер(ь) придет к Великому Князю и будет пришел послом и как грамоту подасть, ино его к рудѣ позвати и ѣсти его звати, и почтити его за посла, а полехку“. И как Искиндер(ь) вшел к Великому Князю, и правил от Салтана Великому Князю поздравление, да подал грамоту, и в грамоте написано. „Послали есмя к твоему царству нѣколикія рухляди || купити—бѣлки, л. 315 об. и соболя, и плат(ь)я (на) не(с)кол(ь)ко тысящ аспрь вѣрнаго раба своего послом Саку Скиндера“. И Князь Великій Саку Скиндера к рудѣ позвал, да и ѣсти его к собѣ позвал, а опосле стола послал за ним с медом Бокаку ж Митрофанова. И бил челом Скиндер(ь) Великому Князю, чтоб Князь(ь) Великій дал ему людей и ослободил ему купити, что погребная. И Князь(ь) Великій ему людей велѣл дати и ослободил ему товар купити. И жил Искиндер(ь) на Москвѣ до сентября лѣта ѣз тритцат(ь) шестаго (1527). А се грамота Салтанова [сѣ] Скиндерем.

„Милостию Бож(і)ею яз Великій Цар(ь), и сил(ь)ный Государь, и великій амир, Султан Сюлеман Царь, всѣм землям приморским, и румским, и караманским, и пентапол(ь)ским, и романѣйским, и перскимъ, || и мисюрским, и всѣй землѣ арапской, и иным многим землям господинь, и Царем Царь, и Великій Государь и возможной. Пишет высота царства моего и великое господство ми мудрому Государю и всѣм почтенному Великому Князю Васил(і)ю, Государю земли московской, и смоленскому, и сѣверскому, и угорскій, и болгарскій, и иным многим землям в(о)сточным Государю— много здрав(і)е и веселіе государству твоему. Паки вѣдомо да будет государству твоему, како в се время царства моего высота потребы ради, нѣколикоя рухляди купи ради, бѣлки и соболей. царской моей высо[тѣ] нѣколику тысящ аспрь послал с рабом царства моего, вѣрным послом Сака Скиндерем, и грамоту есми с ним по вашему приягел(ь)ству и по обычаем царства твоего послали есмя и поручили. И како вышереченной Сака Скиндер(ь), посол нашъ, придет приятел(ь)ским путем ко государству твоему, так бы еси учинил. И послал с аспрами моими колико может добыти, что на потребу—бѣлки, и соболей, || и платья,—и иные рухляди купити. Государство ваше л. 316 об. человекъ ему дасть и не уймеш(ь), ни заповѣдаеш(ь), како вышереченную работу:бѣлку, и соболи, и плат(ь)е похочет купити, чтоб не стояно зато было,—то государство твое приятел(ь)ски учинит реченную работу, плат(ь)е и рухляд(ь) потребную сполна да будет отправлено. О том государство твое нам не постоит. А что тобѣ понадобится в нашем государствѣ,—и мы твоему (го)сударству за то не стоим. А как вышереченный Сака Скиндер(ь), посол наше высости, плач(ь)е, и соболи, и бѣлку сполна по воле, как захочет, покупит и помыслит которым путем к нам итти, а придет к тобѣ проситис(ь), и ты б по своему обычею пут(ь) ему дал и благословил, и воеводу своег(о) с ним пошлеш(ь), которой бы с ним заодно шел. А скол(ь)ко будет тобѣ пригоже своих людей с своим воеводою послати, стол(ь)ко бы еси человекъ послал и проводитьи бы еси нашего посла велѣл, гдѣ похочет вылести на мою землю, чтоб был оборонен || л. 317. от всяких злых невол(ь) и со всею рухляд(ь)ю. Писан мѣсяца (?) дан 20 в мѣсте царскаго стол(ь)на и славна Цари-Града“. И лѣт(а) ѣз тритцат(ь) шестаго (1527), ноября 10, Князь(ь) Великій Скиндера с Москвы во Царь-Град отпустил, а с ним послал к Салтану свою грамоту. А се грамота. „Богъ наш Троица, иже прежде вѣк сый и нынѣ есть. Отець, Сынъ и Святыи Духъ. Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостию един правый Государь всея Руси и иным многим землям восточным и сѣверным Государь. и Великій Князь(ь) володимерскій, московскій, ноугородскій, псковскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, || пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных.—Сюлеман шах Салтану, л. 317 об.

Государю константинопольскому, и беломорскому, и черноморскому, и патагійскому, и римскому, и карамалскому, и румскому, и иных земель Государю, брату и доброму приятелю. Присылал еси к нам своего раба, Саку Скиндеря, с своею грамотою. А в грамоте в своей к нам писал еси, что еси послал (с) Скиндерем аспры купити на себя нѣкоторая потребная. И нам бы ослободити Искиндерю в своих государствех купити на тебя потребная и человекъ бы нам ему торговца на то дати. И мы в своих государ(ь)ствех Скиндерю ослободили все купити, что ему на тебя потребная, и торговца есмь ему на то дали. И как куплю сотвори и время ему отесе ѣхати, и он у нас просился, и мы его к тебѣ отпустили и проводити есмь его велѣли по своим государством. Писан в нашем государстве, в нашем граде Москвѣ, лѣт(а) 7235 (1527)

л. 318. ноября мѣсяца“. ||

Лѣт(а) 7237 (1529). Князь(ь) Великій поѣхал в свою богомол(ь)ню, в Кирилов монастыр(ь). И писали к Великому Князю с Москвы боярин Михайло Юр(ь)евъ да казначѣй Петръ Головин, что Салтана турецкого торговец его Ондрѣян грек на Москву приѣхал. И Князь(ь) Великій писал на Москву к Михаилу и к Петру, чтоб Ондрѣяну быти у себя да его воспросити: будут с ним от Салтана грамоты,—и тѣ б грамоты у Ондрѣяна взяли. И как Князь(ь) Великій из Кирилова монастыря приѣхал на Москву,—и велѣд Ондрѣяну быти у себя. И Ондрѣян пришед к Великому Князю да говорил: „Государь мой, Сюлеман Солтан, прислал со мною к тебѣ грамоту, и ту грамоту взяли у меня твой бояре Михайло Юр(ь)евъ да Петръ Головин“. А се грамота Салтанова, а писано вверху в нишану: „Сюлейман Салтан, Салим шах Царевъ сынъ, силы

л. 318 об. находец, Государем Государь“. || „Милостию Бож(1)ею яз Великій Царь, и сил(ь)ный Государь, и великій повелител(ь), Солтан Сюлейман Цар(ь), всем землям приморским, и румским, и караманским, и анаталійским, и дулкадарским, и романийским, и перским, и Мисюрю славному граду, и всеѣ землѣ арабской, и иным многим землям Господинъ и Царем Царь. Пишет высота царства ми мудрому и благородному и всякой чести и славе достойному и Богом подарованному нашему доброму приятелю и почтенному сусѣду, кралою Василію, Князю Великому, Государю землѣ владимерской, и московской, и болгарской, и наугородцкой, и всеѣх русских, и смоленскій, и пѣсковскій, и тѣерскій, и всем землям всточным, и иным многим землям Государю многа ти здравія и веселія Господьству ти. Паки вѣдомо да ест(ь) благородству ти: нынѣ послали есмь слугу и торговца царства ми именем Андрѣя, и попес нашу грамоту, зан(е)же такое (слово) молвлено на великих вратѣх царства ми: преж бо сего нѣколько аспрѣ и товару

л. 319. нашего царьского, колико имѣл в руках Ондрѣй, || дал на пят(ь) сот тысяч денег товару продати в московской землѣ ко угодію царства моего тѣм людям, кои сущ(ь) и нынѣ в московской землѣ благородства ти: именем Синан арменин от Гасан-Кеети и Муратом зовут от Царя-Города арменин и Иван Попович от Вил(ь)ны; было между ими укрѣпленіе и уложеніе пред судіями и кадьи, надобной товар дал пред послухи, крѣпко ест(ь) утвержено. И тѣ люди, как пошли в землю благородства ти, колико время ест(ь), тамо и есть, ниж(е) хотят да приидут назад и с тѣми кунами царства ми. И имѣніе наше царьское дръжат. Того ради тако ест(ь) прошеме царства нашего: как дойдет до тебя се(й)¹⁾ наш человекъ с почтенною сею нашею грамотою къ твоему благородству, и твое бы благородство о том дѣле, о котором яз тебѣ писал, с аспрами царства нашего и тѣх людей пошлеш(ь) однолично ко мнѣ. И инако²⁾ не учинит бла-

¹⁾ въ рукописи: „сесь“.

²⁾ въ рукописи: „иноко“

городство твое, так учинит, как есми писали к тобѣ. Писан мѣсяца марта 7, в стол(ь)-нем славнем и великом столѣ || ^{л. 319 об.} “А се грамота Салтанова бол(ь)шал, а писано в нишану: „Сюлеман Солтан, Салим шаг Царевъ сынъ, силы находец, Государемъ Государь“. „Милостію Бож(і)ею яз Великій Государь, и сил(ь)ный Царь, и Великій повелител(ь), Царь Солтан Сюйлеман, всѣм землям приморским, и румским, и караманским, и апаголійским, и роман(і)йским, и черским, и дулкадарским, и романским, и Мисюрю славному мѣсту, и всей землѣ арапской, и иным многим землям Господинъ, и Царем Царь, великій и возможный. Пишет высота великая господства ми всѣми почтенному и благородному и всякой чести и славѣ достойному нашему доброму пріятелю и почтенному сусѣду, Великому Князю, почтенному Государю московскому и володимерскому, и повгородцкому, и псковскому, смоленскому, и теерскому, югорскому, и болгарскому, и пермьскому, и вятцкому, и иным многим землям восточным Государю Великому и славному Васил(і)ю—много ти здравіе и любезно веселіе благородству ти. || ^{л. 320.} И доброю волею да восприимет благородство ти. И еще вѣдомо да ест(ь) благородству ти, како то в прошедших временах и нынѣ есть: человѣкъ и слуга, раб и купец царства ми, ходил в земли господства ти при наших прародителях и дѣтех их покойникѣх, куплю дѣючи, что было надобе царству их: шубы избранны от соболей и добрые лисицы покупал и к нам привозил, каковы нам пригожалис(ь) и высотѣ царства нашего. И сего вышереченнаго купца и слугу царства ми с сыном заедино послали есмя их с нашими царскими аспрами, чтоб нам купил надобнаго плат(ь)я от всякія розни; так просим от благородства ти и жадаем: как придет онъ к вамъ с почтенными нашими книгами, вышереченный наш купец Андрѣй, придет в землю благородства ти,—и ты б по старым обычаем, и по законом, и по путем пріятел(ь)ским, что будет къ угодію нам надобе царству ми, и по хотѣнію нашей высости,—вышереченный наш посланник учнет торговати плат(ь)я собол(ь)я нашими аспрами,—и ты б заповѣдал своим купцем, || ^{л. 320 об.} чтоб с ним заедино были, и торговали б ему, и смотрили, и помогали. А не было бы ему ни от кого некоторые споны и силы по тому нашему вышереченному посланнику царства ми, чтоб покупил доброе нарочитое по нашему хотѣнію, и отправлял бы ся добрым поведеніем и ценою прямою кушил бы: и то нам от твоего благородія вел(ь)ми за честь и великое пріятелство и дружбы по(д)тверженіе. И как исторгует, и ты б его к нам отпустил без всякіе зацѣпки и убытка и насил(ь)ства со всяким благодушством, добра и здрава, к нашей высотѣ царства (да) возвратится и придет. И которою дорогою захочет, туды придет к нам; куды ся ему годит, куды бы шол без страха, куды его хотѣніе будет, ту бы был отпущен и оборонен по старому закону и по обычаем сам и с нашею казною и с коп(я)ми и со всяким товаром и ото всякіе неволи и насил(ь)ства оборонен, как его хотѣніе будет, от твоег(о) благородія людей и до нас дошел бы поздорову. Писана 7 апрѣля в мѣсте славнаго || ^{л. 321.} стол(ь)наго Цари-Града, названіем Стамбол—Константинопол(ь)“.

А се грамота пашина к Петру к Головину.

„Милостію Божию мы есмя всѣпочтенный Ибрюгимъ паша, великій и сил(ь)ный правител(ь), и начал(ь)ник, и избраны(й) муж великог(о) и сил(ь)пог(о) Царя господина Солтан Сюйлеман Царя. Пишет высота царства ми господину моему, еже ест(ь) начал(ь)ник великій и сил(ь)ный и всѣми почтенный,—много ти здравія и веселія господству твоему,—всѣми почтенному Петру Головину, великому казначѣю и пашѣ. нашему пріятелю. Еще вѣдомо да ест(ь) тобѣ, что преж сего времени подал нѣколько готовых аспрѣ и еще нѣсколько рухляди от имѣнія царскаго за потребу царь-

скую слуга и купец царьскія высоты по имени казнохранител(ь) Ондрѣй—дал своим людям: по имени Синану от Гасап-Кеоти, да Мурату арменину от мѣста Цари-Града, да Ивану Поповичу от Вил(ь)ны—пят(ь)сот тысяч аспрь атманских денег от царьскіе л. 321 об. казны посланы к Москве рухляди купити. И как пошли, || нѣколько уж время назад не бывали. Тог(о) ради есть послана о том царская грамота всеми почтенному кралю и Великому Князю Василию. И как до вашаия милости ся почтенная наша грамота дойдет, и ты б учинил приятел(ь)ство: тѣх прежереченных людей и с купцами по старым обычаем и законом однолично пошлеш(ь) к нам. А мы твоему благородю по тому ж приятел(ь)ство хотим чинити добре. Тебѣ же Бог взвеселить. Аминь“.

А на сторонѣ написано туретцким пис(ь)мом: „Юнусов сынъ—Ибрагим паша“.

И как Ондрѣян исторговал, и тог(о) же лѣта маія мѣсяца Княз(ь) Великій Ондрѣян с Москвы отпустил, а послал с ним к Салтану свою грамоту.

л. 322. А се грамота с Ондрѣяном. ||

„Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый и нынѣ есть, Отець и Сынъ и Святыи Духъ.

Великій Государь Василей, Божіею милостию един правый Государь всея Руси, и инымъ многим землям восточным и сѣверным Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, новгородцкій, псковскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, пермьскій, вятцкій, болгарскій и иных.

Сюлемен шах Салтану, Государю константинопол(ь)скому, и бѣломорскому, и черноморскому, и патагѣйскому, и римскому, и кагаманскому, и румскому, и иных земель(ь) Государю, брату и доброму приятелю

Писал еси к нам в своей грамоте, что еси послал в наши государьства слугу и купца своег(о) Андрѣя Грека с своими аспрами купити на себя нѣкоторая потребная,—и нам бы твоему куп || цу Андрѣю в своих государьствах ослободити купити на л. 322 об. тебя, что потребная, и тамги бы нам на нем имати не велѣти. И как твой слуга и купец Андрѣян приѣхал в наши государьства, и мы ему в своих государьствах ослободили купити, что ему надобе. А тамги есмя съ ег(о) товару со всег(о), что у нег(о) ни было, имати не велѣли. Да был здѣс(ь) суд твоему купцу Андрѣяну перед нашим казначѣем, перед Петром Ивановым сыном Головина, и перед нашими дяки о рухляди с арменином с Синаном. И в иной рухляди Андрѣян по суду прав, а в иной Синан у Андрѣяна отцеловался. И пришло было взяти на Ондрѣянѣ с тоѣ рухляди на нас тамги сто рублей и два(д)цат(ь) рублей и шесть рублей. И мы для тебя и тоѣ тамги на твоём слузѣ и купцѣ на Ондрѣянѣ имати не велѣли. А как Андрѣянѣ исторговал и похотѣл проч(ь) ити, и мы ему волю дали. И ег(о) есмя отпустили и проводить л. 323. есмя ег(о) велѣли. Писан в нашем государьстве, || в нашем градѣ Москвѣ лѣт(а) 733 (1529) маія мѣсяца 21-го дня“.

Лѣта 733 (1529) октября. Писали к Великому Князю из Смоленьска боярин и намѣстникъ княз(ь) Юрій Дмитреевич Пронской с товарицы, что идет к Великому Князю от туретског(о) Салтана посол Скиндер(ь) Сака. И Княз(ь) Великій писал ко князю къ Юрію. А велѣл ему к собѣ ѣхати из Смоленска, а пристав с ним из Смоленска поѣхал Михѣй Ознобишин. А велѣл Княз(ь) Великій Скиндерю побыти в Вязмѣ, доколе Княз(ь) Великій сам будет в Можайскѣ.

И октября 3 дня Княз(ь) Великій в Можаетскѣ приѣхал и послал по Искиндеря Юшка Шестова, велѣл ему ѣхати в Можаетскѣ. И как Изскиндеръ приѣхал в Можаетскѣ, и Княз(ь) Великій велѣл у него быти для бережен(ь)я и с ним ѣздити Ивану Кляпикову,

да с ним тритцат(ь) сынов боярских, да дватцат(ь) конюхов, а в приставех у него велѣл быти, кормъ давати Ивану Ступишину да подіачему Микиѳору Дылдину. || И л. 323 об. октября 17 дня велѣл Княз(ь) Великій Скиндерю быти на дворѣ. А посылал по него Ивана Кляпикова да Ивана Ступишина.

И как Скиндер(ь) приѣхал на двор, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити перед бол(ь)шею избою в сѣнех дьяком—Овонас(ь)ю Курицыну да Трет(ь)яку Ракову. А как пришел к сѣнем к выходной избѣ, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити у сѣней перед выходною избою Ѳедору Карпову да дѣяку своему Мен(ь)шему Путятину. И как вшел в избу, и явил его Великому Князю челом ударити Ѳедор же. И Искиндер(ь) правил Великому Князю поздравлен(і)е, да подал Великому Князю от Салтана грамоту.

А се грамота.

А се вверху писано в пишану золотом: „Сюйлеман Солтан, Салим шаг Царевъ сынъ, силы находецъ, Государем Государь“. ||

л. 324.

„Милостию Бож(і)ею яз Великій Государь, и сил(ь)ный Царь, и великій повелител(ь), Сюйлеман Цар(ь), всѣм землям приморским, и караманским, и перским, и наталийским, и румским, и руманским, и арабским, и азиямским, и всѣм землям, и Мисюрю сл(а)вному граду великой области, и иным многим землям господинъ и инѣм мнозем Царем Царь, и Государем Государь. Пишет высота царства ми всѣми почтенному и благородному и Богомъ подарованному нашему доброму приятелю и почтенному сусѣду, Великому Князю Васил(і)ю, Государю земли московской, и володимерской, и смоленской, и болгарской, и угорской, и русской, и иным многим землям восточным Государь—много ти здравие и веселие и любов(ь) благородству ти. И о том да воспримет благородство ти. И паки есть вѣдомо, как наперед сего в предние времена царския ми для высоты, потреб дѣля, посылаванъ посол(ь)ским путем, нѣколько дорог приятел(ь)ства ради || от царь- л. 324 об. ских наших ворот, раб царства нашег(о), по имени *всѣми почтенный Искиндер(ь)*. И нынѣ послал к благородству ти также того ради, по первому обычаю и приятел(ь)ству, посол(ь)ским путем вышереченный Искиндеръ,—также паки за надобныи потребности послан царские ми ради высоты, что нам любо, с нашими книгами послан к свѣтлости кралеваства ти.

И как придет с нашими книгами до своег(о) благородства и з Бож(і)им повелѣнием и Божию милостию наше посол(ь)ство покажет вашему благородству,—и по обычаю и по закону преднему примет благородство ти, и ты уразумѣв заповѣдаешъ слугам своим: швецом и масгером, чтоб были поручени и берегли и помогали вышереченному послу Искиндерю, рабу царства ми, за высоту царства нашег(о), скол(ь)ко ему будет надобѣ соболей и шуб собол(ь)их, и от иного, что будет || ему надобѣ (по) запо- л. 325. веде царства нашег(о), покупали б ему на ден(ь)ги прямо(ю) ценою однолично. И как он покупит то все и исполнит по нашему посол(ь)ству и придет к кралеваства ти высотѣ, и ты б учинил нам гораздо приятелство: вышереченнаго нашег(о) посла Искиндеря, раба царства нашег(о), и с купленным товаром царства нашег(о) без всяког(о) задержания, коим путем похочет и поити, и твое бы благородство тѣмъ путем его отпустил и отправил к странѣ царства нашег(о), чтоб ему и до наше державы идучи, на пути, прежереченному Искиндерю и его дружнѣ, и конем, и товару—шкоты и силы пикоторые бы и згибели не было, о всем бы был управлен от благородства твоего животом и здравием. Да придет царства нашег(о) странѣ с люд(ь)ми со всѣми и с товаром и все до нас допроводит без кручины“.

И Княз(ь) Великій звал его к рущѣ, да велѣл ему сѣсти, да звал его Княз(ь) Великій ѣсти, и велѣл ему итти стола ждати на подворье близко Великог(о) Князя

л. 325 об. двора || у конюшни. А за столом сидѣл против его Иван Кляпиков. И ѣлъ того дни Изкиндер(ь) у Великого Князя, а после стола посылал Княз(ь) Великій потчивать Искиндеря Ивана Кляпикова да Ивана Ступишина.

И октября 21-го дня велѣл Княз(ь) Великій Искиндерю быти на дворѣ, а посылал по него Ивана ж Кляпикова, а велѣл ему итти на то же подвор(ь)е, гдѣ стола ждал, и послал к нему Федора Иванова сына Карпова да дядка своего Мен(ь)шого Путятина, а велѣл ему молвити: „Государь нашъ велѣл тобѣ го(во)рити“: „Писал к нам брат нашъ, Сюлеман шах Салтанъ, чтобы нам тобѣ дати торговцов и ослободити тобѣ купити в своих государьствех, что тобѣ надобе на Салтана потребная. И мы тобѣ торговцов велѣли дати и ослободили тобѣ купити, что тобѣ надобе, и тебя нынѣ отпускаем. И

л. 326. ты поѣдъ к Москвѣ, да торгуй, да оттоле поѣд(ь) к Салтану“. || Да велѣл ему Княз(ь) Великій к собѣ итти. И как Скиндер(ь) пришел на дворѣ, и Княз(ь) Великій велѣл его встрѣтити по тому же, как был впервые у Великого Князя. И как впел в избу к Великому Князю, и Князь Великій ему сам молвил: „Искиндер(ь), писал к нам брат нашъ, Сюлеман шах Салтанъ, чтоб нам тобѣ торговца дати и ослободити тобѣ торговати в своих государьствех и купити, что тобѣ надобе. И мы тобѣ торговцов дали и торговати тобѣ ослободили, и ты поѣд(ь) к Москве да торгуй и купи, что тобѣ надобе“.

И отпустил Княз(ь) Великій Скиндеря на Москву: то ему и к Салтану отпускъ. А приставове с ним поѣхали: Иван Ступишинъ, да Чюра толмач, да с ними дватцат(ь) копохов. И как Княз(ь) Великій приѣхал на Москву, и Искиндер(ь) присылал х казначью, к Петру к Головину, что он болел добръ: „И Петръ бы прислал человѣка, а л. 326 об. ве || лѣл бы рухляд(ь) Салтанову и мою переписать. вѣчто Бож(і)я воля сстанетца—меня в животѣ не станет—ино бы Салтанова рухляд(ь) и моя не пропала“. И Княз(ь) Великій велѣлъ Петру послати рухлядъ Салтанову переписать и пересмотрити Семена Дмитреева сына Чяшникова да дядка Микиѳора Семенова. И они рухляд(ь) смотрели и переписали. И после того Скиндеря в животѣ не стало. И в той ж рухляди нашли после Скиндеря списки, и в тѣх списках писано, что будто пришел полопяникъ из Азова, а сказывал, что будто туретцког(о) людей побил угорьской корол(ь). И Княз(ь) Великій тому обрадовался и звонити велѣл. И иные рѣчи писал. А Княз(ь) Великій был янычанъ отпустил, которые были съ Скиндерем, а рухляд(ь) им Салтанову давали, и они не взяли. И Княз(ь) Великій говорил з бояры: „Такие рѣчи Скиндер(ь) говорил да

л. 327. и писал, и он пѣчто будет какову грамоту послал к Салтану с тѣми || янычаны. Ино их пригоже обыскати да и к Салтану то в грамоте написати, чего дѣля их велѣти обыскати“. И послал Княз(ь) Великій янычан обыскивати дядка своего Мен(ь)шого Путятина, а велѣл их обыскати и велѣл их поставити в Дорогобуже, а у них велѣл быти в Дорогобужѣ для бережен(ь)я Остане Андрѣеву да Чюрѣ Руделеву. И приговорил Княз(ь) Великій, что ему янычан отпустить, а Салтанова рухляд(ь) отослати с тѣми янычаны и с торговыми люд(ь)ми, а к Салтану послати своего человѣка з грамотою. И послал Княз(ь) Великій к Салтану з грамотою своего человѣка Темеша Кадышева, да с ними же отпустил с Москвы царегородцов Пирохмата с товарищы. А с рухляд(ь)ю послал в Дорогобуж Семена Чяшникова да дядка Микиѳора Семенова.

л. 327 об. А велѣлъ Семену Чяшникову, и Микиѳору, и Остане, и Чюрѣ рухляд(ь) || отдати янычаном—Усейну с товарищы и царегородцом—Пирахмату с товарищы, да Темешу Кадышеву с товарищы. А к рухляди печати свои всѣм велѣл приложити. И велѣл их Князь Великій отпустить из Дорогобужа, а пристава велѣл с ними послати—Михѣя Ознобишина до Смоленска, а в Смоленску им на посадѣ стояти не велѣлъ, а велѣл

им проити Смоленскъ. А се грамота с Темешем к Салтану. „Богъ наш Троица, иже прежде вѣкъ сый и нынѣ есть, Отець и Сынъ и Святыи Духъ. Великий Государь Василей, Божиею милостию един правый Государь всея Русіи, и иным многим землям восточным и сѣверным Государь, и Великий Князь(ь) володимерскій, || московскій, л. 328. новгородскій, псковскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, пермскій, вятцкій, болгарскій и иных, Сюлеман шах Салтану, Государю константинопольскому, и беломорскому, и черноморскому, и паталійскому, и римскому, и румскому, и иных земель(ь) Государю, брату и доброму приятелю. Присылал еси к нам своег(о) раба Саку Скиндеря с сво(е)ю грамотою, а в грамоте в своей к нам писал еси, что еси послал Скиндеря купити на себя нѣкоторая потребная шубы и соболей. И нам бы ослободити Искиндерю в своих государьствех купити на тебя потребная, и человек(а) бы нам ему торговца на то дати, кому ему что купити. И мы в своих государьствех Скиндерю ослободили все купити, что ему на тебя потребная, и торговцов есмя ему на то дали. И прислал Скиндер(ь) к казначѣем нашимъ, что на него || пришла великая болѣзнь,—и казначѣи бы л. 328 об. наши прислали к нему наших людей, которая твоя рухляд(ь) с ним пришла и которую рухляд(ь) здѣсь на тебя покупил, того бы велѣли посмотреть, да что и его рухляди, того бы всего велѣли посмотреть и переписать. И казначѣи наши послали к Искиндерю нашег(о) доброго человек(а) Семена Дмитреева сына Чяшшикова да дѣла нашег(о) Микиѳора Семенова, а велѣли рухляд(ь) твою да и Скиндереву рухлядь всю пересмотрити и переписать. И Бож(і)я воля осталася,—Скиндеря в животѣ не стало. И коли смогрили у Искиндеря рухляди наши люди,—и в той рухляди списки Скиндеревы. И в тѣх списках написал Скиндер(ь) лживые слова. Ино твоих людей того дѣла обыскивали, чтобы пных лживых слов не было, а людей есмя твоих к тобѣ велѣли отпустить, да и торговых есмя людей всѣх велѣли отпустить, а к тобѣ вмѣсте с твоими люд(ь)ми послали есмя с сею своею || грамотою своих казаков Темеша Кадышева л 329. с товарищы, а которая рухляд(ь) твоя была с Искиндерем да его рухлядь, и мы казначѣем своим ту рухляд(ь) всю велѣли послати к тобѣ за печат(ь)ми с твоими янычаны—с Усейном, да с Осаном, да съ Хидыр-Балы, да с Овдѣем, да с Усейном же, да с Касысом, да с Ѳергатом, да с Багатом, да с торговыми люд(ь)ми—с Челебѣем з Бурсянином, да со царегородцы—с Пирохматом с Азибѣевым, да съ Саиватом с Махметевым, да с Алпем с Мырзяновым, да с Алием с Исуповым, да з Бутакотом с Кулуевым, да с Азимусою с Ахметевым, да съ своими казаки с Темешем с Кадышевым с товарищы. Да и список тоѣ рухляди, которую рухляд(ь) переписал нашъ доброй человек(а) Семен Дмитреевъ сынъ Чяшшиков да дѣла Микиѳор Семенов.—казначѣи наши дали твоим людям—Усейну янычанину да Пирохмату Азибѣеву с товарищы. А противен(ь) того списка казначѣи наши у себя оставили. И как до тебя || л. 329 об. дойдут твоя люди и наши казаки Темеш Кадышев с товарищы, и ты б нашего казака Темеша Кадышева с товарищы не издержав часа того к нам отпустил. Писан в нашем государьствѣ, в нашемъ градѣ Москвѣ лѣт(а) „зли 1529 декабря мѣсяца“.

А се грамота королю с Темешем. „От Великог(о) Государя Васил(і)я, Бож(і)ею милостию Государя всея Русіи и Великог(о) Князя володимерского, московского, новгородског(о), псковского, смоленского, тѣерского, югорского, пермскогог(о), вятцког(о), болгарского и иных—брату и свату нашему Жыгимонту, Королю пол(ь)скому и Великому Князю литовскому. Присылал к нам брат нашъ, Сюлеман шах Салтан, своего посла Скиндеря, а с ним прислал свои аспры купити на себя нѣкоторая потребная. соболы, и шубы, и иная потребная. И Бож(і)я воля осталас(ь), посла брата нашего,

- л. 330. Скиндеря, в животѣ не стало. И кото || рые с ним люди были Салтановы и торговые люди, и мы тѣх людей всѣх отпустили к Салтану, а с ними вмѣсте послали есмя к Салтану своего казака Темеша Кадышева с товарицы, да и рухляд(ь) есмя Салтанову, которая была съ Скиндерем и его рухляд(ь), послали есмя к Салтану с тѣми его люд(ь)ми съ янычаны, съ Усейном с товарицы, и с торговыми люд(ь)ми и с своим казакм с Темешем с Кадышевым. И ты б нашему человѣку Темешу с товарицы дал пут(ь), чтоб ему по твоей землѣ итти добровол(ь)но, без всякие зацѣпки и съ рухляд(ь)ю брата нашего, Сюлеман шах Салтановою. И проводити бы еси их велѣя по своей землѣ до границы, чтоб ему до брата нашего, до Сюлеман шах Салтана, здорово доѣхати и съ его рухляд(ь)ю. Писан на Москвѣ лѣта 4211 (1529)¹⁾“. А се грамота к Жигимонтовым королевым паном с Темешем же. „От Великого Государя Васил(а)я,
- л. 330 об. Божіею милостію || Государя всея Руси и Великог(о) Князя володимерского, московского, новгородског(о), псковского, смоленског(о), тѣерского, югорског(о), пермьского, вятцког(о), болгарьского и иных, брата и свата нашего Жыгимонта короля воеводам, и паном, и старостам, и намѣстником, и всѣм приказным людем по литовской землѣ и по лятцкой. Присылал к нам брат наш, Сюлеман шах Салтан, своего посла Скиндеря, а с ним прислал свои аспры купити на себя нѣкотороя потребная: соболи, и шубы, и иная потребная. И Бож(і)я воля ссталас(ь), брата нашего Сюлеман шах Салтанова посла Скиндеря в животѣ не стало. И которые были с ним люди Салтановы и торговые люди, и мы тѣх людей всѣх отпустили к Салтану, а с ними вмѣсте послали есмя к Салтану своих казаков—Темеша Кадышева с товарицы, да и рухляд(ь) есмя Салтанову, которая рухляд(ь) Салтанова была съ Скиндерем, послали к нему || съ янычаны—с Усейном с товарицы и с торговыми люд(ь)ми, и своих казаков с Темешем с Кадышевым с товарицы. И вы б нашему казаку Темешу Кадышеву с товарицы по литовской землѣ и по лятцкой учинили путь чисть по перемирным грамотам и по крестному целован(і)ю, и проводити бы есте ихъ велѣли до границъ по брата нашег(о) землѣ, чтоб им до Сюлеман шах Салтана здорово доѣхати и с рухляд(ь)ю. Писан на
- л. 331 об. Москвѣ лѣта 4211 (1529)¹⁾ || .
- Лѣта 4233 тридцат(ь) девятого (1530) октября 30 ден(ь) Великого Князя татаринѣ Темешѣ Кадышов от Салтана к Великому Князю приѣхал, а привез к Великому Князю от Салтана грамоту. А се грамота от Салтана к Великому Князю с Темешем. А се вверху писано золотом: „Слово Великого Бога Превѣчна, Чистотна, Неподвижна“. А се золотом жо писано: „Предвеликочестному милостивѣйшее слово доброю мыслью, великое защищение, светлѣйшая планита, помощь наша Магмет Мустофа, которого Богъ упокоил и всего его рода и безчислеными обогатил его чудотвореніи, и кото-
- л. 332. рые при нем бывшая друзи: || Абубефир, Омеръ, Осман, Алій, то естѣ всѣх тѣх милост(і)ю своею Бог помиловал, упокоил всѣх тѣх чудотворцев души ег(о) чудогвореніем и милостію“. А се в нишану писано: „Сюлейман шаг, сынѣ Салим шаг Царевѣ, силы находец, Царѣ гамаюн“. А се писано в черных строках после нишану: „Сынѣ Великог(о) Государя, земской властелин, достойный вѣнцу царствія, на земли Бож(і)я сѣнь, иж(е) осѣняет вселенную, бѣломорскій, и черноморскій, и румскіе земли, анатал(і)йскій, караманскій и римскіе земли, даваггадырскій, вадакберскій, курдусканскій, ваазыр-
- л. 332 об. банзянскій, азамскій, шамскій, халыпскій, мисюрскій, мекенскій, || мединейскій, ярусалимскій и всея арабскыя земли, и еменскыя земли, да еще великог(о) Багдада.

¹⁾ Обѣ грамоты писаны, очевидно, одновременно съ грамотой къ Султану—въ декабрѣ.

Божимъ просвѣтлѣн(і)емъ и помощью, гнѣвомъ многомъ побѣдител(ь) быхъ нѣколикимъ землямъ, и яко огнемъ саблею нашею потребишас(ь) нашимъ побѣжен(і)емъ, яко ж(е) отци наши нѣкоторые земли повинушас(ь): Салтанъ Баязыт, Царевъ сынъ, Салтанъ Селимъ Царь, Солтанъ Селимъ Царевъ сынъ, Солтанъ Сулейманъ Царь! А ты русскіе земли корол(ь), Княз(ь) Василей еси! В се время вселенскаго заступленія счастливому нашему порогу грамоту свою прислал еси с своимъ человек(ом), что у вас не стало нашег(о) человек(а) Саки Искиндера. И ты куны ег(о) всѣ, которые при немъ были там, деотеръ учинив, написать велѣл еси. И тот деотер(ь) запечатавъ с тѣмъ своимъ человек(ом) ко мнѣ прислал еси, и, какъ намъ про то вѣдомо учинилося, твой человек(ь) тѣ куны намъ привез. И мы по велико || му своему государству тому твоему чело- л. 333. вѣку, которой к намъ пришел, волю дали и назад есмя ег(о) в твою землю отпустили. Тагъ бы еси вѣдал. Іюл(я) мѣсяца в начале лѣт(а) цлс. Писанъ великаго государства нашего дворѣ в Костянтинополи“. И лѣт(а) зма (1532) полбря 5 дня писалъ к Великому Князю из Смоленска бояринъ и намѣстникъ княз(ь) Александръ Андреевичъ Ростов, что идетъ к Великому Князю турецкаго Салтана человек(ь) Ахмат. И Князь Великій велѣл ему ѣхати к Москвѣ. И какъ Ахматъ приѣхалъ на Москву, и Князь(ь) Великій велѣл у него быти в приставехъ под(ь)ячелу Ивашку Щекину, а велѣл его поставити на литовскомъ дворѣ. || И ноября 12 дня велѣл Князь(ь) Великій Ахмату, Салтанову человек(у), л. 333 об. быти на дворѣ, а посылалъ по него пристава жъ Ивашка Щекина. И какъ приѣхалъ на двор, и Князь(ь) Великій велѣл ему итти к Благовѣщен(ь)ю в палерть. А встрѣчи ему не было. Дождался его у дверей у избныхъ дьякъ Мен(ь)шей Путятинъ и шелъ с нимъ в избу к Великому Князю. И какъ Ахметъ вшелъ в избу к Великому Князю, и явилъ его Великому Князю челомъ ударити Мен(ь)шей ж. И Ахматъ правилъ Великому Князю от туретцкаго Салтана поздравленіе да подалъ грамоту. И Князь(ь) Великій позвалъ его к руце, а сѣсти ему не велѣл, да звалъ его ѣсти и велѣл ему итти в набережную полату ждати стола. И ѣлъ того дни Ахматъ у Великог(о) Князя. А за столомъ противъ его сидѣлъ || приставъ же Иванъ Щекинъ. А после стола потчивалъ его на подвор(ь)е медомъ л. 334. Ивашко жъ Щекинъ. А се грамота от туретцкаг(о) Салтана съ ег(о) человек(ом) съ Ахматомъ. А се вверху написано: „Господинъ Богъ“. А в нишану напи(са)но: „Салимъ шагъ Царевъ сынъ, Сюлейманъ Царь, силы находецъ. Государемъ Государь!“ А опосле строка бол(ь)шая: „Милостію Бож(і)ею язъ Великій Государь, начал(ь)ны(й) Царь-Царемъ, и велик(і)й гамаюнъ, Салтанъ Сюлейманъ Царь, всѣмъ землямъ ру(м)скимъ и караманскимъ, и наталѣйскимъ, и арменскимъ, || и арабскимъ, и азбьскимъ, и всѣмъ землямъ приморскимъ, л. 334 об. и ру(м)скимъ, и караманскимъ, и наталѣйскимъ, и раманѣйскимъ, и сербскимъ, и аеменскимъ, и всѣмъ землямъ арабскимъ, и мѣсту славному Мисюрю, и всѣмъ землямъ азамской, и всѣмъ землямъ передреченымъ, и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и западнымъ Царемъ Царь, Государемъ Государь. Пишетъ высота царства ми. Подаетъ тобѣ многое здравіе и веселіе и радость высотъ кралевства ти, мудрому и благородному, всякой чести и славѣ достойному и Богомъ подарованному нашему ласковому и доброму приятелю и любимому сусѣду, великому кралю, Великому Князю Васил(і)ю, Государю московскому, и рускому, и болгарскому, еще югорскому, и владимерскому, смоленскому, поугородцкому, || теерскому, и пермскому, и инымъ многимъ землямъ западнымъ Государю. Да еще л. 335. б вѣдомо было кралевству твоейъ высости какъ прежнихъ временахъ и до сѣхъ мѣсть временъ межи насъ обѣихъ надѣяся вел(ь)ми, яко приятел(ь)ству любви, и такое строител(ь)ство помысливши, на надоб(ь)я великаго царства ради моег(о) потребъ падобе: не(с)кол(ь)ко портишь собол(ь)ихъ, неколко птицъ кречатовъ. И того ради царства ми

- высота послал слугу своег(о) во всемъ под(ч)теннаго раба царства ми, именем Ахмата. з готовыми аспрами, там к земли свѣглости кралевства ти; з Бож(1)имъ повелѣніемъ как вышереченный нашъ раб к тобѣ придет с почтенною нашею грамотою, къ свѣглости кралевства ти, и твоег(о) кралевства свѣглость посмотришь приятельства пер-
л. 335 об. ваго и учиниш(ь) || любов(ь) кралевства твое о тѣх вещех, о которых послан нашъ раб— от кожухов от собол(ь)ихъ. Вышереченному рабу нашему царства ми ослободиш(ь) купити нам, (что) надобе, по ег(о) воле, скол(ь)ко он похочет, по нашему приказу безо всякого закоснѣнья. А как отдѣлаецца по моему приказу, что ему надобе искупит, и ты б однолично дал ему волю итти к нам назад, кудѣ похочет итти. А как учнет торговати, и ты бы ему дал пристава по его надоб(ь)ю, кто б ему торговал, что ему надобе; а доколе не изторгует, и ты б его из своей земли не высылал. А как изторгует и похочет итти, и твоя бы кралевская милость по старому обычаю, кудѣ захочет итти, и ты бы тудѣ ему волю далъ итти. И велѣл бы еси его по дорозѣ однолично
л. 336. побережи, чтоб ему дорогою со всеми || своими люд(ь)ми, и с кунами, и со всемъ своим товаромъ здорово итти, чтоб Божіею милостию до нас здорово дошел. И тобѣ от нас великое благодарен(ь)е будет. А мой ему приказ купити соболей и кречатов, скол(ь)ко возможет купити. Так бы вѣдал благородство¹⁾ твое. Писан въ стол(ь)нѣ Цари-Градѣ“. И бил челом Ахмат Великому Князю, чтоб Княз(ь) Великій дал ему людей и ослободил ему купити, что потребная, и Княз(ь) Великій ему людей велѣл дати и ослободил ему товар купити. И жил Ахмат на Москвѣ от поября до маія мѣсяца лѣта
л. 336 об. зма (1533). || И как Ахмат изторговался, и Княз(ь) Великій говорил з бояры, что ему пригож турецкого Салтана человѣка к Салтану отпустить, а с ним послати к Салтану своя грамота. И маія 26 дня Князъ Великій Ахмата к Салтану отпустил, а послал с ним к Салтану свою грамоту. А се грамота к Салтану съ его человѣком с Охматомъ: „Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣк сый и нынѣ есть, (и Отець), и Сынъ, и Святыи Духъ. Великій Государь Василей, Бож(і)ею милостию един правый Государь
л. 337. всея Руси, и иным многим землям восточным и сѣверным || Государь, и Великій Княз(ь) володимерскій, московскій, ноугородцкій, псковскій, смоленскій, тѣерскій, югорскій, перьмскій, вятцкій, болгарскій и иных, Сюлейман шаг Салтану, Государю константинопол(ь)скому, и беломорскому, и черноморскому, и наталейскому, и румскому, и караманскому, и иных земель(ь) Государю, брату и доброму приятелю. Присылал еси к нам торговца своего и слугу Ахмата с своею грамотою, а в грамоте в своей к нам писал еси, что еси торговцу своему Ахмату велѣл купити на себя нѣкоторая потребная—шуб и соболей и кречатов. И нам бы ослободити Ахмату в своих государствех купити на тобя потребная, и человѣка бы намъ своег(о) торговца на то ему дати.
л. 337²⁾ об. И мы в своих государствех Ахмату ослободили все купити, || что ему на тобя надобе погребная, и торговца есмя ему на то дали. И как Ахмат изторговал и похотѣл из наших государствъ къ тобѣ ѣхати, и мы его отпустили безо всякого задержанія, и проводить есмя его велѣли по своим землямъ. Писана в нашем государствѣ, в нашем градѣ Москвѣ. Лѣта зма (1533)“.

1) Въ рукописи: „благодарство“.

2) Пропускъ въ нумерации листовъ вызванъ пустыми листами.